

18+

ЭНА ЧСОВА

A woman in a blue suit is sitting on a dark, cloud-like base, looking out at a vast, colorful space. In the background, a large, multi-colored planet (pink, blue, green, yellow) is shown shattering into pieces. A small, dark, rocky object is also visible in the space. The overall scene is set against a backdrop of stars and nebulae in shades of red, orange, and blue.

Навигаторы Заброшенный Маяк

Яна Усова

Навигаторы.

Заброшенный маяк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70507888

SelfPub; 2024

Аннотация

Мика долгое время жила совсем одна на полуразрушенном маяке, думая, что она последний навигатор во всей Вселенной. Лишь холодный, бездушный искин составлял ей компанию, оберегал и учил ее. Но однажды она встретила другого вига – девушку по имени Линн, приемную внучку самого Эвиндра Кровавого, безумного императора, едва не погубившего ее мир. Так Мика узнала о возрождении материнской планеты навигаторов. И поняла: у нее есть шанс отомстить. Теперь Мике предстоит узнать, что на самом деле случилось с Франгаг много лет назад. Но сможет ли она принять эту истину? Сможет ли найти в себе силы двигаться дальше? И откроет ли свое сердце тому, кого считала врагом? Пятая книга из вселенной навигаторов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	50
Глава 3	78
Глава 4	120
Глава 5	172
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Яна Усова

Навигаторы.

Заброшенный маяк

Глава 1

Микаэлла

– Тыссс!!! Тыссс долженссс мнессс двесстиссс кредитовссс!!!

– Выкуси, шепелявый урод! Я честно выиграл у тебя эти кредиты! – прокричала я, вскакивая из-за оклоса – восьмиугольного стола, какие используют в подпольных игровых домах Хейраны.

Некоторые инопланетчики произносят название этого мира на странный манер – Эйрана. Именно так, без первой «Х». Но это неправильно, и хейры могут оставить без руки или даже без головы за такое искажение названия родного мира. Хейры – существа, совершенно непохожие на гуманоидов, с длинным гибким телом, покрытым серой кожей и овальной головой, вытянутой горизонтально. У них два глаза и узкая щель рта, которая при необходимости широко открывается, обнажая тонкие острые зубы. Такой рот запросто может от-

кусить мою голову. Конечностей у них шесть, и пользуются хейры ими и как руками, и как ногами – могут очень быстро бегать на них, если нужно, а могут стрелять с их помощью из бластера.

Хейры просто безумно азартны, они обожают играть в карты. Если в каком-нибудь уголке Вселенной появляется карточная игра, можете быть уверены – её придумали хейры. Для удовлетворения азарта хейров на планете существуют официальные игорные дома. Обычно они убыточны, и их существование поддерживает правительство Хейраны. Оно же строго контролирует их количество. Для правительства не секрет, что на планете есть и подпольные игорные дома. Они очень быстро открываются и так же быстро закрываются. Иногда местные органы правопорядка проводят рейды, особенно по тем подпольным игровым домам, хозяева которых забывают делиться. Заработать хотят все, пусть и не очень легально. Если бы я сегодня пошла в своего рода государственный игорный дом, то оставила бы семьдесят процентов выигрыша на планете в виде разнообразных налогов. Например, пятьдесят семь процентов идёт на... закрытие подпольных игорных домов. Два процента – на лечение обезумевших от азарта хейров. Ещё полтора – на страховку игрока: вдруг что-то пойдёт не так за игорным столом. Четыре процента – на поддержание семей хейров, оставшихся без работы из-за закрытия подпольного игорного дома...

И сейчас эта отрывка флюбунта, как выражался некогда

дед, пытался схватить меня за край куртки. А всё потому, что я почти честно обыграла его в карты. Почему почти? Ну так этот картёжник, думая о том, как ему повезло с простачком-соперником, положил вышедшие из игры карты себе в раздачу. Ха! Нашёл дурочку! У меня отличная память, и я запомнила, что красный квазар, чёрный крест и чёрный навигатор ушли в битую. А ранее в битую ушли искрящийся цветок, который может бить любые карты, и искрящийся коготь – самая младшая козырная карта, которая, хоть и козырь, может бить не все масти. И этот дранкз волумский, чтобы это не значило (так ругался дед), вдруг мой замечательный третий дом сверхновой, состоящий из чёрного, жёлтого и синего квазаров, бьёт искрящимся цветком и красным квазаром – теми картами, которые вроде бы вышли из игры пятнадцать минут назад. Ну и всё, руки у меня развязаны. А я-то ведь по-честному хотела обыграть этого недалёкого аборигена. Пришлось выиграть у этого наглого хейра, подсунув, как и он мне, карты из биты. Банальная ловкость рук. Если бы он не использовал нечестный приём, я бы тоже играла честно. Наверное. Прodelывать фокусы с картами и с другими предметами я уже давно научилась, спасибо ненавистному Исхрану...

Маяк десять тысяч семьсот три уже не одну сотню лет не приносит доход. Мы просто выродились! Я, Микаэлла нье Риолин, последняя в нашем роду и последний представитель некогда могущественной цивилизации навигаторов. Эта

почти не функционирующая космическая станция – единственный мой дом. И я поддерживаю его всеми силами. Эти выигранные двести кредитов обеспечат мне запасные части для катера, и я смогу купить кормосмеси – правда, довольно низкого качества – для пищевого синтезатора. Это моя еда на следующие два месяца.

Короткими перебежками, держа в руке кредиты и уклоняясь от выстрелов парализатора убогого хейра, я неслась к своему катеру, припаркованному в пяти кварталах отсюда. Как только заберусь в свой катер, думала я, этот абориген сможет обломать зубы о его борта, но до меня уже не доберётся. Но эта отрыжка флюбунта всё-таки достал меня. Это произошло, когда я уже хлопнула по кнопке закрытия двери. Она закрылась, а я упала на спину, больно ударившись головой о металлической пол, и задёргалась от успевшего угодить в меня заряда парализатора. Пройдёт часа три, прежде чем я смогу подняться, сесть за штурвал и открыть червоточину домой. По еле дрожащему полу под спиной я поняла: искин маяка, Исхран, управляющий катером, уже доставил меня на орбиту Хейраны. Из глаз покатались жгучие слёзы. Как же я устала от этой бесконечной гонки на выживание! Ненавижу свою жизнь, ненавижу маяк, ненавижу искина, ненавижу навигаторов, ненавижу Точку начала! Ненавижу! Ненавижу!

Я не всегда испытывала эту ненависть.

Десять лет назад, когда мне было пять лет, наш маяк остался единственным во Вселенной, мои родители улете-

ли на помощь обороняющемуся маяку дедушки и бабушки по маминой линии. Обратно не вернулся никто. Мой второй дедушка был тогда уже очень стар. Он не мог, как раньше, держать сразу восемь червоточин – и ни к чему были эти умения, – не мог часто спускаться на планеты, чтобы приобрести для нашей маленькой семьи необходимые для жизни товары, медикаменты, кормосмесь для пищевого синтезатора. Постепенно мы тратили и без того скудные сбережения семьи Риолин. Мы нуждались в картриджах для установок по выработке и очистке воздуха и воды, но они стоили страшно дорого. Хотя этих картриджей хватало на несколько лет, всё же их ресурс истощался. Дед мог часами до хрипоты спорить с искином маяка о достоинствах и недостатках картриджа для очистки воды fml12-k, но не мог купить его из-за дороговизны. Нам постоянно приходилось везде и во всём экономить. Уже давно у нас остался единственный бот-ремонтник: его из других сломанных ботов кое-как, слушая подсказки Исхрана, смотря старые головидео и матерясь, собрал дед. Точно также ремонтировалась единственная на маяке амниотическая капсула, которой без острой нужды мы старались не пользоваться.

Лет до восьми я воспринимала свою жизнь как данность. Вот есть любящий дед, вот родовая станция, на которой жили все наши предки многие тысячи лет, вот отсеки, в которые никогда нельзя входить, вот Исхран – искусственный хранитель станции, проще говоря – искин, вот редкие спус-

ки на планеты к совершенно потрясающим существам. Какие-то из них были цветными, ярко переливающимися, какие-то трехголовыми и многощупальцевыми, а какие-то такими же, как мы – гуманоидами.

По вечерам дед пел мне колыбельную:

Засыпай, моя крошка, скорей закрывай глаза,
Баю-бай, баю-бай, за окошком чернеет мгла.
Засыпай, моё солнце, ведь если не будешь спать,
Точка начала велит тебя наказать.

Баю-бай, моё солнышко, баюшки, баю-бай,
Глазоньки, крошка, скоренько закрывай.
Космос холодный кошмары наслать велит
Маленьким вигам, кто в полночь ещё не спит.

Спи, моя крошка, пусть новая колыбель
В сны о грядущем откроет бесшумно дверь.
Баю-бай, моё солнышко, спи и пускай твой сон
Откроет секрет, кто с любовью к тебе рождён.

Засыпай, моя крошка, скорей закрывай глаза,
И Точка начала не тронет тогда тебя.
Сон принесёт лишь покой и тепло любви.
Спи, моё солнышко, спи, крепко-крепко спи.

Когда мне исполнилось восемь, дед притащил из нижнего, чудом уцелевшего отсека необычный деревянный стол.

– Парта! – гордо назвал он этот странный предмет мебели. – Когда мне столько же, сколько тебе, я сам сидел за ней.

Мебель походила на стол с наклонной столешницей, ножки плавно переходили в нижней части в скамейку. Чудно! Я наклонилась и посмотрела внутрь этой парты. В глаза бросилась накарябанная надпись.

– Ненавижу астрофизику, – громко прочитала я, а дед даже встал на четвереньки и заглянул под парту вместе со мной. Мой взгляд переместился дальше, почти в самый тёмный угол под столешницей. Я различила там какие-то буквы. Включила фонарик на своём примитивном коммуникаторе и снова прочитала написанное:

– Нье́ Тимен – идиот!

Дед вздохнул, попытался разогнуться, ударился головой о столешницу, ойкнул и наконец вынырнул из-под парты, держась за спину. Выглядел он задумчиво-устало.

– Деда, а, деда, ты чего? – спросила я, слегка испугавшись его настроения.

– Это я написал, Мика, четыреста с лишним лет назад, – он, кряхтя, сел на скамейку. – Сунтен нье́ Тимен – старый виг, который служил ещё у моих родителей, – пояснил дедушка. – Он многие века был суперкарго, а потом, когда вигов на этой станции начало становиться всё меньше и меньше, стал потихоньку обучать меня. Он погиб при отражении

атаки на маяк триста семьдесят один год назад.

Я ненавидела, когда дед был в таком настроении. Когда на него накатывала ностальгия, он сидел в своём отсеке, доступ в который в спокойные дни никогда не перекрывал, и пил что-то из стеклянного бокала. Иногда из его глаз катились слёзы.

С тех пор дедушка начал учить меня. Каждый день я изучала шесть предметов. Математику, физику, химию, биологию, историю, литературу. С каждым годом количество предметов росло, появились такие, как астрофизика, правовые аспекты межмировой торговли (Пожри меня протуберанец, для чего этот предмет мне нужен?! Мы спускались в довольно примитивные миры, которые всего пару сотен лет назад освоили межгалактические перелёты), межрасовые дипломатические отношения (я наблюдала, как дед отчаянно торгуется за снятые с маяка давно не работающие приборы на станциях старьёвщиков), ксенобиология, ксеноботаника и даже основы медицины навигаторов. Часть из этих предметов вёл нудный, невыразительный Исхран. Даже не знаю, что лучше: занудство деда, рассказывающего о синтаксисе и пунктуации языка вигов, или дотошное углубление в теорию строения червоточин, лекции по которой мне начитывал Исхран. Впрочем, и в том, и в другом случае я часто засыпала ближе к концу урока.

– Дед! Зачем мне это всё нужно? – недоумённо спрашивала я время от времени. – Мы с тобой последние виги, кого я

буду лечить? Да и амниотическая капсула справляется, твой последний приступ сняла за полтора часа. Хорошие картриджи мы для неё купили, хоть и немного просроченные.

Или:

– Ну и зачем мне знать ксенобиологию? Мы же спускались в другие миры три раза за последние два года!

В ответ он только ворчал:

– Для общего развития, и не забудь, завтра спрошу у тебя названия всех костей черепа и первое правило Тиагона по астрофизике, ещё не забудь прочитать о правилах поведения в среднем обществе симинанцев и выучить балладу о становлении земли вигской.

Я уходила к себе в отсек, нагруженная домашними заданиями, и возмущалась:

– Земля вигская исчезла тысячелетие назад, зачем мне учить эту доисторическую ерунду?

Одному я была рада – симинианцы оказались теми ещё затейниками по части этикета. Без смеха читать их правила невозможно: например, младшие родственники приветствуют старших, кружась на одной ноге и прикрывая одной рукой левые глаза, ладонь другой руки кладут себе на затылок, а ладонь третьей – на верхний пупок. Страсть как хотелось посмотреть на этих чудиков вживую.

Отдельным весельем в моём обучении были... танцы! Дед раз в неделю показывал мне движения, и потом я часами их отработывала.

– Дедушка! Зачем?! Для чего я разучиваю эти нелепые прыжки и плавные шажки в сторону? Где я буду танцевать?!

– Танцы развивают фантазию и образное мышление, учат координировать свои действия, развивают ловкость и пластичность. Пригодится в жизни, – утверждал обычно он.

При этом меня никто не освобождал от выполнения домашних обязанностей: открутить светильник на втором кольце, демонтировать кровать в гостевом отсеке первого, спуститься в безопасные помещения практически разрушенного третьего кольца и с помощью нашего единственного бота-ремонтника осторожно продолжать разбирать завал отсека, который когда-то служил стоянкой для катеров. В таких отсеках иногда находились целые платы или старинные мониторы. Всё это на галактических барахолках стоило недорого, но как-то же нужно было жить, и мы продавали, то, что находили, и то, что не могли использовать сами.

Я всегда задавалась вопросом, почему дедушка никогда не открывает переходы в более развитые миры. Уверена, он знал о таких и даже знал их координаты.

Как-то, валяясь на своей узкой койке, я читала со старенького планшета, который мы с дедом выменяли за медицинскую кровать страшно устаревшей модели у одного старьёвщика. Исхран исправно скачивал на планшет то, что, по его мнению, могло интересовать меня. Я читала много, очень много – это был единственный доступный способ отвлечься от реальности. А ещё с помощью книг я узнавала о культуре

давно исчезнувших рас, о великих художниках, поэтах. Как-то наткнулась на книгу о строительстве мостов и переходов над реками и на старинную кулинарную книгу. В этот раз я читала многотомный справочник о разнообразных расах, содержащий краткие описания и характеристики их миров. И обнаружила совершеннейших симпатяшек, занимающихся преобразованием планет и медициной. Картинка привела меня в восторг: на ней изображались очень красивые женщины и мужчины. Ну и что с того, что уши немного заостренные? Это их не портило. Посмотрев на год издания справочника, я вздохнула:

– Древность, может, и раса эта уже за тысячелетие вымерла... – Так бывало: я уже читала о расах, исчезнувших из-за болезни или катаклизма. Но, добравшись до конца статьи, я удивлённо села. – Надо же, тут и координаты есть! – Да, в этом справочнике встречались координаты миров, но очень нечасто.

Вечером, за ужином, я спросила дедушку:

– Деда, а почему мы не открываем червоточины в самые развитые миры? Например, на Элею? В справочнике даже координаты есть. Может, там нам помогут вылечить тебя?

Дед вздохнул, отложил столовые приборы и сообщил:

– После ужина жду тебя в своём отсеке. Ты уже большая, Мика, мне надо тебе кое-что рассказать.

Ух ты! ТАЙНА!

Я быстро затолкала в себя ужин и понеслась к дедушке

в отсек. Он задумчиво сидел в потрёпанном кресле перед иллюминатором и постукивал пальцами по подлокотникам, ожидая меня.

Я села в соседнее кресло и стала аккуратно заталкивать пальцем синтетический материал – наполнитель мягких частей кресла – в прореху обивки. Я не торопила дедушку. Наконец он кивнул своим мыслям и спросил:

– Микаэлла, что ты знаешь о материнском мире навигаторов?

Я удивилась: он ведь сам всему меня учил, сам принимал у меня контрольную по миру вигов. Я её целых три раза переписывала.

– Материнский мир нашей расы представлял собой одну планету – Франгаг, на орбите которой было две луны. Навигаторы не все имели дар поиска, на Франгаг процветали сельское хозяйство, наука, технологии. На планете находился дворец императора навигаторов. Там жили последний император Франгаг – Эвиндр нье́ Ринд, его жена Оляна Грезе нье́ Ринд, и их маленькая дочь Кайса Дэгни нье́ Ринд. Последний император из-за силы, которой обладал, сошёл с ума, начал третировать свой народ, угрожать галактическому совету, заставляя его признать императора вигов своим хозяином. Пошли слухи о пропаже маяков – это император решил расправиться с неугодными – теми, кто не поддерживал его политику. Наш род не поддержал императора, и нас попытались уничтожить.

Дед кивнул.

– Все эти разрушения и упадок, – дедушка обвёл рукой скудную обстановку своего отсека, – последствия нападения слуг Эвиндра Кровавого. – Он открыл двумерное изображение узурпатора. Симпатичный мужчина обнимал жену, которая держала на руках дочь. Он не показался мне безумным, но, может быть, подумала я, это снято до того, как император сошёл с ума? Дедушка продолжил: – Наш с тобой предок Михаэль нье Риолин обладал огромной силой. Он мог управлять тридцатью червоточинами одновременно, после него никто из Риолин не мог держать больше двенадцати-пятнадцати переходов. Ещё он умел схлопывать червоточины, которые только начинали открываться, он как-то чувствовал, начало открытия перехода. Этими способностями больше никто из нашей семьи не обладал! Только так, схлопнув червоточины, чтобы через них не пришла подмога слугам Эвиндра Кровавого, наши отстояли маяк. Но потеряли большую часть команды. Мой дед, Михаэль, – дед показал голофото, на котором был изображён подтянутый мужчина с синими глазами и короткими чёрными волосами. Волосы и глаза – наши фамильные черты, – был сильно ранен и уже почти не выходил из амниотической капсулы. Судя по слухам, дошедшим до нас с других маяков, галактический совет отправил Глесиуса на переговоры с тираном. Но Эвиндр без предупреждения ударил по флоту миротворца, и тому ничего не оставалось, кроме как ударить в ответ.

Дед снова усталился в молочную пустоту космоса за окном. Мы долго так сидели, и я даже вздрогнула, когда он снова заговорил.

– В хрониках собраны не только факты, но и слухи, и домыслы... Говорят, Франгаг не исчезла, говорят, её и Эвиндра Кровавого скрыла в пустоте космоса сама Великая Точка начала, якобы не желая, чтобы все её дети погибли.

– Почему ты сразу не сказал мне? – насупилась я.

– Ты была мала, даже мне, взрослому вигу, до сих пор трудно осознать некоторые вещи, – мягко ответил дедушка.

– Как со всем этим связаны элфины? Почему мы не открываем короткий переход в их мир?

– Очень давно многие расы заключали союзы с навигаторами, элфины – одна из рас-союзников вигов. Кто знает, какие протоколы навигаторов согласилась поддерживать Элея, кто знает, какие безумные указы для этого издал Эвиндр нье́ Ринд? Элфины – раса долгожителей, многие из них помнят те времена, а наш род громче всех возмущался политикой Эвиндра Кровавого. Возможно, элфины выполняют один из протоколов почти несуществующих вигов и задержат преступников – нье́ Риолинов во времена Эвиндра Кровавого объявили вне закона.

В этот вечер я долго не могла уснуть. Подумать только, наш род восстал против самодурства самого страшного вига в истории Вселенной! Восстал, но справедливости не добился. И некогда восхваляемая вигами Точка начала – мать

всех навигаторов – помогла скрыть этого монстра, кровавого императора. Почему?

Через полгода после того, как мне исполнилось двенадцать, пришли женские недомогания. Хитрый Исхран уже год подсовывал мне книги на тему деторождения вигов. И пока я не прочитала всё о строении и функционировании репродуктивных органов, искин не закачивал новых книг. Пришлось досконально изучить тему, ведь очень хотелось прочесть следующую часть про бравого навигатора нье́ Мирано и прекрасную элефину Миалисабель. После первых в моей жизни женских дней дедушка сказал:

– Сейчас, когда ты стала девушкой, можно начинать учить тебя открытию червоточин.

Я мысленно ругнулась: гад-искин доложил деду об изменениях, которые произошли с моим телом. Не то чтобы это требовалось скрывать, но было как-то неловко.

Так к моим занятиям добавились медитации. Оказалось, не так это просто – открывать быстрые переходы. Сидишь себе часами в кресле с закрытыми глазами и стараешься очистить мысли и представить себе объект с координатами f17d35g01. А мысли вместо того, чтобы раствориться, утекают в другие направления. Например, начинаешь думать о том, как открутить последний светильник в гостевом отсеке, не содрав в этот раз пальцы в кровь. Или о том, что сейчас в приключении капитан нье́ Мирано должен поцеловать несравненную Миалисабель. Каждый раз я вздрагивала, ко-

гда дед одёргивал меня:

– Что за солнечный ветер у тебя в голове, Мика?

И каждый раз я огорчённо спрашивала:

– Откуда ты знаешь, что я о чём-то думаю?

– У тебя выразительная мимика, Микаэлла. Когда ты о чём-то думаешь, ты улыбаешься, или поднимаешь бровь, или морщишь нос, – смеялся дед, а потом серьёзно добавлял: – Тебе нужно научиться открывать червоточины как можно скорее! Я уже совсем стар.

От таких слов я обычно покрывалась холодным потом. Я старалась не думать о том, что буду делать, когда останусь одна на станции.

Начать относиться к медитациям со всей ответственностью меня подстегнул один случай.

– Внимание, неопознанный корабль вошёл в пространство маяка десять тысяч семьсот три. Внимание, неопознанный корабль вошёл в пространство маяка десять тысяч семьсот три.

В это время мы с дедушкой разбирали завал очередного доступного для осмотра отсека третьего кольца. Он побледнел и резко приказал:

– Отправляйся в тот самый оборудованный отсек в технологическом коридоре, Микаэлла! Пока сам за тобой не приду – не выходи!

Я помчалась в технологический коридор второго коль-

ца. На наш маяк нападали не впервые. Современные системы защиты и вооружения стоили немислимо дорого, да и платить наёмному персоналу, способному управлять им, было нечем. Поэтому дедушка разработал тактику: мы оборудовали укромный и очень маленький отсек в технологическом коридоре второго кольца, в котором всегда лежал запас пищевых плиток – невкусных, но питательных, – запас воды, медикаментов, старенький скафандр. Коммуникатор, чтобы никто не отследил сигнал при нападении, следовало выключить. Я не раз сидела в этом тёмном помещении, изнывая от страха, но каждый раз дедушка приходил за мной. А ещё мы усиленно делали вид, что маяк заброшен: никогда не убрали замершие вокруг маяка разрушенные корабли или конструкции маяка, вырванные из него силой взрыва. Хаотично разбрасывали мусор на кольцах, блокировали двери в отсеки, в которых жили, в медицинский отсек и центр управления. Искин выключал отопление на станции, чтобы всё покрывалось инеем. Единственным обогреваемым помещением оставалось моё маленькое укрытие. Конечно, такие резкие температурные качели сильно разряжали энергетические батареи, страдало оборудование, фильтрующее воздух и воду станции.

В этот раз я сидела и ждала деда уже шесть часов, раньше он никогда так долго не задерживался. Выждав ещё час, я натянула скафандр и осторожно высунула нос из-за замаскированной двери в технологический коридор. И сразу обле-

чѐнно выдохнула: он не покрылся инеем, доступ к воздуху вернулся, а это значило, чужаки ушли. Иначе Исхран бы не включил обогрев. Я стянула с себя скафандр, закрыла вход в отсек маскировочной панелью и пошла искать дедушку.

– Господин нье́ Риолин сидит у своего отсека.

– Он ранен? – испугалась я.

– Нет, – коротко ответил Исхран, а я поспешила к деду.

Какое счастье, что дедушка обучал меня медицине и управлению амниотической капсулой. Я сразу заметила признаки сердечного приступа. Дед с трудом встал и тяжело опёрся на меня, мы побрели в медицинский отсек. Шлем от скафандра так и остался лежать на полу коридора. Дед кривился, когда я помогала ему раздеваться – в медицинскую капсулу ложатся в белье. Когда я набрала команды диагностики, хмуро спросила Исхрана:

– Почему не позвал?

– Господин Тѐо приказал не беспокоить тебя. Он думал, что приступ быстро пройдёт.

Я вздохнула. И задала вопрос о том, что волновало меня не меньше здоровья деда.

– Что у нас забрали?

– Ничего, – последовал ответ искина. – Полетали вокруг маяка, посветили в иллюминаторы, убедились в безжизненности маяка. Не сумев открыть шлюз, отправились обыскивать останки кораблей вокруг.

Я вяло улыбнулась. Ничего стоящего они там найти не

могли, мы с дедушкой уже давно всё облазили. Ещё мои предки забрали оттуда всё ценное, а что не смогли забрать или не захотели, сняли вот такие охотники за хламом или раритетом, это как посмотреть.

С того дня я стала усердно медитировать, внимательно слушая деда и его советы.

– Очисти мысли, Мика, – в очередной раз размеренно протянул дедушка.

Сперва я удобно устроилась: вытянула ноги, руки положила на колени, а спиной опёрлась о стену совершенно пустого отсека (почему-то мне захотелось именно в пустой отсек). И только затем, закрыв глаза, я мысленно представила, как из переполненного хламом отсека постепенно выгружаю вещи, предметы. Их оказалось много, и это заняло у меня некоторое время. Всё, мысленный отсек опустел. Теперь я должна была представить, в какой галактике, каком рукаве, каком скоплении и в какой системе находится нужный объект. Астрономия и физика давались мне легко. Перед мысленным взором ярко горели координаты объекта. Они светились голубым неоновым цветом, я стала рассматривать каждую цифру отдельно, стараясь мысленно то приближать её, то отдалять. И снова смотрела на координаты в целом. В какой-то момент сознание перешло в пограничное состояние: я не спала и не бодрствовала, цифры координат расплылись передо мной. Стало так уютно, так хорошо, хотелось запом-

нить это ощущение – лёгкости и в то же время наполненности силой. Я вздрогнула от голоса искина.

– Микаэлла нье́ Риолин открыла червоточину на объект 43YAuS-23, Микаэлла нье́ Риолин открыла червоточину на объект 43YAuS-23.

Я распахнула глаза и уставилась на деда.

– Великая Точка начала, внученька, получилось! У тебя получилось! – Он чуть ли не подпрыгивал от восторга. – Я так не радовался, когда твой отец открыл свою первую червоточину!

У меня даже закрались сомнения: а он точно ожидал, что я справлюсь? Или надеялся на противоположный результат?

А затем потянулись учебные дни, которые стали дополняться часами тренировок по открытию червоточин. Не раз мы прерывали занятия, чтобы сунуться в миры, где могли пригодиться демонтированные приборы и вещи с маяка. Как ни странно, спрос на это был. Тогда же дедушка, продав остатки неизвестных мне бурых камней, которые хранились в сейфе в его гардеробе, оплатил для меня установку самого современного, какой мы могли найти в нашем сегменте космоса, чипа-переводчика. Я нервничала, ведь мне предстояло лечь в амниотическую капсулу на неизвестной космической медицинской станции, но дедушка оставался рядом, и я уместилась на мягкое и подогретое ложе. Да... Дома у нас была не просто устаревшая модель, судя по виду и набору сенсорных кнопок, а совсем древняя.

Пока мне устанавливали чип, дед закупил просто огромное количество кормосмеси для пищевого синтезатора, множество разных картриджей для систем маяка. Я удивилась такой расточительности, но поняла, что все эти приобретения мы используем и кредиты точно не потрачены зря.

Уже через два месяца я могла спокойно около трёх часов держать десять червоточин, и только иногда искин уведомлял меня, что какая-то из них нестабильна. Я с этим справлялась: мысленно усиливала нажим, и все червоточины становились стабильными.

Дед приплясывал.

– Это потрясающе, Микаэлла! Тебе ещё нет и тринадцати, а ты уже держишь, не напрягаясь, десять червоточин! Десять! Я в твоём возрасте открывал пять. Похоже, дар Михаэля передался тебе! Хотел бы я дожить до момента, когда ты достигнешь своего максимума!

Я заразилась его энтузиазмом.

– А что нужно, чтобы открыть сто червоточин?

– Это большая сила, Мика, наградить ей может только Великая Точка начала.

– Что я должна сделать, чтобы Точка начала дала мне такой дар?

Дедушка испуганно заозирался.

– Не смей думать об этом, Микаэлла нье Риолин! – Видя мои удивлённые глаза, он нехотя пояснил: – Говорят, Точка начала – это некая могущественная сущность, которая со-

здала нас, навигаторов. Она предстаёт перед вигами мерцающей туманной девушкой, у которой своё чувство времени, юмора, справедливости... Она может наградить тебя великой силой, великими благами, но также может и отнять эту силу, а зачастую и жизнь. Немногие решаются открыть по нулевым координатам быстрый переход, и ещё меньше вигов возвращаются оттуда.

Я сглотнула.

– Да, да! Поняла, я поняла! – Не хватало ещё моему дедушке поймать очередной приступ.

А вот другие способы открытия червоточин остались для меня только теорией. Вот как я могла попрактиковаться, представляя в своём уме подробное описание Орсеи, если дед запрещал открывать туда путь? Или взять за конечность живое существо и представить описанный им объект? Такой способ подходит, когда инопланетчик не знает координат родного мира в системе навигаторов.

В последние несколько дней дед грузил меня огромным количеством знаний, будто торопился. Торопился дать мне всё, что может, что успеет. К моим медитациям и обычным предметам прибавились уроки пилотирования катером.

Когда я впервые села за управление катером, то сперва пребывала в восторге. Теорию я уже давно знала, но ни разу не практиковалась. Совсем. Дед не позволял мне летать хотя бы потому, что мои руки не дотягивались до некоторых кнопок и рычагов управления, а ноги вообще болтались в воз-

духе, свисая с кресла пилота, хотя им надлежало стоять на педалях заднего хода и старта, утопленных в пол.

В первый раз задача, казалось, стояла простая: всего-то требовалось отцепиться от шлюзовых захватов и сделать один оборот вокруг маяка. Это были самые изнурительные восемь часов моей жизни...

– Куда?! – орал дед. – Куда ты так резко прёшь? Ты не видишь что ли? Загорелась кнопка отпустить захваты?! Вот она, прямо перед твоим никчёмным носом! Мигает уже пять секунд! Отрыжка флюбунта, ты сейчас оторвёшь стыковочный шлюз!

– Забыла, – зло пропыхтела я, нажимая требуемую кнопку. Дикая вибрация катера сразу прекратилась. Идиотка! Забыла отключить стыковочные захваты и сразу подала треть мощности на ходовые движки, надеясь покружить в молочном космосе, разливающимся вокруг маяка.

Катер рывком отделился от стыковочного шлюза, нас потрянуло, а дед обмяк в соседнем кресле и, не обращаясь ни к кому, спросил:

– Может, всё-таки рано?

После этого мы часами отрабатывали штатный полёт, остановки, медленные торможения, зависания и стыковки с маяком. Меня обзывали тупицей, идиоткой, отрыжкой, малолеткой и ещё десятком разнообразных ругательств, смысл которых не всегда доходил до меня. В какой-то момент я довольно сносно отшвартовала катер от маяка, провела его

сквозь созданную мной червоточину, вернула в пространство маяка и ввела его в недавно оборудованный стояночный док.

В тот вечер дедушка поцеловал меня в лоб, мягко улыбнулся, за ужином выпил две стопки страшно дорогой, а потому редкой для нас рейцы. Он был очень доволен...

А утром мой единственный родственник не пришёл завтракать, как делал это на протяжении всей моей сознательной жизни. Прождав дедушку двадцать минут, я с беспокойством отправилась к нему. Едва войдя в его отсек, сразу всё поняла: настал момент, когда я осталась одна. Дед полулежал на своей широкой кровати, опёршись на подушку в изголовье. Он не разделся перед сном, в безжизненных руках держал такой же старенький, как и у меня, планшет. Даже в смерти его лицо оставалось очень довольным, расслабленным: губы замерли в лёгкой улыбке, брови разглажены, глаза чуть прикрыты. Я сглотнула и медленно осела на пол отсека. Какое несчастье... Я не впала в благословенное забытие: психика вигов очень устойчива, чтоб её пожрал протуберанец!

Мысли с дикой скоростью сменяли друг друга. Одна... Я осталась одна! Единственный навигатор во Вселенной. Сидя в отсеке деда и захлёбываясь слезами, я кричала:

– Великая Праматерь, Великая Точка начала, молю! Помоги! Помоги или забери меня! Я боюсь! Я так мала! Я не знаю, что мне делать! Великая Точка начала! Пожалуйста!

Зачем ты создала меня?! Есть ли у меня надежда на будущее?! Зачем мне все эти испытания?!

Вокруг разливалась мёртвая тишина. Никто не услышал меня, никто не подал знак. Я была одна. Никому не было до меня дела.

Через несколько часов спустя услышала прохладный голос искина.

– Кхм-кхм, навигатор нье́ Риолинн, какие будут указания?

Я открыла глаза: оказалось, я так и уснула в отсеке деда, свернувшись калачиком на полу.

– Бот-ремонтник может завернуть тело в саван? – спросила я, вспомнив о погребальных традициях своей расы. Только вот меня, подумала я, никто хоронить не будет...

– Нет, – послышался спокойный прохладный ответ. – Сожалею, Микаэлла, но эту неприятную процедуру придётся сделать самой. Я как наяву слышала слова дедушки: «Начинай мыслить рационально, Мика!»

Сквозь зубы я приказала:

– Пусть бот-уборщик принесёт упаковочные материалы, какие есть в наличии.

Секунду стояла тишина, а потом Исхран заговорил:

– Одобряю, госпожа нье́ Риолинн.

– А мне не требуется твоё одобрение, искин подчиняется смотрителю, выполняй! – взбунтовалась я.

Этот электронный гад прохладно заметил:

– Сопряжение официально не передано, Микаэлла, я не обязан исполнять ваши указания.

Просто замечательно! Искин, не подчиняющийся смотрителю!

– Исхран, уверена, в множестве протоколов нашей почившей нации ты найдёшь тот самый, что позволяет мне стать смотрителем.

– Уверен, Микаэлла вы тоже справитесь с этой задачей, – ответила мне упрямая машина.

Я вытерла слёзы. Как смогла, завернула тело дедушки; донести его до катера мне помог бот-ремонтник. Это следовало бы делать моим родителям, моим братьям и сёстрам, если бы они у меня были. Провожать вига в последний путь по червоточине должны все близкие родственники, а не бот-ремонтник.

Что делать, когда деда не станет, он, несмотря на мои протесты и нежелание слушать, рассказал мне ещё два года назад. Я запомнила: когда его душа растворится в Великой точке начала, его тело надо переправить через червоточину к ближайшей звезде. Координаты звезды я заучила наизусть. И вот теперь, неуклюже отшвартовавшись, осторожно вела катер по червоточине, на том конце которой сиял яркий ослепительный шар. Затемнив экраны, чтобы не ослепнуть, я открыла люк трюма, и тело Тэодариана нье' Риолин медленно начала притягивать к себе звезда. Я знала: пройдёт пара недель, прежде чем протуберанец захватит тело и оно по-

что мгновенно исчезнет. Сквозь застилающие глаза слёзы я вернула катер к стояночному доку. Исхран не спешил меня впускать.

– Вы не совершили тренировочный полёт, сегодня у вас в расписании маневрирование между останками кораблей вокруг маяка и выполнение двух петель.

От такой наглости я даже забыла о своём горе.

– Я ни разу не делала петлю! Дед не успел их мне показать, – истерично выкрикнула я.

– Я загрузил головидео тренировочного полёта, в нём есть набор команд, которые необходимо дать катеру, чтобы совершить петлю.

– Исхран,пусти меня, пожалуйста, домой! Я только что похоронила единственного родственника!

– Только после того, как вы выполните комплекс упражнений.

Я запустила головидео и раз за разом крутила его, пока не запомнила последовательность действий и команд, нужных для выполнения петли. С маневрированием я уже справлялась неплохо.

Чтобы набрать скорость, я плавно потянула рычаг и тут же почувствовала лёгкую вибрацию – это старенький движок катера начал разгоняться. Катер ускорился, и теперь, пока он совсем не помчался, мне следовало потянуть штурвал на себя и добавить мощности...

Ничего не получилось. Машину бросило вниз, я с визгом

выровняла её.

– Попробуйте ещё раз, Микаэлла, – раздался беспристрастный голос искина.

Я опять просмотрела головидео, учла свои ошибки и попробовала снова. Получилось только с пятого раза. А на восьмой я сделала вторую петлю.

– Возвращайтесь домой, Микаэлла, задание выполнено, – сообщил Исхран.

Я со злостью ударила кнопку закрытия стояночного дока.

– Чтоб ты сдох, железка! – от всей души пожелала я.

– Если я сдохну, выражаясь вашими же словами, сдохнете и вы, Микаэлла, – флегматично заметил искин. Конечно я это знала! Как только отключился бы искин, на маяке перестало бы работать всё: электричество, пищевой синтезатор и даже подача воды и воздуха.

И тут мне в голову пришла идея. Дед ведь был очень ответственным и любил меня. Может, искин неспроста себя так ведёт?

– Исхран, дедушка оставил послание на случай, если... – я не могла закончить фразу: всё ещё до конца не верила, что осталась одна.

– Да.

– Запускай, – потребовала я, растянувшись на кровати.

Появилась мутноватое головидео – голокамеру мы купили на одной из барахолок у старьёвщика. Дед сидел в своём кресле в отсеке и, казалось, смотрел на меня.

– Мика... – в уголках его глаз блеснули слёзы. – Я тянул, сколько мог, уже давно срок моей жизни перевалил за все мыслимые пределы, но ты, видимо, зачем-то нужна Великой праматери вигов, и она хранила мою жизнь... – Я шмыгнула носом, дедушка на головидео тем временем продолжал. – Я не успел передать тебе сопряжение маяком, и, пока ты не получишь его, Исхран может игнорировать твои указания.

Я похолодела, вспомнив, как искин не пускал меня на маяк.

– Но, – дедушка поднял палец вверх, – Исхран имеет чёткие установки: навигатора необходимо защищать всеми средствами, и прости, Мика, но ты будешь учиться дальше, искин станет выдавать тебе задания, и тебе придётся их выполнять. Только так ты сможешь подготовиться к жизни в этой Вселенной.

– Как же пройти сопряжение? – задала я вслух свой вопрос.

Дедушка на экране потянулся было к камере, но уселся обратно.

– Старый дурак! – Он хлопнул себя по лбу. – Микаэлла, ознакомься с протоколами семьдесят один и пятнадцать. Они регламентируют передачу сопряжения маяком. – Он снова потянулся и выключил голокамеру. Изображение погасло.

Сегодня ничего изучать не буду, подумала я. Сегодня хочу лежать и ничего не делать.

Проснулась я в луже холодной воды. Рядом с кроватью стоял бот-уборщик с пустым ведром. Я взвизгнула.

– Исхран, пожри тебя протуберанец, что происходит?

– Госпожа нье́ Риолин, у вас сегодня занятия по астрофизике, ксенобиологии и межмировому праву, четыре часа лётной практики и демонтаж датчиков движения из двух неосмотренных отсеков третьего кольца.

– Чтоб ты сдох, Исхран, – выплюнула я.

На это механическая скотина ответила:

– Технически это возможно, Микаэлла, об этом я расскажу вам через восемь месяцев, семнадцать дней и двенадцать часов. Но хочу напомнить: как только вы уничтожите меня, маяк перестанет быть жилым.

Потянулись месяцы постоянного обучения. Первое, что я сделала, – прочитала протоколы, связанные с передачей сопряжения, в том числе с регламентированием этого процесса в случаях, когда сопряжение не было передано официально. Через три дня после смерти деда я стала полноправной смотрительницей маяка номер десять тысяч семьсот три. Только много позже я поняла, зачем дед дал искину команды, которые мне, тринадцатилетнему подростку, пока было не по силам отменить. Он знал, что я могу впасть в беспросветную тоску, знал, что захочу перестать бороться за выживание. Он знал и потому с головой загрузил меня разнообразными делами и заданиями. После таких дней я падала спать, не имея сил предаваться мрачным мыслям.

Не знаю, где набрался такого искин, но к обучению он подошёл с выдумкой...

Я бросила паяльник и схватилась за вакуумный экстрактор припоя – следовало немедленно удалить излишки олова... После – пройтись щёткой, для удаления отходов, иначе вся работа пошла бы насмарку. Я взялась за держатель чипа. Мне было нужно, чтобы проводниковый клей схватился и управляющий чип остался ровно на том месте, где ему надлежало находиться. Сдвиг хотя бы на микрон в ту или другую сторону грозил неприятностями – дверь пустого отсека, в котором я сидела взаперти уже четыре дня, так и не открылась бы или открылась бы лишь наполовину, и я бы не справилась с поставленной задачей. Всего-то надо было открыть дверь полностью или на три четверти. Для этого мне пришлось не просто перепрограммировать плату, управляющую дверьми, – с этим я худо-бедно справлялась – но и создать новую управляющую плату и запрограммировать её.

Очень хотелось нормальной еды, в душ и поспать в мягкой кровати. Но упёртый искин раз за разом опускал дверь, даже когда я была на волосок от победы. К слову, в щель, которая получалась, когда я едва приподнимала дверь отсека, бот проталкивал пищевую плитку и кружку воды. Достаточно, чтобы не помереть с голоду, но недостаточно, чтобы хорошо насытиться.

– Сдохни! Механический ублюдок! – орала я. Руки опус-

кались, и слёзы катились из глаз. – Ненавижу тебя!

– Если вы, госпожа смотрительница, этого ещё не знали, я с удовольствием восполню этот пробел в ваших знаниях. Ублюдок – это незаконнорождённый ребёнок, тот, кто родился вне брака. Применённый вами термин не применим ко мне, я не рождён в прямом смысле этого слова. – Произнёс он равнодушно и продолжил: – Вам необходимо ещё раз просмотреть обучающее головидео и повторить практическую работу. Приемлемым будет считаться результат, когда дверь из этого отсека откроется минимум на три четверти.

Дверь я открыла только на седьмые сутки заточения. А утром меня снова окатили ведром воды перед тем, как сообщить план работ на день.

– Ненавижу!

– У нас гости, Микаэлла, – спокойный голос Исхрана раздался внезапно.

Я похолодела. Что может четырнадцатилетняя девочка? Какое сопротивление она может оказать? Искин удивил меня.

– Действуешь по обычному плану, господин Тэо перед смертью придумал отвлекающие манёвры. Выходи из своего укрытия через шесть часов.

Я быстро закивала и понеслась к своему убежищу. За последний год я вытянулась и теперь с трудом помещалась там.

Потекли страшные часы ожидания. В конце шестого часа я выбралась наружу. Когда поднялась на первое кольцо, Искин сообщил:

– Всё прошло удачно, госпожа нье́ Риолин, теперь нужно избавиться от трупов.

– Что?! – мне показалось, я ослышалась.

Искин терпеливо повторил:

– Нужно избавиться от трупов.

Я замотала головой.

– Нет! Нет! Пусть ремонтник выбросит их из шлюза! Я не буду этим заниматься! Ты бездушная механическая сволочь!

– Я состою из плат, проводов, конденсаторов, сопротивлений, и я никак не могу быть сволочью. Восполняю пробел в ваших знаниях, Микаэлла. Древние виги называли сволочью всяческий мусор, который сгребали, волокли в кучу: корни, сорняки, ветки. – Напоследок он привёл аргументы, от которых я не могла отмахнуться. – Трупы вокруг маяка и пустой катер могут заинтересовать тех, кто, возможно, прибудет после, а если погибшие окажутся знакомыми прибывшим, у нас возникнут более серьёзные проблемы, Микаэлла: они узнают, что маяк обитаем, и будут искать, пока не найдут тебя. Мне не удастся так же легко уничтожить их. Вам нужно погрузить трупы в катер, на котором прибыли нападающие, и увести его к звезде, включить на нём режим самоуничтожения и вернуться обратно на маяк.

– Откуда ты знаешь, что на нас напали? Может, это про-

стые барахольщики, с которыми я могла бы договориться! – закричала я.

– Я смог подсоединиться к искину катера. Это бандиты, Микаэлла, они летели убивать и грабить.

Бот-ремонтник притащил три тела.

– Вам нужно обыскать, их, Микаэлла, – снова раздался бесстрастный голос Исхрана. – У них могут быть деньги, оружие.

И опять искин оказался прав. Меня пару раз вырвало, пока я проверяла карманы погибших. Мои находки оказались смехотворными.

– Тут два старинных бластера с почти разряженными батареями, один довольно новый тазер и россыпь тонких круглых металлических предметов.

– Это деньги тиурианы. Мелочь, барахольщик заберёт их по курсу один к трём, – сообщил Исхран.

– И что можно купить на эту мелочь на Тиуриане? – мне стало любопытно.

– Ботинки, или куртку, или свитер, – ответил искин.

Всего-то?! Действительно мелочь. Может, подумала я, в катере прилетевших найдётся, чем поживиться? Я осмотрела помещения катера и даже решила открутить пару приборов, их-то цену я знала – пара тянула на стоимость бота-уборщика средней подержанности. Я даже начала доставать из поясной суки инструменты, но меня остановил искин.

– Каждый прибор имеет серийный номер. Если катер объ-

явят в розыск, то очень быстро станет известно, кто продал то, что с него сняли. Вы хотите этого, Микаэлла?

Я заскрежетала зубами.

– Чтоб тебя пожрал протуберанец! – фыркнула я.

– Такое возможно госпожа нье́ Риолин. Если вы откроете переход слишком близко к звезде, протуберанец первого типа сможет пройти через переход и уничтожить маяк.

Я, включив режим самоуничтожения катера нападавших, бегом бросилась в трюм, в котором свободно поместился мой катерок. Открыла вход и рванула на своём катере к маяку, который виднелся на другом конце перехода. Перед тем, как схлопнуть червоточину, я увидела, как расцветает бутон взрыва.

– Я тебя ненавижу, Исхран, – падая на кровать и моментально засыпая, прошептала я.

– Третья, двенадцатая и двадцать первая червоточины нестабильны, Микаэлла, – сообщил искин.

Ничего необычного: шла очередная тренировка по открытию, удерживанию и закрытию червоточин. Я чуть шевельнула пальцами – почему-то это движение помогало мне направить поток силы на требуемые переходы.

– Хорошо, Микаэлла, теперь закрывайте каждую вторую червоточину.

Легко! Я чуть выдохнула, и открытыми остались одиннадцать червоточин.

– Теперь каждую третью, – скомандовал искин.

Ещё четыре червоточины исчезли. Следующее задание я знала: искин каждое такое занятие завершал одинаково.

– Закрывайте оставшиеся, Микаэлла.

Как только Исхран произнёс это, червоточины схлопнулись.

С каждым разом тренировки проходили всё легче и легче, а вот пытаться открывать дополнительные червоточины я боялась. Заставлять меня делать это перестал даже Исхран. Всё из-за того, что при открытии двадцать пятой червоточины две недели назад я упала в обморок. Очнулась в луже воды, и бот-уборщик дотащил меня до старенькой медицинской капсулы, где, с трудом набрав несложные команды (у меня двоилось в глазах), я улеглась на лечение. Ну как лечение... Снотворное и витамины – это всё, что я смогла построить в таком состоянии.

– Микаэлла, через два месяца разрядятся питающие элементы машин по выработке воздуха. Господин Тэо оставил чёткие указания, что делать в таком случае.

Я мысленно поблагодарила запасливого дедушку. Если бы батареи или кормосмесь закончились год назад, скорее всего, я бы погибла.

– Какой план? – доедая свой невкусный, но питательный завтрак, спросила я.

– Мы с господином нье Риолин выбрали два способа заработка в зависимости от вашего уровня текущей подго-

товки. Вы можете научиться играть в карты на деньги, параллельно тренируя мелкую моторику посредством фокусов. — Я даже подавилась от такого предложения, искин же спокойно продолжил свою речь. — Ваши знания в математике и математическом анализе высоки, а память позволяет запоминать около пятисот цифр, трёхсот абстрактных картинок и ста семидесяти пяти случайных слов за пятнадцать минут. Хотя в вашей семье встречались и лучшие результаты. А ещё виги от природы обладают устойчивой психикой и в разных ситуациях не теряют головы от паники. В трудных ситуациях вам свойственен азарт.

— Я что, должна стать шулером?! — хрипло, всё ещё откашливаясь, спросила я. Мне с трудом верилось, что дедушка мог предложить такой план.

— По возможности лучше действовать честно, Микаэлла, но и нечестные приёмы карточной игры вы тоже должны знать и уметь применять.

— Какие ещё способы заработка вы с дедом предусмотрели для меня? — язвительно поинтересовалась я у искина.

— Гонки на катерах. Но вашего мастерства в управлении катером ещё недостаточно для этого. И у вас пока нет средств на взнос для участия в гонках.

— Почему я не могу зарабатывать честно? Почему я не могу встречать и провожать путешественников, как это делали когда-то зрители маяков? Путешественники платили за услуги зрителей, я читала об этом.

– Хороший план, Микаэлла, – прохладно ответил искин. – Только не всегда путешественники таковыми являются, часто сигналы о помощи подают пираты. В лучшие годы этого маяка не одну атаку пиратов приходилось отбивать, но тогда на маяке служила охрана, имелось оружие. Сигналы о помощи я получаю часто, но какую помощь вы можете оказать потерпевшим, если сами в ней нуждаетесь? Количество кормосмеси рассчитано точно, у вас нет запасных картриджей к амниотической капсуле, как вы будете лечить кого-то не вашей расы, если ему понадобится помощь?

Я зацепилась за кое-что в его словах.

– То есть сигналы о помощи поступают постоянно? – шёпотом переспросила я. – А мы на них не откликаемся... Как давно ты перестал откликаться на эти сигналы?

– Триста пятьдесят два года, двадцать дней, четыре часа, шестнадцать секунд назад.

Я шла к себе в отсек и размышляла. В борьбе за своё существование мы забыли, для чего вообще были созданы маяки. Чтобы помогать всем нуждающимся в этом! Может, поэтому Риолины вымерли? Потому что перестали помогать?

На следующий день к моим обычным урокам прибавился урок игры в карты. Мои навыки и умения затачивались под конкретную игру конкретного мира – Хейраны.

Впервые садясь за оклос, игровой стол хейров, я жутко нервничала – ладони потели, всё время хотелось перебро-

свить косу с груди на спину. Но сейчас у меня просто не было длинных волос.

– Вы становитесь привлекательной, Микаэлла, – сказал искин. – По меркам многих миров. Лучше, чтобы вас считали юношей, – сообщил он перед первым спуском на Хейрану.

Я хихикнула.

– У меня есть грудь и длинные волосы. Никто в здравом уме не примет меня за парня!

– Грудь можно плотно перемотать, а волосы коротко обрезать, – предложил искин.

Я плакала, когда обрезала свои длинные густые чёрные волосы. Сначала я обрезала их до плеч.

– Короче, – последовало указание Исхрана.

– Да иди ты, дерьмо механическое! – вспылила я.

– Восполняю ваш пробел в знаниях, Микаэлла. Дерьмо – испражнения живых существ, состоящее обычно из органики, азота, фосфора, остатков целлюлозы. Испражнения не могут быть механическими. У зрителей должно быть всё в порядке с логикой, так что через неделю начнём базовый курс по этому предмету.

Я знала, что это не угроза и что через неделю начну изучать основы логики и алгоритмики. Я застонала и отхватила волосы по затылок.

– Короче, – Исхрана не устроил и этот вариант стрижки.

Давясь слезами, я обрезала волосы так, чтобы над черепом остались клочки волос в полсантиметра.

Из мутного зеркала на меня смотрел самый настоящий урод: широкие чёрные брови, почти сросшиеся на переносице, полные искусанные губы, резкие высокие скулы, красные припухшие от слёз веки и мутно-синие глаза. А ещё у меня мерзко торчали уши.

– Ненавижу тебя! – я даже не знала, кому это кричу: чудовищу в зеркале или искину.

Первый раз я выиграла без проблем. Сумма была небольшая, игроки не мухлевали. Выигрыша, даже после уплаты налогов, хватило как раз на питающие элементы и на ставку в следующей игре. В следующий раз, когда я выиграла в этом же игорном доме, то случайно заметила, что некоторые хейры и ещё несколько негуманоидов начали ко мне присматриваться. Выигрыш тоже был небольшим, но я смогла снова пополнить запасы маяка и купить себе одежду: свитер, штаны со множеством карманов и куртку из кожи ушуга – земноводного с очень прочной, способной уберечь от ножевого ранения, но мягкой на ощупь шкурой, не горящей в огне.

Когда я уже стояла у своего катера, ко мне подошли два хейра. Я вынула свой старинный тазер.

– Эйссс, малышссс, не бойсссся, – проговорил один из них. – Мыссс хотимссс поговоритьссс.

Я молча кивнула.

– Тыссс нессс плохоссс играешьссс, малецссс! – заговорил второй. – Носсс тутссс, – он кивнул в сторону официально-

го игорного дома, – многоссс не заработаешьсс. Хочешьсс получитьсс большессс?

Я снова кивнула.

– Приходисс в «Лапусс», будутсс интерессныессс сс-ставкисс. Вссёсс чесстносс, – хейр ухмыльнулся, и у меня возникли подозрения, что не всё так радужно, как они пытаются показать. – Можешьсс почитатъсс отзывысс о «Лапесс» вссс вссекосмичесскойсс ссетисс.

– Подумаю, – буркнула я, закрываясь в катере.

– Искран. – Когда я вышла из шлюза, сразу позвала иски-на. – Что такое всекосмическая сеть?

– Это информационно-коммуникационная сеть, которая используется для хранения и передачи информации.

– Почему мы не ищем подработку там? Почему я никогда не знала об этой сети? Дед знал?

– Господин нье́ Риолин оставил распоряжение не пускать тебя во всекосмическую сеть. Велики риски, что последнего навигатора захотят уничтожить или использовать в военных целях. Вы пока юна, Микаэлла, и можете быть не осторожны.

– Я тебя ненавижу, – устало сообщила я искину и побрела в душ.

Клуб «Лапа» оказался подпольным игорным домом. Там срывали такие ставки, что аж дух захватывало. С одного такого выигрыша, необлагаемого налогом, я могла бы купить парочку новых ботов и даже сменить амниотическую капсу-

ду на более современную.

– Не советую там играть, Микаэлла. За проигрыш, если не сможете расплатиться в течение трёх дней, вас продадут в рабство.

– Пусть сперва поймают! – хмыкнула я.

– Они не выпустят вас из клуба, пока не будет осуществлён перевод.

– Какой перевод? – удивилась я.

– Деньги можно перевести со счёта на счёт посредством всекосмической сети, существуют специальные защищенные протоколы.

– А я многого не знаю, да... Исхран? – зло протянула я. – И как я должна выживать во Вселенной, о которой, оказывается, знаю чуть больше, чем ничего?!

Впервые бездушная железка мне не ответила.

Через два дня я сидела в «Лапе» и ждала игры. Моих денег с трудом хватило на одну ставку, и я знала: если проиграю или ставки в течение игры повысят, – останусь ни с чем. Главное – вовремя выйти из игры, чтобы не остаться в долгах.

Партия началась ожидаемо: все постарались сбросить самые младшие карты или накопить дома, состоящие из разных сочетаний карт одной масти, и троны – высшие карты разных мастей, такие как оранжевый император, синий император, мерцающий император, чёрный император. Если в троне есть мерцающий император, то это наивысший трон,

можно считать, что игра окончена выигрышем того, у кого он. К сбору этого трона стремятся все игроки, но, как правило, такой трон собирается редко, и если собирается, то чаще всего ближе к последней партии. Другие игроки, заподозрив, что ты собираешь высший трон, постараются выманить у тебя карты.

Хейр с изуродованной средней лапой быстро выбросил два квазара, и мне пришлось их взять – это не очень хорошо, но и не так плохо, лучше, чем два башмака – это самые низшие карты. Башмаки ещё остались в колоде, хотя четыре из них уже выбыли.

Внезапно я заметила, как инопланетчик, вполне себе гуманоидный на вид, выложил на оклос уже выбывшую из игры карту. Так-так-так, началась настоящая игра: кто кого перехитрит. Я до упора терпела, стараясь играть честно, но, когда на столе начали появляться карты, находящиеся в бите, решила больше не скромничать, тем более что на кону стояло семь тысяч кредитов.

Я начала собирать второй трон, предпосылки для этого у меня были. Две карты этого трона уже давно выбыли, и я незаметно вытянула их из-за воротника, сделав вид, что потягиваюсь. Ещё одну карту я вытащила из рукава куртки. Оставалось собрать последнюю карту трона. Я нахмурилась: вот она лежит, но вместе с ней лежат уже давно выбывшие башмаки и пара квазаров. Если бы я забрала всё это, припрятав свой первый трон, то пропустила бы ход. А если

бы я покрыла эти карты, то однозначно лишилась бы трона. И я их взяла. Выбывшие карты, с помощью чьих-то ловких лап или пальцев оказавшиеся на столе, исчезли в моих карманах. Просто ловкость рук.

Я внимательно вглядывалась в лица и морды. Ни у кого не дрогнул мускул, не сузились глаза, не дёрнулся рот. Я знала, что эти игроки давно проводят время за оклосом, ни один не выдаст себя. Мимо прошёл официант с подносом с напитками. В подносе отразились карты сидевшего напротив хейра. Ну ничего себе уловка! Уверена, что кто-то из игроков заплатил официанту, чтобы он так сделал. Я поняла и приняла, что мои карты могут подсмотреть таким образом. Сдвинула свой веер ближе к груди. Краем глаза заметила, что несколько игроков сделали то же самое. Ага, не одна я заметила маневр официанта. У того хейра, карты которого выдал официант, оказался третий трон, и ему предстояло ходить! Что ж...мне было чем ответить.

Когда я выложила свой второй трон, челюсти хейров хищно заклацали, слышался мат инопланетчиков, по моей спине потекла струйка пота. Организатор игры протянул мне пачку кредитов, чуть склонился.

– Вашссс выйгрышссс, инопланетчикссс.

Я вскочила из-за оклоса и понеслась к выходу. Сначала я быстро неслась, опасаясь преследования, но за мной никто не бежал. Я облегчённо выдохнула, радуясь удаче. Уже открывала дверь, чтобы заскочить в катер, как меня прямо от-

швырнуло от него, в глаз прилетел кулак. Брызнули слёзы. Тот самый хейер, что вручал мне кредиты, схватил меня за руку и сжал пальцы до хруста. Меня охватила дикая боль, и я заорала. Быстрые лапы обыскали меня и забрали мой немаленький выигрыш, бросив мне в лицо два кредита. Хейер едко поблагодарил меня:

– Сссспасибоссс за игруссс, малышссс.

Минут пять я не могла встать. Глаз заплыл, пальцы распухли и посинели, любое движение ими приводило к страшной боли. Я забралась в катер, и искин отправил его на орбиту Хейраны. На маяке я молча разделась, набрала команды для лечения переломов и улеглась в капсулу. Сегодня я использовала последний картридж.

Утром я потребовала у искина загрузить программы для тренировок на выносливость, для изучения защитных стоек, программы тренировок на силу. Исхран всё ещё не открывал мне доступ во всекосмическую сеть.

Теперь каждое моё утро и каждый вечер начинались и заканчивались бегом по первому кольцу, отжиманиями, подтягиваниями, упражнениями на пресс. Ещё я изучала атакующие и оборонительные стойки. Не знаю, как они называются, но Исхран сказал, что они хорошо подходят под параметры моего телосложения.

Всё это я вспоминала, пока отходила от парализующего действия тазера. Уже три часа мой катер висел на орбите

Хейраны, в таком состоянии путь домой я открыть не могла. Как только парализующее действие сошло на нет, я с трудом встала, вытерла рукавом слюну, стекающую по подбородку, села в кресло пилота и произнесла:

– Домой!

Глава 2

– ...семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

Отдых. Расслабляй мышцы пресса, Микаэлла, – скомандовал искин. – Затем ещё два подхода по двадцать раз.

– Ненавижу тебя, механический болван! – кряхтя, сообщила я и растянулась на жёстком полу. Сил больше не осталось.

– Устраняю пробел в твоём образовании, Микаэлла, – флегматично проговорил Исхран. – У слова «болван» есть несколько значений, например, это то же самое, что и идол, – материальный предмет, изображение божества. Я не материален, поэтому болваном быть не могу.

Ну и гад, думала я. А Исхран продолжал поучать меня.

– Если под болваном ты имела ввиду дурака, то это, как правило, глупый виг. Тот, кто принимает нелепые решения, противоречащие здравому смыслу, или поступает не вовремя, несообразно обстоятельствам. При создании искусственных интеллектов прописываются алгоритмы, не допускающие осуществления вышеназванных действий, так что дураком я быть тоже не могу, – сообщила наглая машина и добавила: – Тебе следует быть более начитанной. Для расширения твоего кругозора закачаю на планшет толковый словарь вигов.

Я застонала, понимая, что он действительно это сделает

и я буду вынуждена заучивать значения слов. В эту игру мы играли уже не один год. Мне иногда казалось, что мой искин изошрённо издевается надо мной... И иногда я вздыхала: если бы он хоть немного походил на живое существо, мне было бы проще жить. Все мои дни расписывались им по часам. На огромной полуразрушенной станции, где я жила одна, весь день оказывался занят делами!

В прошлом я пробовала сопротивляться педагогическим методам Исхрана и каждый раз проигрывала. Если я неправильно выполняла задание, то в лучшем случае меня не кормили, в худшем – запирали в каком-нибудь пустом отсеке, где я сидела, пока не выполню практическую работу. Как-то я провела в таком двенадцать дней, питаюсь пищевыми пайками и водой, пока правильно не написала программу, обеспечивающую утилизацию отходов жизнедеятельности. А до этого времени страшное амбре плыло по отсеку, в котором я была заперта наедине с утилизатором. А бывало, искин не пускал меня на маяк, пока правильно не выполню упражнения по пилотированию пять раз подряд.

Сейчас меня ждало сорок сгибаний и разгибаний и жим от пола на левой руке тридцать раз – жим правой рукой я уже сделала. В конце тренировки я делала упражнения на ловкость пальцев и рук.

– Фокусы помогают освоить некоторые обходные техники, а ещё могут пригодиться для развлечения твоих детей, Микаэлла, – внезапно пояснил Исхран. И я опешила. Нико-

гда не задумывалась об этой стороне жизни. Да, я знала, что все разумные размножаются для сохранения вида, но я осталась единственным навигатором во Вселенной и не понимала, с кем смогу... взаимодействовать в этой плоскости, чтобы продолжить свой род.

Три месяца назад мне исполнилось пятнадцать. Вспомнилось, как это было...

В этот день меня никто не будил, я проснулась сама. Открыв глаза, вздрогнула. Перед кроватью стоял бот-ремонтник и держал в манипуляторах тарелочку с кексом.

– С Днём рождения, госпожа смотрительница, – поприветствовал меня искин и тут же озвучил планы на день: – Напоминаю, что после завтрака у тебя физическая подготовка, душ, урок лингвистики, урок по теории строения чёрных дыр...

– Зачем ты каждый год поздравляешь меня? – хмуро спросила я, выслушав список дел. – Что такого в этой дате? Почему ты уделяешь ей внимание? Ведь этот день ничем не отличается от других. Тренировки, практические задания, теория...

Неожиданно я получила удивительный ответ:

– Это один из самых любимых праздников многих существ. Даже аотлисы, считающие не годы, а циклы, которые длятся по пятьдесят лет каждый, отмечают этот праздник.

Исхран продемонстрировал празднования дней рождений

моих предков. Множество вигов собрались не на маяке, а в особняке на старинной Франгаг: много подарков, много улыбок и поздравлений, прекрасные разноцветные огни в воздухе, деревья вокруг дома, украшенные лампочками и цветами...

Из глаз полились слёзы.

– Зачем? Зачем ты показываешь то, чего у меня некогда не было и не будет?! – глухо спросила я.

– Я показываю то, к чему нужно стремиться, госпожа нье' Риолин, – ничего не выражающим голосом ответил искин.

– Ненавижу тебя! Ненавижу вигов, ненавижу их Точку начала, – привычно пробормотала я.

Сегодня мне предстояло спуститься на Хейрану. У меня заканчивалась кормосмесь, и бот-ремонтник стал с трудом справляться с заданиями. Требовалось обновить платы и софт.

Мои мысли прервал Исхран.

– У нас гости, Микаэлла.

Почти год назад мы с искином разработали новый план действий. Благодаря игре в карты у меня появились небольшие сбережения, и я обновила медикаменты первой степени важности в медицинском отсеке, купила новые картриджи для амниотической капсулы и кормосмесь лучшего качества, чем покупала до этого. Добавила пару плат боту-ремонтнику, пусть и не новых. Теперь он мог самостоятельно менять

окончание манипулятора: на дрель или портативный сварочный аппарат. Теперь работы по расчистке завалов уцелевших отсеков третьего кольца значительно продвинулись. И при нападении эти инструменты можно было использовать как оружие.

Еще я перепрограммировала управление дверьми в центр управления. Теперь, если захватчики смогли бы проникнуть на маяк, им пришлось бы повозиться, чтобы попасть в центр или выйти из него.

Я подобралась. Мне следовало затаиться в медицинском отсеке, приготовив шприц с универсальным парализующим средством. Я потратила немислимое количество кредитов на его покупку. Самозарядный, время перезарядки две десятых секунды. С ним я знала: если ко мне сунутся, у меня будет чем угостить незваных гостей! Проанализировав предыдущие взломы маяка, мы с Исхраном выяснили, что обычно в команде нападающих четыре или шесть существ. Мы могли справиться с таким количеством неприятелей, поделив неприятные обязанности.

Как назло, два дня назад перестала блокироваться дверь в медицинский отсек. И я всё откладывала починку управляющего модуля. В этом отсеке хранилось почти всё самое ценное из имеющегося у меня: медикаменты, старенькая медицинская капсула и старинный микроскоп – на крайний случай. Если бы я не смогла заработать на обеспечение минимального уровня жизни маяка, то продала бы этот раритет. Я

видела похожие, только в более плачевном состоянии, у старьевщиков, и стоили они баснословных для меня денег. Потеря имущества медицинского отсека была сравнима с потерей одной ноги, руки или глаза.

Так что было решено: я укрываюсь в этом отсеке и, если нежелательным гостям удастся попасть на маяк через заблокированные шлюзы, использую инъектор с парализующим веществом и тазер. Его заряда хватило бы на четыре выстрела, но действовать следовало скрытно. Если четверо навалились бы на меня, мне бы не поздоровилось.

На мой простенький коммуникатор пришло сообщение от Исхрана.

Исхран: Разблокировали шлюз.

– Пожри вас протуберанец, – выругалась я. – Настойчивые оказались.

Пришло еще одно сообщение.

Исхран: Двое идут в центр управления, трое – исследовать остатки второго кольца.

Я незаметно выглянула из укрытия – по коридору прошли существа в скафандрах. Нахмурилась: ну и как я буду стрелять в них тазером или делать им инъекцию паралитика? Скафандры спокойно выдержали бы заряд тазера, а инъекто-

ром я даже не проколола бы сложносоставную оболочку скафандра.

Минут пять ничего не происходило, затем начали приходить сообщения от искина.

Исхран: Запер двоих в центре управления. Они догадались, что маяк обитаем. Эти двое приступили к разблокировке. На втором кольце нашли пятна смазки. Ты оказалась неаккуратной Микаэлла, они обнаружили катер. Теперь и вторая группа знает, что маяк обитаем.

Я потёрла руки, осознавая: с тремя есть шанс справиться, особенно если поможет бот-ремонтник. Мимо отсека быстрым шагом опять прошли существа в скафандрах. Они явно спешили к центру управления. Пусть спешат, думала я, там дверь толщиной полметра, надо очень постараться, чтобы её открыть. Внезапно раздался металлический грохот – железным ящиком стучали в дверь центра управления. Помню, как тащила этот ящик – реквизит для создания заброшенности. Какие смешные! С той стороны даже не могли услышать этот стук.

Исхран: Микаэлла, приготовься. Один идёт по коридору, двое остались у двери, пробуют снять блокировку.

Внезапно я услышала мужской крик:

– Мы с маяка семьдесят тысяч семь! Мы с миром!

Сердце пропустило удар. С маяка?! Бред! Маяков больше не существует. Мой – последний! Послышались шаги рядом с отсеком.

«Зачем же мимо проходить, нужно заглянуть во все открытые двери», – с сарказмом подумала я.

Страх исчез, появился азарт. Из своего укрытия я рассматривала пришельца: высокий, светловолосый, определённо гуманоид, привлекательный. И идиот. Только идиот мог снять шлем на заброшенной станции. Незванный гость долго рассматривал мой микроскоп. Приценивался?! Меня начала обуревать злость. Микроскоп незнакомец не тронул, вместо этого, увидев в глубине отсека стол, двинулся к нему. В одной руке он сжимал клинки, другой выдвинул ящик и стал рассматривать его содержимое.

«Не позволю!»

Я только месяц назад купила эти медикаменты, и для того, чтобы найти деньги, я две недели откручивала на внешней обшивке маяка передатчик, натянув старенький скафандр. Маяку, находящемуся в полуразрушенном состоянии, этот прибор был без надобности. Да и без должного обслуживания он мог перестать работать. Сняв передатчик, я помчалась к старьёвщику, предвкушая, какие деньги за него получу. Думая, что смогу купить пищевой синтезатор, которому всего сто пятьдесят лет, а не семьсот, как установленному на маяке.

Хозяин магазинчика подержанной техники отсутствовал. Вместо него на месте оказался бордовокожий бугай. Взгляд его желтоватых глаз мне не понравился сразу.

– Здрасьте, – неуверенно кивнула я мужчине. Видимо, я оторвала от каких-то важных дел этого господина: он кивнул, но не произнёс ни слова. Чтобы нарушить тишину, я спросила: – А... где фаро Тухс? – Так звали старьёвщика, которому я обычно сдавала старое оборудование и приборы.

– Уехал отдыхать, – басом ответил детина. – Тебе чего, малыш?

– Так это, – я совсем растерялась, – передатчик сверхвысокочастотного диапазона сдать. Фаро Тухс сказал, если подобное встретится – нести к нему, он хорошую цену даст.

Я поставила тяжёлый прибор на прилавок. Громила легко поднял его, осмотрел, принёс инструменты для проверки работоспособности.

– Восемьдесят кредитов, – выдвинул он свой вердикт.

– Чего?! – Мой голос сорвался на писк. – Фаро Тухс обещал за него четыреста!

– Бери восемьдесят кредитов и будь доволен, иначе позову стражей правопорядка и скажу, что ты украл его из соседней лавки, – с угрозой протянул гад.

– Выкуси! – выкрикнула я, подхватила передатчик и рванула прочь из лавки, досадуя, что не спросила, когда вернётся фаро.

Несколько раз повернув между разнообразными лавочка-

ми, я остановилась передохнуть. Мой товар весил совсем немало. Послышались быстро приближающиеся голоса.

– Да где же он? Только что его черепушка мелькала тут.

В ответ раздался голос бугая из магазинчика:

– Его надо найти и выбить из него, откуда он взял этот передатчик. Я узнал тип оборудования, такое ставили на маяках навигаторов. Редкость страшная, на рынке на Нармире за такой дадут семь-восемь тысяч кредитов. Если этот малец достал его с заброшенного маяка, мы вытрясем из него координаты, разберём легендарную станцию на винтики, и тогда больше не придётся торчать на убогих станциях лавочников, заживём как махант Тури.

«Ага, да... Мечтай! Разбирать свою станцию могу только я!», – пронеслось у меня в голове.

Я нарочно громко потопала к следующему коридору, чтобы преследователи обратили на меня внимание. Я знала переходы и круговые коридоры, которые соединялись между собой на этой небольшой станции. Собиралась поводить их кругами, затем подловить их и угостить выстрелами из тазера. Вот только передатчик, чтоб его пожрал протуберанец, был тяжеловат.

Меня охватил азарт. Минут двадцать я гоняла преследователей по коридорам и лестницам, показываясь то там, то тут, постепенно приближаясь к стыковочному шлюзу, где находился мой катер. Эти идиоты даже не разделились, а рысцой бежали друг за другом. Сами виноваты. Я встала спиной

к стене, буквально вжавшись в неё, и, когда двое пробежали мимо, выстрелила в каждого. На таком расстоянии промахнуться я не могла, даже если бы очень хотела. Сначала в конвульсиях забился один, следом и второй. Я с силой пнула каждого по рёбрам.

– Нельзя обижать маленьких, засранцы!

Подхватив свою ношу, я рванула к шлюзу. Уже сидя в кабине и подлетая к дому, вздохнула от осознания, что путь на эту станцию мелких лавочников и старьёвщиков мне теперь заказан, придётся искать нового покупателя, такого же неприхотливого и такого же молчаливого и не достающего расспросами, как фаро Тухс.

Передачик я в итоге продала за триста семьдесят кредитов, купила медикаменты и пищевой синтезатор. И вот сейчас этот грабитель, рассматривая с таким трудом доставшиеся мне препараты, удивился вслух:

– Свежие... – Затем он нахмурился и произнёс: – А вот эту вакцину нужно хранить в холо...

Договорить он не успел, я, не дыша, подкралась к нему и ввела нейротоксин.

Обалдеть! Вот это скорость реакции. Он практически мгновенно обернулся и приставил один свой клинок прямо к моей шее. Я даже испугаться не успела, а он начал падать – подействовал токсин. Я ухмыльнулась.

– Спокойной ночи, кретин!

Пришло сообщение от Исхрана.

Исхран: Молодец. Теперь оттащи его в пустой отсек, рядом с медицинским.

Да он издевается, подумала я. Как я могу это сделать? Мужчина, хоть и не крупный, весил раза в три больше, чем я. От искина снова пришло сообщение.

Исхран: Бот занялся другими, у тебя мало времени, дверь в центр управления скоро разблокируют.

Я зарычала и, тихо матерясь, потащила незнакомца к выходу из отсека. Мне повезло, что он остался в скафандре: эластичная ткань скользила по металлическому полу. Но, когда я заблокировала дверь в отсек, в котором теперь находился этот безголовый, руки тряслись от напряжения.

Исхран продолжал оповещать меня о происходящем.

Исхран: Хорошо. Теперь снова прячься в отсек. Мне придётся запустить заполнение того отсека, где ты заперла элфина, водой, если они начнут действовать агрессивно.

«Так это элфин?! Настоящий?!»

Я похолодела, вспомнив, как больше года назад обыскивала сырые трупы грабителей. Оказалось, искин просто их утопил. Элфин... Этого не очень умного парня почему-то

стало жаль. Он не сделал ничего плохого, мне и мне не хотелось его гибели. Мне казалось, что представители этой расы не способны убивать.

Я надеялась, что теперь нападающих только двое. Тогда бы я справилась. Тазер я пока ещё не использовала, заряд оставался полным.

Исхран: Мне жаль, Микаэлла.

«Это он о чём?» – подумала я.

Помещение медицинского отсека вдруг начало заполняться жутко вонючим и слезоточивым дымом. Я сделала вдох и приглушённо закашлялась. Упала на колени, надеясь, что дым поднимется вверх, но ничего не вышло: он продолжал стелиться по полу, медленно поднимаясь вверх. Ни о чём уже не думая, задыхаясь, забыв про нейротоксин и тазер, я рванула к выходу из отсека. Выбежала, и меня сразу схватил и прижал к себе какой-то мужчина. Вырваться я не могла. Высокая светловолосая женщина спросила меня:

– Кто ты? Где член моей команды, элфин? Кто ещё есть на маяке и где они прячутся?

Я задорно рассмеялась.

– Ничего не скажу!

– Послушай, девочка, я Одалинн нье' Шатроф, смотритель маяка семьдесят тысяч семь. Мы не причиним тебе вреда, мы разыскиваем выжившие маяки. Восстанавливающей-

ся империи вигов нужны все змолрители. Отключи блокировку. Свяжись с искином нашего катера, отправь запрос на подтверждающий код и скажи уже, ради Великой точки начала, где мой элeфин?

Мне очень, очень, очень хотелось поверить ей. Но в тех мирах, где я бывала, о навигаторах никогда не упоминали. А если виги вернулись, это должно было быть на слуху. Я рассматривала эту дылду, пытаясь найти хоть какой-нибудь признак вранья, но та в упор смотрела на меня и молчала. Она заговорила первой.

– Мне нет дела до твоего маяка. Я заберу команду, отвезу тебя к принцессе Франгаг, а там уже сама решай, что делать дальше.

Эта девка завралась, и я собиралась сообщить ей об этом.

– Какие сейчас фантастические истории рассказывают пираты, ты бы хоть что-то правдоподобное придумала, дылда! Франгаг исчезла тысячелетие назад! Маяков больше не существует, мой – последний!

Незнакомка вздохнула и, словно повторяя это в стотысячный раз, сообщила:

– Краткий пересказ истории для тебя: Франгаг найдена, императорская семья вернулась, идёт восстановление планеты и нации. И где, скажи наконец, мой элeфин?

Меня затрясло. Если я правильно поняла, кровавый император вернулся? Как?! Как это могло случиться?!

– Ненавижу вашу империю! – процедила я, и мне показало-

лось, что стоит сделать больно этой выскочке, как она только что сделала больно мне. – А твой элфин плавает! Водички ему захотелось! – Я засмеялась.

– Где? Говори! – прикрикнула она на меня. Да кто она такая, чтобы кричать и указывать, что мне делать?! Я засмеялась громче.

Внезапно незнакомка спокойно обратилась к тому, кто держал меня:

– Отпусти её, Бонир. – Дылда бросилась ко мне и вывернула руку назад.

– Ааааааа! – завизжала я от резкой боли. – Больнооо!

– Где. Мой. Элфин? – чётко выговаривая слова, повторила девка.

– Ааааауууу! Покажуууу, стервааааа!

От боли у меня подкашивались колени. Она ослабила захват.

– Веди!

Мы прошли к отсеку, в котором я оставила элфина.

– Тут твоя рыбка! – ухмыльнулась я и показала на дверь.

Сквозь стекло и зеленоватую воду мы увидели лицо парня. Искин и в самом деле собирался сделать это – утопить элфина.

– Открывай дверь, – приказала она.

– Не могу, – проворчала я.

Эта тварь снова усилила захват, и я завопила:

– Аааааа.... не могууууу.... искин не всегда исполняет

приказыыыыы...

Стерва снова ослабила захват, и я почувствовала, что от боли моё лицо покрылось потом.

– Поговори со своим искином. Пусть откроет отсек, – снова приказала эта бестолочь.

Я подняла голову туда, где находилась камера и в спешке заговорила:

– Мне очень больно. Исхран, открой отсек, прошу, иначе эта дура сломает мне руку, а у нас нет запасных картриджей для капсулы!

В это время другая женщина, с оливковой кожей, пыталась получить доступ к управлению дверью, за которой находился элэфин.

Белобрысая стерва, увидев сквозь стекло и воду лицо парня, вздрогнула и выкрикнула, глядя на него:

– Ты не умрёшь, Рэн!

«Мне жаль, Рэн, если ты умрёшь тут, у меня на маяке, – думала я. – Но эта девка, как её там... Одалинн? Похоже, она у вас главная, и это она виновата, что притащила вас всех на мой маяк. Вас никто ко мне не звал!»

Светловолосый парень показал Одалинн – имя то какое нелепое, – что не слышит её, приложив ладонь к своему уху. А затем исчез из виду, видимо, вынырнул, чтобы глотнуть воздуха. Стерва Одалинн усилила нажим на мою руку и отчеканила:

– Прикажи искину открыть отсек.

В этот раз эта тварь вывернула руку ещё сильнее. От боли я заплакала, но сквозь слёзы заметила, как парень задёргался и как у него из носа пошли пузыри.

«Нет! Нет! Не хочу видеть это! Мне всего пятнадцать лет! Не хочу видеть, как полное жизни тело превращается в холодный сырой труп! Ненавижу пиратов, ненавижу маяки, ненавижу искинов!»

Над ухом раздалось:

– Не можешь ты, поговорю я. – Линн, обратилась к моему искину. – Исхран, если ты не откроешь эту дверь, я начну ломать ей кости. Ей будет больно, но она не умрёт от болевого шока. А когда я заберу его тело, – её голос звучал очень спокойно, – то разнесу на атомы этот маяк, а твой столь обещаемый зритель останется с тобой. Вместе. До конца.

Я почти желала этого: устала жить в этом странном мире, где мне каждую секунду приходилось бороться за выживание... Что-то хрустнуло, и меня охватила немыслимая боль. Когда хейр сломал мне пальцы на этой же руке, было больно, но не так сильно. Я завизжала. Казалось, моя старенькая рубашка насквозь пропиталась потом. Эта тварь, не ослабляя захват моей сломанной руки, невозмутимо позвала моего искина:

– Исхран?

Я уже даже дышать не могла, в глазах то и дело темнело. Сначала ничего не происходило, а потом на нас хлынул поток воды. Я не могла поверить, что искин уступил. Исхран

уступил! Эта дрянь, Линн, оттолкнула меня от себя, и я упала – хорошо, хоть не на сломанную руку. Осторожно отползла к стене и, тупо уставившись в отсек с элефином, смотрела, как Линн и два её спутника выволокли того в коридор и приступили к реанимации. Мой теоретический медицинский опыт подсказывал, что время упущено. Но эта упёртая девица раз разом вдвухала ему воздух в лёгкие и ритмично нажимала на грудь.

– Дыши! Ну же, дыши! – рычала она. А следом раздалось отчаянное: – Я не дам тебе умереть, Арэниэль!

Даже имя у этого элфина оказалось такое... элейское. Я сожалела о том, что он умер. Но тут произошло невероятное: Рэн попытался вдохнуть и закашлялся, из его рта полилась вода. Второй светловолосый мужчина быстро перевернул элфина на бок, и того вырвало водой и пищей. Фу! Мерзость! Мужчина, который удерживал меня, когда я выскочила из медицинского отсека, напряжённо заметил:

– Ну ты даёшь, Линн, я думал, уже всё...

– У меня по утоплениям была пятёрка, – сообщила она.

– Вы там, в своей навигаторской школе, готовились топить членов команды что ли? – удивился другой.

Женщина с оливковой кожей и мужчина, который удерживал меня, улыбнулись, а недовольная Линн проворчала:

– Как же я хочу сейчас тебя стукнуть, Нарин.

Несмотря на тупую ноющую боль в руке, я с любопытством наблюдала за ними. Какая же они всё-таки слаженная

команда...а я всегда одна... Меня бы никто не стал спасать, если бы мне понадобилась помощь. Из глаз покатались слёзы, но при этом мне хотелось смеяться. Я завидовала пиратам! Я! Пиратам! Захотелось зацепить их, чтобы они вышли из себя, чтобы... чтобы... чтобы покончили с моим никчёмным существованием.

– Ха-ха-ха! Пятерых захватчиков уделали ребёнок и бот-ремонтник! Ха-ха-ха!

– Я тебе уже сто раз сказала, что мы не захватывали маяк и не планировали никого калечить. Если бы у нас была цель захватить его, мы бы действовали другими методами, – ответила мне Линн.

Я завизжала, чтобы заглушить её противный голос:

– Никого калечить? Ты сломала мне руку, стерва психованная!

– Скажи спасибо, что только руку, – парировала она. – Ты чуть не убила члена моей команды.

– Ничего твоему... Как он там себя назвал, элфин? Ничего твоему элфину не стало, вон, живой сидит! – надменно ответила я ей. – И вообще, технически не я его убивала, это мой искин решил позаботиться обо мне.

– Твой искин нарушил не один навигаторский протокол. В программном обеспечении за сотни лет, что его не перезагружали, накопились множественные ошибки. По-хорошему, его надо стереть. Он опасен.

Из груди вырвались рыдания. Нет! Нет! Искин, хоть и су-

масшедший, был моим, только он связывал меня с моими предками. А в последние два с лишним года он один заботился обо мне. Почему никто из якобы выживших вигов не прилетал за мной?

– Не трогай моего искина! Не смей! Он единственное, что осталось от моей семьи!

– Великая точка начала! – закатила глаза Линн. – Сколько раз тебе повторять? Не нужен нам твой маяк! И искин твой сумасшедший не нужен. Сама с ними разбирайся. Но сейчас ты пойдёшь со мной, ты должна пройти адаптацию на маяке принцессы.

– Ненавижу вигов, ненавижу вашу Точку начала, ненавижу...

Я захлёбывалась слезами, не желала её слушать, и внезапно щёку обожгло – эта тварь дала мне пощечину!

– Прекрати истерику! – отчеканила Линн.

Наверное, если бы не рука, я бы попыталась броситься на неё.

– Ненавижу тебя!

Та кивнула.

– Да, я тоже не испытываю к тебе дружеских чувств. Передавай мне сопряжение, иначе я не смогу защитить твоё имущество в случае нападения, пока принцесса будет решать твоё будущее.

Рука висела плетью, щека горела, я сжала зубы.

– Я не буду добровольно передавать тебе сопряжение. По-

пробуй обойтись без меня!

Негодяйка Линн нахмурилась.

– Протоколов, позволяющих самовольно забирать управление маяком, нет, нужно добровольное согласие действующего смотрителя. Ты знаешь, что такое протоколы навигаторов?

Я ощерилась.

– Согласно протоколу пятнадцать, если смотритель погиб, сопряжение может принять другой навигатор. – Я наклонила голову на бок. – Убьёшь меня?

– Как ты мне надоела! – с досадой проговорила Линн.

– Ну так вали отсюда, оставь меня и мой дом в покое!

– Не могу, – прошипела она. – Рада бы, да не могу оставить тебя.

Я не собиралась слушать этот бред. Если бы хотели убить – уже убили бы. Им осталось только обворовать меня и покинуть маяк. Самое ценное у меня хранилось в медицинском отсеке, и я двинулась туда, чтобы вколоть себе обезболивающее, и, когда эти твари уберутся из моего дома, залезть в медицинскую капсулу. Использую остатки картриджа, решила я. А попробуют обворовать мой медицинский отсек – пожалеют. Даже с одной здоровой рукой я могла стрелять из тазера. Меня остановил голос Исхрана.

– Микаэлла, я связался с искином катера. Пришли действующие коды, которые подтверждают, что это в самом деле смотритель с другого маяка. Тебе следует лететь с госпо-

жой нье' Шатроф.

Я остановилась. Голова закружилась, и я даже опёрлась плечом о стену коридора.

– Почему ты раньше не запросил коды чужого искина?

– Таковы указания господина Тэо.

– Зачем ты дотянул до такого? Ради каких твоих целей эта тварь сломала мне руку?

– Таковы указания господина Тэо.

– Зачем я должна куда-то лететь?

– Таковы указания господина Тэо.

– Ненавижу тебя, Исхран!

Я поймала ртом воздух, здоровой рукой рванула ворот своей рубашки – та затрещала, но дышать всё равно было трудно, в глазах потемнело.

Очнулась от резкого запаха, мою здоровую руку кто-то держал.

– Очнулась, пульс в норме. Боль в повреждённой руке, перенапряжение и стресс. Ей бы в амниотическую капсулу. – Рядом со мной на корточках сидел бледный Арэниэль и закрывал старинный флакончик с гаприксом – препаратом, помогающим выводить из обморочного состояния. Между прочим, из моих запасов! Глаза у него оказались тёмными, почти чёрными! А в энциклопедии рас писали, что все элфины голубоглазые, зеленоглазые или сероглазые.

– Знаю, – вздохнула Линн. – Но нужно передать сопряжение. Так мне проще охранять станцию. И, если принцесса

назначит другого временного смотрителя, то так будет легче передать сопряжение с маяком.

Я, с трудом поднявшись, проигнорировала протянутые для помощи руки Линн и Рэна, и побрела в центр управления. Протокол передачи сопряжения от одного смотрителя другому я знала наизусть.

Перед тем, как начать процедуру передачи, Линн спросила:

– Почему ты одна?

Захотелось побесить её.

– Кормосмесь закончилась, – развязно ответила я. – Выжил тот, кто смог съесть другого. Моего последнего родственника я доедала неделю. – Я облизнулась и погладила здоровой рукой живот.

– Два года, двенадцать дней, восемнадцать часов, двадцать шесть минут, тридцать три секунды назад умер господин Тэо нье' Риолин, дед Микаэлы по отцовской линии, – сдал меня Исхран.

– Ненавижу тебя, Исхран – привычно бросила я ему.

Линн поражённо посмотрела на меня. У неё смешно округлились глаза.

– Ты два года жила на маяке одна?

– Ну почему же одна? Мне составлял компанию болтливый искин, – съязвила я.

– Мне жаль, – ответила Линн.

Не хватало, чтобы меня жалела она. Руку мою она жалеть

не стала, а вот о деде, которого она в глаза не видела, сожалела.

– Мне твоё сожаление положить некуда, – ответила я фразой деда. Он говорил так, когда сильно злился на меня, а я отвечала, что сожалею о своём проступке.

Я громко и чётко назвала своё имя, возраст, должность на маяке номер десять тысяч семьсот три. Отчётливо произнесла имя той, кому добровольно передавала руководство космической станцией. Одалинн сделала то же самое: назвала своё полное имя, возраст, космические дату и время, озвучила своё добровольное согласие стать смотрителем маяка десять тысяч семьсот три.

Искин подтвердил передачу полномочий.

Я нарочно не стала брать с собой вещи: чтобы остался повод настоять на возвращении. В голове не укладывался недавний разговор с Исхраном. Какие ещё распоряжения в отношении меня поступили от моего деда? Это не стоило обсуждать при посторонних.

Мы летели через червоточину, построенную другим навигатором, к чужому маяку. В реальность происходящего не верилось. Мне казалось, что я сплю и вижу очень странный сон. Я ущипнула себя здоровой рукой за бедро. Нет, я не спала. И действительно видела другой маяк. Целый. «Маяк № 70007» – красовалось на борту. С тоской я подумала, что надпись на моём маяке уже сотни лет не обновлялась и теперь едва различима.

На маяке Линн горели все жёлто-красные огни шлюзовых камер, ровным светом светились иллюминаторы, не виднелось никаких обломков вокруг корпуса. Когда мы вышли из шлюза, я осмотрелась. Ровный белый свет, светильники целы, никаких вывороченных дверей отсеков, мусора на полу. Тепло, а не прохладно, как у меня из-за нехватки обогревательных мощностей.

Статная женщина с рыжими волосами встретила нас у шлюза.

– Я уже начала волноваться, – сварливо бросила она, рассматривая меня. – Выживший? На маяке? – Она подняла вверх тёмно-рыжую бровь. Рассматривала меня, как диковинную зверушку.

– Представь себе, – спокойно ответила моя мучительница. – Такого подарочка, – Линн выделила это слово, – мы не ожидали. – Она повернулась ко мне. – Микаэлла, тебе нужно в медицинский отсек, Арэниэль тебя проводит. Кинира, – снова обратилась она к рыжеволосой, – пойдём, расскажу, как прошло обследование маяка.

Линн двинулась по коридору. Если её маяк такой же, как мой, думала я, то она направилась в сторону центра управления. Я скорчила рожу в спины удаляющимся и беззвучно произнесла: «Подарочек». Внезапно Кинира обернулась – как раз, когда я сморщила нос и высунула язык, передразнивая Линн. Она широко улыбнулась и подмигнула мне. Стало неловко.

– Полагаю, ты знаешь, как пройти в медицинский отсек? – спросил Арэниэль. Его голос раздался над моей макушкой.

Пожри меня протуберанец, я и забыла, что не одна осталась у шлюза. Я кивнула. В медицинском отсеке он осмотрел меня. Я поразилась. Да он ещё и медик! Как эта зараза, Линн, заполучила такого парня на станцию?! Мне тоже захотелось элфина-медика на маяк! Я мысленно дала себе подзатыльник. Размечталась! Я ведь понимала: Как только эта холёная Линн узнает, что мой род противостоял тирану – императору Франгаг, меня отпустят. Гулять. В космос. Без скафандра.

– Микаэлла, тебе нужно провести ночь в капсуле, завтра к завтраку твоя рука будет в порядке. Ещё капсула будет дозировать успокоительное, сегодня у всех выдался насыщенный день, – мягко улыбнувшись, обратился ко мне Арэниэль. Он уже успел переодеться, медицинская униформа ему шла. На редких голозапсях, которые после долгих уговоров демонстрировал мне Исхран, я видела, что обычно команда надевает униформу с нашивками, на которые наносится номер маяка.

Несмотря на обуревавшие меня чувства и дикое количество мыслей в голове, я заколебалась, стоя перед амниотической капсулой. Этот сверхчувствительный, мощный медицинский аппарат вызывал восторг, вот только в мою старинную медицинскую капсулу надлежало лечь практически голой. А в этом медицинском отсеке находилось неслыханное количество персонала: элфин и какая-то женщина. Да

сколько же зарабатывает эта Линн, если может позволить себе столько наёмных сотрудников?!

– Ты можешь остаться в белье, – подсказал Рэн. И как он понял моё замешательство? Он чуть улыбнулся.

А мне пришлось неловко сознаться:

– Я ношу... ношу... – подбирала я слова. – В общем, на мне только трусы.

Элефин понимающе кивнул. Какой замечательный парень! И куда только смотрит эта дура Линн?

– Больше, чем необходимо, смотреть не буду, – пообещал он.

Какая интересная формулировка. Закралось подозрение, что Арэниэль изучал тот же курс основ дипломатии, что и я. Я стянула с себя куртку, рубашку, у которой пострадал ворот, штаны и, закрывая грудь здоровой рукой, легла в капсулу. Удивительно! Ложе капсулы оказалось не холодным, а ровно той температуры, что и моё тело. Рэн отвернулся, пока я раздевалась. Когда он стал опускать крышку капсулы я, пока ещё не осознавая, что хочу сказать ему, пискнула:

– Подожди!

Крышка плавно поднялась, элефин вопросительно посмотрел на меня.

– Прости, пожалуйста! Я не желала тебя убивать и приказа такого не отдавала. Но мой искин защищал меня. Он посчитал, что вы опасны. Он не раз спасал маяк от нападения. – Я сочла нужным извиниться. Арэниэль же не виноват, что на

мой маяк его притащила идиотка Линн.

И тут он удивил меня – прижал руку к сердцу и чуть поклонился. На сердце стало легко. Он принял мои извинения!

Глава 3

Я проснулась. Умный, высокотехнологичный медицинский прибор сразу же отреагировал: крышка капсулы начала подниматься. Я рефлекторно положила ладони на обнажённую грудь. В этот раз крышку капсулы открыла Патришия – второй медик маяка семьдесят тысяч семь. Она мягко улыбнулась мне.

– Привет, Микаэлла! – я удивилась: надо же, у такой противной Линн такой приветливый персонал! – Как рука? – спросила она.

И правда, как моя рука? То, что она не болит, я уже поняла. Подняла руку вверх, опустила, согнула в локте, сделала пару взмахов и осторожно поиграла пальцами, после чего сжала их в кулак, а потом быстро раскрыла ладонь. От перелома не осталось и следа: никаких болевых ощущений, никакого дискомфорта! Я вздохнула: моих знаний и возможностей капсулы родного маяка не хватило даже для полного излечения пальцев, которые мне сломали на Хейране. Кисть иногда ныла перед космическими бурями или при спонтанном открытии нескольких червоточин одновременно.

– Здравствуйте, спасибо, всё прекрасно, рука здорова, – я ответила вежливо. С персоналом маяка надлежало вести себя любезно. Хоть сотрудников у меня и не было, я об этом

знала: эту истину мне сначала вдалбливал дедушка, а потом холодный Исхран. Никогда не понимала этого – как я могла нанять штат, если нам с бабушкой на жизнь не хватало? Я всё-таки не удержалась и съязвила: – Я бы не отказалась забыть о том, как получила эту травму, – последнее слово я выделила, – приняв таблетку для очистки памяти. – Такой не существовало. Имелись разные способы стереть память, но вот препаратов для удаления выборочных воспоминаний ещё не придумали. Только очень точные настройки довольно специфичной амниотической капсулы.

Патришия расстроилась, и я отругала себя за длинный язык. Разве госпожа Тюрфо виновата в моих напряжённых отношениях со смотрительницей этого маяка? Женщина молча выдала мне ботинки, серый комбинезон и вышла. – Дура! – чуть слышно проворчала я самой себе.

Раздался стук. Я быстро застегнула серый комбинезон с нашивками маяка семьдесят тысяч семь.

– Войдите, – крикнула я, закатывая длинные рукава. Выглядела я нелепо, но ничего не поделаешь. Комбинезон был новый, ткань приятно прилегала к телу. Прослужит долго, думала я, возможно, через год-полтора станет в пору.

В отсек вошла Линн. Я сжала зубы. Меня одолевала ненависть к этой белобрысой уродине! Сломала мне руку и забрала управление моим маяком. Моим! Я нагнулась, чтобы надеть ботинки. Ух ты, автоматическая шнуровка! Такие ботинки стоили, наверное, как все светильники бывшего жи-

лого отсека моего маяка. Я снова вздохнула.

– Здравствуй, Микаэлла, – поприветствовала меня Линн. Я промолчала. Желать ей здоровья не собиралась. Моё-то здоровье её не волновало, когда она ломала мне кости. Линн пожалала плечами и сообщила: – После завтрака жду тебя у шлюза восемь. Мы вылетаем на маяк принцессы.

Вылетаем так вылетаем. Я собиралась приложить все усилия, чтобы отсрочить этот вылет. Нарочно медленно ела свой завтрак – а ещё оглушительно чавкала, руками брала еду и засовывала её в рот, облизывая пальцы. В конце трапезы сыто рыгнула. Ну как? Похожа на придворную фрейлину? В старинных сказках Франгаг, что читал мне дедушка, упоминались такие. Линн даже не замечала моих потуг, она просто пялилась в свой планшет. Дверь в общую столовую открылась, и вошёл симпатяшка Арэниэль. Ха, он и в туалет ходит со своими очень длинными ножами? Рэн поздоровался со всеми, бросив быстрый взгляд на Линн, а меня мимоходом погладил по голове.

– Как самочувствие? – улыбнулся он. И ни слова не сказал про мои измазанные завтраком подбородок и нос, про крошки на комбине зоне и жирные пальцы. Уверена, он это всё прекрасно рассмотрел.

Почему-то я не смогла устоять и улыбнулась в ответ. Вытерла грязный рот рукавом, нарочно игнорируя салфетки, и ответила:

– Спасибо, всё хорошо.

Мне до сих пор было неловко из-за того, что он чуть не погиб на моём маяке. Я посмотрела на Одалинн: она всё также читала что-то со своего планшета, не обращая внимание на происходящее вокруг. Она даже вилку в тарелку тыкала, не глядя на свой завтрак, и накалывала на неё что-то мясное.

Присутствующие в столовой члены команды исподтишка рассматривали меня. В какой-то момент мне это надоело: я же не зверюшка! Снова рыгнув, я послала воздушный поцелуй мужчине, который схватил меня, когда меня выкурили из медицинского отсека моего маяка. Когда он, опешив, вскинул брови, громко клацнула зубами и мелко застучала ими. Присутствующие вздрогнули. Я откинулась на спинку стула и начала ковырять в зубах, сплёвывая остатки еды на пол. Мои усилия были вознаграждены – женщина с зеленоватой кожей брезгливо посмотрела на меня, и я показала ей язык.

Но как бы я не растягивала завтрак, на маяк принцессы вигов отправиться всё же пришлось.

Пилот катера Одалинн оказался неуклюжим водилой-мяурианцем. Типичным мяо, пусть и ярко-розовым. Мяо я рассматривала в своей энциклопедии рас. Чёрные, белые, рыжие, в крапинку или полоску, серые и даже почти лысые – настолько была коротка шерсть у отдельных уникамов, – но никаких запредельных цветов вроде ярко-розового и синего. Чем он думал, когда менял окрас на такой? На его родной планете не встречается таких природных оттенков.

Мяурианцы – довольно интересный вид разумных. У них чрезвычайно острое обоняние и совершенно необычно устроены глаза. Мяурианцы могут видеть в полной темноте! В сетчатке их глаз есть два типа светочувствительных клеток: колбочки, которые позволяют различать цвета, но функционируют лишь при нормальном освещении, и палочки, которые не воспринимают цвет, но способны функционировать в тёмное время. У вигов палочек тоже довольно много, но у мяо их гораздо, гораздо больше. На один квадратный миллиметр сетчатки приходится до трёхсот пятидесяти тысяч палочек.

Мяо абсолютно гетеросексуальны. Обычно флегматичные, они сторонятся скоплений иномирных существ, чаще предпочитают одиночество и, если в обонятельное поле попадает мяуринаская особь противоположного пола, особенно в некоторые месяцы года, и если обоняние подсказало, что эта особь жаждет спаривания, то обе особи пропадают для вселенной на пару-тройку недель. И пусть пожрут протуберанцы того, кто попытается запретить мяурианцам спариваться в такой период. В энциклопедии я видела рисунки ран, нанесённых острыми когтями и зубами мяо инопланетчикам, которые помешали им в брачный период. Потом у них как будто выключается тумблер. И мияурианцы, исчерпав свои половые гормоны, снова становятся флегматичными.

Эта информация в справочнике рас касалась мяо, живу-

щих вне своей планеты. Если Одалинн не в курсе такой особенности мяурианцев, думала я, это станет для неё неприятным сюрпризом. Кстати, в энциклопедии отсутствовала информация о том, как мяо справляются со своим гормональным бумом в привычных условиях. Зато там интересно рассказали об их обонянии: в задней части носового прохода мяо располагается обонятельный эпителий, отвечающий за восприятие запаха, выделение защитной слизи и образование сенсорных нейронов. Развитая кровеносная система носа напрямую связана с головным мозгом. Вся поступающая информация передаётся между этими органами через нейроны. На их носовом эпителии находится целых восемьдесят миллионов обонятельных рецепторов – это в восемь раз больше, чем у среднестатистического вига. А ещё у мяо быстрая реакция – быстрее, чем у вигов, – возможно, поэтому они хорошие пилоты. Но только не этот.

Катер Линн с лёгким толчком отшвартовался от шлюза. Я отметила, что пилот слишком резко нажал кнопку управления, отвечающую за шлюзовые захваты. Технически он всё сделал верно, но чуть поспешно. Исхран бы не пускал меня на станцию, пока не отработаю этот манёвр раз десять. В общем-то, так он и поступил.

Через рукав перехода виднелся точно такой же маяк, как и мой.

– «Маяк №5», – одними губами прочитала я огромную бортовую надпись.

Через три минуты мы выходили из шлюза этой станции.
– Аликс, где принцесса? – спросила Одалинн.

В моей голове возникли вопросы. Кого она спрашивает? Местного искина? А как расшифровывается «Аликс»?

– Они с господином нье' Тарку в оранжерее, – раздался низкий бархатистый голос, пробирающий до мурашек. Этот голос никак не вязался с образом искина. Голос моего Исхрана – искусственного хранителя маяка – всегда оставался безжизненно ровным и спокойным.

– Микаэлла, – обратилась ко мне белобрысая стерва. – Надеюсь, ты не забудешь поздороваться. Не показывай себя невоспитанной, как сегодня за завтраком. – Вот же зараза! Только делала вид, что не замечает происходящего! – Я знаю, что это не так: я выборочно просмотрела файлы с записями твоего, – она хмыкнула, – домашнего обучения.

Ненавижу Исхрана!

До ответа я не снизошла. Когда мы вошли в отсек, я открыла рот. Неужели такое возможно? Живые невысокие деревья, кусты, цветы, декоративная синяя, зелёная, белёсая трава. Небольшой уголок неизвестной планеты! Глядя на это обилие растительности, я просто забыла, что я где-то в космосе.

– Да, возможно, – послышался приятный женский голос, – но требуется терпение и, – женщина вздохнула, – немыслимые средства для обустройства сада на космической станции.

Я задала этот вопрос вслух? Я перевела взгляд с ярких сине-фиолетовых цветов, зацепившихся своими корнями за кору неизвестного мне дерева, на женщину. Белые, совершенно седые волосы, яркие зелёные глаза. Изящная, но не худая. Одета в такой же серый, как у меня и Одалинн, комбинезон.

– Здравствуйте, – проговорила я, и мне почему-то захотелось склонить голову. В соседнем от незнакомки кресле сидел очень привлекательный мужчина, тоже со светлыми волосами.

«Пожри меня протуберанец, да где ж таких красавчиков берут? И... и... это тоже навигаторы? Целых четыре навигатора! Я, Одалинн и эта пара».

У меня возникли сомнения, и я подумала, что Одалинн, возможно, не лгала мне насчёт восстановления материнского мира навигаторов.

Одалинн заговорила с ними:

– Мама, папа, позвольте представить вам Микаэлли нье' Риолин. Мы обнаружили её, когда проверяли базу данных маяков. Это просто чудо, что навигаторский подросток смог один выжить на маяке. Согласно предоставленным данным искина её родового маяка, станция не один десяток раз подверглась нападениям. У Микаэлли хоть и своеобразные, но довольно разносторонние воспитание и образование. Искин маяка десять тысяч семьсот три опасен, настройки сбиты лет восемьсот назад, мораль отсутствует.

Я скрипнула зубами: меня взбесила предоставленная Линн характеристика моего дома. Очень хотелось впиться пальцами в её наглые карие глаза. Я сжала кулаки. Мужчина, который раньше смотрел на меня тепло и приветливо, вздрогнул, когда Одалинн назвала мои полные имя и род. Его глаза стали колючими, губы сжались.

Вот оно! Случилось именно то, о чём предупреждали меня дедушка и искин. Всё-таки память о моих предках жива! Значит... значит... я похолодела. Реакция этого мужчины говорила об одном: передо мной сторонники Кровавого императора!

Я сглотнула. Беловолосая женщина положила свою руку на руку мужчины и удивлённо посмотрела на него. Они замерли, глядя глаза в глаза друг другу. Спустя несколько секунд мужчина чуть кивнул и расслабился. В его взгляде больше не было напряжённости, но и прежней теплоты тоже. Но это не все потрясения, какие ожидали меня. Одалинн продолжила:

– Микаэлла, это принцесса Кайса Дэгни нье' Тарку-Ринд и её муж Лунморт нье' Тарку.

Я вытаращила глаза, забыв о манерах.

– Вас назвали в честь пропавшей тысячулетие назад принцессы?!

Конечно же дедушка рассказывал мне истории про исчезнувшую в глубинах Вселенной принцессу. Он рассказывал, как её отчаянно искал Глесиус, желающий восстановить

Франгаг, — он хотел, чтобы остатки империи навигаторов возглавил член испарившейся императорской семьи.

Седая, но при этом совершенно не старая женщина чуть сморщила носик и лукаво посмотрела на меня.

— Не люблю, когда мне напоминают о моём возрасте. Я и есть та самая пропавшая принцесса.

Я в ступоре уставилась на неё и... начала хватать воздухом. Это... это... это же маяк дочери последнего императора! Эвиндра Кровавого! Нервный спазм не давал сделать глоток воздуха. В голове проносились мысли. Что меня тут ждёт?! Что сделают со мной, когда узнают, что именно мои родственники первыми выступили против кровавого режима императора? Что именно Михаэль нье' Риолин попросил помощи галактического совета и тот прислал Глесиуса?! Меня запрут в холодной тёмной камере и станут пытаться? Зачем я им нужна?! Пятнадцатилетний подросток, род которого практически прервался? У меня даже не было возможности подучить семейные архивы. Искин просто блокировал некоторые директории, говоря, что я ещё не доросла до определённых знаний. Да, до обыска и уничтожения трупов доросла, а вот до знаний — нет.

Ненавижу искина! Ненавижу Линн! Ненавижу навигаторов! Ненавижу всех!

В глазах потемнело.

Очнулась я, лёжа на диванчике в той же оранжерее. По-

морщилась. Больно часто я стала падать в обморок. Рядом стояла испуганная Линн, принцесса, нахмурившая брови, и прекраснейшая женщина, какую я когда-либо видела.

– Ещё один элфин! – ахнула я. – Я элфинов только на картинке в энциклопедии видела!

Прекрасная блондинка улыбнулась, я перевела взгляд на её руки. Она держала в руках устройство, похожее на иньектор. Холодный пот прошиб позвоночник. Конечно! Я читала о том, что существуют медицинские препараты, развязывающие язык.

– Я ничего не знаю, прошу, не пытайте меня! – задёргалась я. – Я последняя в своём роду, у меня нет выхода в вашу всекосмическую сеть, и искин меня не слушается! Мой маяк почти разрушен. Я никак не могу навредить вам!

Из моих глаз непроизвольно покатились слёзы. Я кусала губы, руки тряслись от ужаса – меня сейчас убьют! И тут эта элфина-красавица, подняв голову, рассмеялась хрустальным смехом. Я даже перестала трястись и заморожено на неё посмотрела. Она обратилась к дочери Кровавого Эивиндра:

– Ну ты, Рина, даёшь! С каких пор ты детей начала пытаться?! – бросила она насмешливый взгляд на Кайсу и дружелюбным тоном пояснила мне, показывая на иньектор: – Это лёгкое успокоительное, Микаэлла, ты очень напряжена.

Она, положив иньектор на соседний столик, плавной походкой двинулась к выходу из оранжереи. Кайса попыталась

присесть рядом со мной, но, видя, что я чуть ли не подпрыгиваю на диване, чтобы избежать её соседства, не стала. Она и её муж озадаченно посмотрели на меня. Я не собиралась сидеть рядом с дочерью убийцы почти всех моих родственников! Это из-за нье' Риндов от моей семьи остались только я и страшно богатое наследство – огромная частично функционирующая станция и сумасшедший искин.

– Мама, – вмешалась Одалинн, – Микаэлла всё ещё не может поверить до конца, что Франгаг существует, восстанавливается, что налаживаются старые дипломатические союзы, ширится сеть маяков, что вигов не четыре, а несколько миллионов.

И как эта белобрысая догадалась о моих мыслях?

– На лбу написано, – негромко фыркнула Одалинн. Я снова задала вопрос вслух. Сказывались годы одиночества. Я часто разговаривала сама с собой, боясь утратить навык речи.

Лунморт негромко выругался:

– Дранкзова изоляция!

Кайса стояла, наклонив голову на бок, и смотрела на меня.

– Аликс, познакомь нашу гостью с историей падения и восстановления империи, – произнесла она и добавила, улыбнувшись: – Только не пугай девочку. Потом она обратилась ко мне: – Микаэлла, мы оставим тебя. Когда искин закончит, у меня есть для тебя предложение.

Одалинн принесла мне светло-жёлтый, чуть мутноватый

напиток и немыслимо красивый десерт. Пахло одуряюще вкусно. Дома такое роскошество я себе позволить не могла. Но в старинных хрониках такое видела.

– Пирожные с гартеей, мама сама печёт их.

Я не хотела их есть: вдруг они отравленные. Линн уже двинулась было к выходу, но вернулась, взяла одно пирожное, откусила, закатила глаза от блаженства и ушла, аккуратно слизывая крем с песочной корзиночки прямо на ходу. Мерзкая, утончённая Линн! Она даже пирожное ела красиво! Как же я ненавидела её!

Потом я сообразила: не будут же они травить Линн. Она как никак тут своя. Я осторожно протянула руку и взяла с большой тарелки воздушное чудо. Поднесла к носу, понюхала. Чудесный запах! Так и тянуло откусить. Лизнула крем, постаравшись сделать это так же аккуратно, как Линн.

– Ммм... – Как же это было вкусно!

– Нравится? – поинтересовался кто-то рядом. Я взвизгнула от неожиданности. Пирожное выскользнуло из руки и кремом вниз упало мне на колени.

– Чтоб тебя пожрал протуберанец! – выругалась я. В кресле рядом со мной сидел мужчина. Полностью голографический. Очередной красавчик. Брюнет. Тёмные брюки, светлая рубашка.

– Салфетки на столе, – небрежно произнёс он низким бархатным голосом и представился: – Я Аликс, искин этого ма-
яка.

Я уже протянула руку за салфеткой и застыла, изумлённо глядя на это голографическое чудо. Покачала головой.

– Нееее, – протянула я. – Таких искинов не бывает!

– Я такой единственный, – хмыкнул он, приосанившись. – Мика, – он самовольно сократил моё имя, – давай жуй свои вкусняшки, а я пока расскажу о материнском мире навигаторов. – Он настолько походил на живое существо, что я даже не обратила внимания на его лёгкую развязность. Уж по чему, а по живому лёгкому общению я страшно соскучилась.

– Прифтупай, – ответила я с уже набитым ртом.

Следующие два часа пролетели для меня очень познавательно. Официальная версия для таких найдёнышей, как я, звучала следующим образом: поганцу Глесиусу надоело смотреть, как великая раса покоряет космос, прогибает под себя пространство. А ещё этот дар...

Как оказалось, кроме умения открывать червоточины, у вигов есть дар. У всех разный. Кто-то может искать металлы, кто-то кислоты (сомнительная, на мой взгляд, полезность), кто-то – других существ. Про мой дар и дар моих предков ни дедушка, ни искин никогда не говорили. Видимо, кроме умения открывать и закрывать червоточины, других даров от Точки начала мои предки не получили.

Глесиус считал, что только ведомый ему создатель Вселенной может наделять даром, лишать его, покорять планеты. Но это точно не раса вигов. Он считал, что раса навигаторов, у которой всего-то одна планета, этого не достой-

на. Этого фанатика подстрекал галактический совет. Они тоже боялись вигов, которые по щелчку пальца могли уничтожить любой мир. И этот подлец, внезапно прилетев к Франгаг, бомбардировал её и луны, на которых строились маяки, а затем стал добивать, где и когда мог, оставшихся в живых моих соотечественников.

Для того, чтобы уберечь планету и оставшихся в живых, император пошёл на великую жертву. Какую? А это огромный секрет императорской семьи. Но благодаря этой жертве Франгаг была скрыта в глубинах космоса: исчезли координаты, карты и упоминания о ней. Остатки вигов искали императорскую семью, принцессу, но постепенно маяки перестали выходить на связь. И вот чудо чудесное – принцесса нашлась! Почти тридцать лет назад. Как? Это ещё один огромный имперский секрет! Но она отыскала материнскую планету вигов, заключила какой-то неприятный договор о восстановлении климата планеты с элфинами, и снова чудо – нашлись пропавшие родители. И все они дружно взялись за восстановление расы. Весь свой рассказ Аликс сопровождал показом головидео из старинных и современных хроник.

Очень, очень, очень драматичная история с очень, очень, очень хорошим концом. Дивная патриотичная сказка! Единственное, что из этой выдумки мне действительно стало интересно, так это школа молодых навигаторов. Я с любопытством смотрела головидео из школьной жизни юных вигов. Беззаботные парни и девушки в конце выпуска из школы

получают свою огромную космическую станцию! Вот на головидео кадеты сидят на уроках химии, находятся на практике в теплице, играют в жутко интересную игру с мячом, конструируют ботов, вот молодые зрители получают ма-
яки...

Да, я осознала, что навигаторов теперь много. И действующих маяков немало. Что планета навигаторов существует и успешно восстанавливается. Но остальное... Кто верит в это?! Кто верит, что самый страшный виг, император, провернул такое? Как донести до других, что всё это – продуманная, отлично выстроенная ложь? Кто поверит пятнадцатилетней девочке? Ответов на эти вопросы у меня не было.

Я задумчиво сидела на диване. Требовалось принять решение. Я понимала: если я сейчас объявлю Эвиндра монстром, мне никто не поверит! Да ещё и объявят сумасшедшей! Надо выждать, собрать информацию, обдумать, как её использовать наилучшим способом. Надо внедриться в это новое навигаторское общество – сидя одна на своём маяке я никогда не смогу собрать доказательства того, что император не тот, за кого себя выдаёт. Пожри меня протуберанец, как всё сложно! Тут, на пятом маяке, маяке врага, я приняла решение – надо сделать всё, чтобы поступить в эту школу навигаторов. Нужно только подумать, как это сделать, составить план. Кажется, Аликс говорил про какие-то вступительные экзамены...

В оранжерею вернулась Кайса в сопровождении Одалинн.

– Микаэлла, – не стала тянуть комету за хвост она, – мне бы хотелось, чтобы ты поступила в школу навигаторов и окончила её.

– Зачем? – вырвалось у меня. Внутри же я ликовала: это полностью совпадало с моим решением. Но мне не стоило сразу соглашаться. – Зачем вам это нужно? У меня нет средств, чтобы оплачивать школу, и я не уверена в наличии необходимых способностей для обучения, – намекнула я на умение открывать червоточины.

– Обучение для поступивших в школу бесплатное. Полное обеспечение. И способности у тебя есть, – хитро улыбнулась Кайса. Она обратилась к своему странному искину: – Аликс, покажи нам медицинский отсек маяка десять тысяч семьсот три.

Перед нами запустилось головидео. Арэниэль просматривал медикаменты перед тем, как я ткнула в него парализатором.

– Надо же... свежие, – слышался голос Рэна.

Принцесса пояснила:

– Ты умеешь открывать червоточины. Иначе откуда у тебя лекарственные средства этого года выпуска? Не многие второкурсники могут открывать червоточины, и уж совсем единицы могут их удерживать, чтобы путешествовать по ним. Скажи мне, Микаэлла, сколько червоточин ты можешь открыть?

Она действительно думала, что я сразу расскажу ей обо

всём? Я помнила о реакции на свою фамилию её мужа.

– Четыре.

– Сколько из них устойчивые?

Я пожала плечами.

– Все.

Одалинн удивлённо смотрела на меня. А я уставилась на принцессу. Так зачем я ей?

– Ты ведь уже поняла, что маяков всё ещё катастрофически мало. Мы дорожим каждым, – Кайса на секунду замолчала, – каждым зрителем! Империя поддерживает как молодых зрителей, только что выпустившихся из школы навигаторов, так и зрителей, которых обнаружили так же, как тебя.

– Не хочу служить империи. Я справлялась сама, когда умер мой последний родственник. Не погибла два года назад, не погибну и сейчас. Что я получу, если соглашусь?

Учиться в школе я бы хотела. Хотела хотя бы временно чувствовать себя защищённой, не думать о том, что буду есть через месяц или чем дышать через полгода. А вот служить сумасшедшему убийце я не желала. Но, возможно, в школе я нашла бы единомышленников. Мне было сложно поверить, что никто не замечает безумства правителя. Кто-то мог затаиться, как я. Но, если принцессе хотелось, чтобы я училась, если она желала заполучить ещё одного зрителя, то, наверное, стоило ещё поторговаться.

– Хорошее образование, дружеские связи с другими нави-

гаторскими семьями, навыками по выживанию, а ещё мы...
– она прервалась и обратилась к искину: – Аликс, покажи маяк десять тысяч семьсот три.

Перед нами развернулось головидео моего маяка. Внутри всё болезненно сжалось. Дом, милый дом. Столь же ненавидимый мной, как и любимый.

– ...отремонтируем твой маяк.

Сердце пропустило удар. Но наглеть, так наглеть:

– Ещё нужны защита и вооружение.

Принцесса кивнула:

– Будут стандартные, как для всех новых маяков. И современный медицинский отсек.

– Где подвох? – Я ногтями впиалась в ладони.

Кайса покачала головой.

– Подвоха нет, но есть условия.

Я съёжилась. Вот оно! А принцесса начала перечислять:

– Ты поступишь в школу навигаторов, успешно окончишь её, проработаешь смотрителем на благо империи пять лет. И тебе придётся нанять в команду элфина-медика. По прошествии пяти лет службы можешь быть свободна и заниматься чем тебе вздумается.

– И это все? – я даже удивилась. Условия оказались приемлемыми.

– Не совсем, – хмыкнула Кайса. – Сдавать экзамены в школу придётся наравне со всеми. А твоим опекуном на время учёбы будет госпожа нье' Шатроф.

Мы с Одалинн вытаращились друг на друга.

– Нееет! – возмутились мы хором.

– Я так и поняла, девочки, что вы нашли общий язык. Микаэлла, когда ты поступишь в школу навигаторов, мы подпишем договор о восстановлении твоего дома за счёт средств империи. Вступительные экзамены через четыре месяца, приложением к нашему договору будет смета восстановления маяка десять тысяч семьсот три. Жду, – она посмотрела на нас с Одалинн, – полное описание проблем твоего дома, Микаэлла.

Какая уверенная в себе женщина! Даже не спросила моего окончательного согласия. Но, похоже, она поняла, что оно получено.

Мы с Линн побрели к стыковочному шлюзу. Рядом с нами шёл голографический Аликс. В этот раз он был одет очень странно. На шее висело ожерелье из сосок для младенцев (видела на голофото с Франгаг), вместо трусов – белый мягкий непрозрачный пузырь, на голове смешная шапочка с рюшечками и завязками под подбородком. Линн не обращала внимания на такую метаморфозу, а до меня дошло – Аликс дразнит ее, мол, ей поручили возиться с младенцем. Я улыбнулась и подмигнула этому весельчаку.

Вечером Линн официально представила меня своей команде и сообщила, что я буду жить на маяке до вступительных экзаменов в школу навигаторов.

Женщина с оливковой кожей, которая вырубил моего бо-

та-ремонтника, оказалась цветницей. Мужчины, которых я видела на своём маяке, – зверолодом и метаморфом. В моём справочнике рас был всего один абзац о цветниках. Главное, о чём следовало знать, что они – разумные растения, выглядящие как гуманоиды. Про зверолодов я тоже читала. И знала, что их запрещено выращивать, но уже пару-тройку тысячелетий это делают в глубинах космоса. Они отличные солдаты. Мне показалось, что этот ухаживает за цветницей. А вот метаморф-суперкарго стал для меня открытием. Дедушка не рассказывал, что метаморфы служат на маяках. Он говорил, что их стоит опасаться. Был в команде ещё один мужчина-зверолод, сегодня я увидела его впервые. Меня заинтересовали его волосы – очень острые и очень тонкие иглы. Представителей медицинской службы я уже знала – обаяшка Рэн – эх, жаль, что он смотрит только на Линн, – и спокойная Триша. А ещё на маяке служил неумёха-пилот мяурианец. Вот и вся команда.

Одалинн предупредила, что завтракать и обедать я могу когда угодно и где угодно, а вот ужин проходит в определённое время, присутствовать должна вся команда. Наверное, это объединяло таких разных существ. Я хмыкнула. В этом был смысл.

А потом Одалинн показала мне свой маяк. Пожри меня протуберанец, у это долговязой стервы тоже был сад! Мы посетили гостиную, в которой полыхал огонь. Немыслимо – огонь на космической станции! Да любого младенца спроси

из тех, что родились и живут в космосе, каждый знает, что живой огонь на станции – табу!

– Это хорошая имитация, Микаэлла, – чуть улыбаясь, пояснила она. – На маяке есть спортивный зал, медицинский отсек ты видела. Ну и трюм. Ты ведь никогда не была в трюме? Его на твоём маяке пока не существует.

Настроение после этих слов упало. Я молча спустилась в трюм. Действительно, в самом низу маяка мне никогда не приходилось бывать: конца иглы маяка десять тысяч семьсот три не существовало более тысячи лет. Мы прошли мимо нескольких рядов ящиков, контейнеров, по пути нам встретились два бота-упаковщика и бота-уборщика. Я тихо вздохнула. Вот такой должна была быть жизнь на моём маяке. Но у меня был всего один бот-ремонтник, который последние годы занимался только разборкой завалов металлоконструкций в уцелевших отсеках второго и иногда третьего кольца.

Одалинн привела меня в гостевой отсек.

– Твоя комната, – произнесла она. – Будет закреплена за тобой на всё время пребывания на маяке.

– Я тут всего на четыре месяца, – проворчала я. В отсеке мне понравилось. Светло, чисто, широкая кровать, кресло, стол. Светлые занавески и белое постельное бельё.

– Мама назначила меня твоим опекуном до окончания школы, в школе есть каникулы и практики...

Я грубо перебила её:

– Не хочу возвращаться на твой маяк после поступления

в школу.

Одалинн, не обращая внимания на моё хамство, продолжила:

– ...и практики, которые проходят на маяке. Будущие зрители работают помощниками навигаторов. Хочешь не хочешь, практику проходить придётся, и во время каникул в школе навигаторов никого нет.

– Не хочу на твой маяк, у меня есть свой!

– Микаэлла, – обратилась ко мне вежливо-спокойная Линн, – тебе нужно подготовиться к экзаменам, вы с Асумом составите программу для этого. Не уверена, что твой Исхран сможет сделать это. Кроме того, в отсутствие зрителя на маяке, твой искрин может снизить потребляемые мощности энергетических батарей, и их запаса хватит надолго. Я не стану вмешиваться в твоё обучение, но Асум будет докладывать мне, как оно проходит. Твой планшет – в ящике стола. У тебя есть пожелания?

«Интересно, если я ей предложу сдохнуть, она это исполнит?» – подумала я. Вместо этого сказала:

– Мне нужно забрать мою одежду из дома, и я хочу вернуть свой катер. Я умею управлять им и хотела бы продолжить свои тренировки по программам Исхрана.

Я думала, Линн начнёт возмущаться, но она неожиданно кивнула.

– Хорошо, но... – она смутилась. Чего это вдруг? – Одежду надо подобрать другую. – Видя, что я собралась возра-

зить, она пояснила: – Ты всё ещё растешь, уже сейчас твои вещи тебе маловаты, как и бельё. Извини, но это заметно даже из-под одежды.

Зараза! Как бы ни хотелось, тут поспорить с ней я не могла. Но принимать от неё одежду не собиралась.

– Я хочу знать, сколько это всё будет стоить. И я верну тебе долг, как только у меня появится такая возможность.

– Договорились, – хмыкнула она. – В похожей ситуации я поступила также.

Я впала в ступор. Её родители – высшие чины империи вигов. Сложно было представить, что Линн носила поношенную одежду. Впрочем, пожри её протуберанец, я не знала, каковы методы воспитания придворных Кровавого императора, может, такие же, как у моего Исхрана.

Одалинн подошла к незаметной двери в санузел. Наверняка тут есть горячая вода, а не как у меня дома, для экономии энергии я мылась чуть теплой водой. Из санузла Линн принесла несколько цветных пузырьков:

– Микаэлла, в школе навигаторов тебе придётся трудно с такой длиной волос. – Я скрипнула зубами. Мне и самой хотелось вернуть пышную копну чёрных волос, но Исхран два раза в месяц заставлял меня коротко стричь их. И зачем напоминать о моём уродстве? – Вот это, – Линн показала мне синий флакончик, – активатор роста волос, сильный стимулятор волосяных луковиц, наносить строго два раза в неделю. Эти два – шампунь и кондиционер. Я не знала, какие ты

предпочитаешь, поэтому в этом отсеке стоят такие, какими я пользуюсь сама. Они тоже ускоряют рост, но не как активатор.

Я завистливо глянула на её волосы. Красивые, до пояса, мягкие на вид. Кивнула. До благодарностей этой стерве я пока не созрела. Линн направилась к выходу из отсека.

– Спокойной ночи, Микаэлла.

– Подожди, – позвала я и спросила её о том, о чём беспокоилась весь вечер: – Когда мы начнём составлять смету на ремонт маяка?

Линн остановилась у самой двери.

– Деловой подход, Микаэлла, одобряю, – улыбнулась она. – Я уже отправила ботов обследовать твой маяк. Исхран согласился помочь.

– Мне не нужно твоё одобрение, – колюче ответила я и потребовала: – Хочу участвовать в составлении сметы!

Неожиданно Одалинн рассмеялась.

– Боюсь, тебе от этого никак не отвертеться!

И я невольно улыбнулась. Оставшись одна, прошлась по отсеку. Вдохнула... Когда-нибудь у меня дома будет также! Удобная мебель, мягкая постель, свежее бельё, много света. Я распахнула шкаф – в нём висели такие же серые комбинезоны, как сейчас был на мне, и стояла ещё одна пара обуви. Сунула нос в санузел. Кроме бутылочек для волос, в шкафчике рядом с раковиной стояли флаконы разнообразных цветов и форм. Я перенюхала всё. Надо признаться, вкус у Линн

есть... Быстро скинув одежду, я стала под душ. Блаженство! Не забыла нанести и средство для роста волос.

Завернувшись в полотенце и захватив планшет, который мне выдали для подготовки к экзаменам, я упала на кровать.

– Асум, – позвала я искина маяка семьдесят тысяч семь. – Когда мы начнём составлять программу подготовки?

Мне ответил приятный мужской голос:

– Программа подготовки загружена на планшет. Мы можем обсудить её, Микаэлла.

– Называй меня Микой, – попросила я. Включила планшет и, следуя подсказкам искина, нашла перечень предметов, по которым предстояло сдать экзамены.

– И это всё? – задала я вопрос Асуму, когда пробежалась глазами по списку предметов. – Математика, физика, сочинение и физическая подготовка?

– Да, Мика, – ответил он и с любопытством спросил: – Что не так?

– Удивлена таким небольшим количеством довольно простых предметов.

– Тебе они кажутся простыми? – Теперь удивился Асум.

– Конечно!

– Мне нужно проверить твои знания, Мика, – произнёс Асум. – Возможно, ты их переоцениваешь.

– Без проблем, – зевнула я и осторожно спросила: – Я могу выходить во всекосмическую сеть с этого устройства?

– Твой планшет подключён к ней.

И я окунулась в бескрайний мир. Сначала узнала о школе навигаторов. Оказалось, экзамены кадеты сдают на Франгаг. А учёба проходит на маяке, переоборудованном в школу. Я смотрела новости планеты и скрипела зубами. Почему Исхран не допускал меня до этих сведений? Почему скрыл, что Франгаг найдена, что существует огромное число вигов, что я не одна? И наконец: что же задумал мой дед, Тэо нье' Риолин?

С любопытством я рассматривала виды современной планеты. Конечно, некоторые континенты всё ещё покрывали ледники, но, сравнив голоснимки двадцатилетней давности и совсем недавние, я заметила, что льды сильно отступили.

Поискала я и бельё: из своего действительно уже выросла. И первые же открытые страницы магазинов по продаже белья вогнали меня в ступор. Это... это... это можно носить? Ниточки, верёвочки, крошечные кусочки ткани, закрывающие стратегические места. Как в этом заниматься спортом?! Все эти бретельки, ляпочки и тряпочки просто врежутся в... Я бросила взгляд на меню. Вот! Спортивное бельё! Это же то, что надо!

Когда я решила посмотреть, как выглядит современная Элея, планшет внезапно погас и в отсеке раздался голос искина:

– Мика, пора спать!

Я посмотрела на время и ойкнула: не заметила, как пролетели три часа. Уснула, кажется, не успев донести голову до

подушки.

На завтрак пришла невыспавшаяся. Метаморф хитро по-смастривал на меня. Похоже, зверолоуд с пушистым хвостом рассказал ему о моём вчерашнем представлении за завтраком. Но не каждый же день развлекать персонал чужого маяка. Найму свой – и буду. Я выбрала несколько блюд – спасибо Рэну. Утром он отправил мне на планшет список из почти ста позиций, которые подходили моему растущему, как он написал в маленькой записке, организму. Вязкая каша, хоть и не выглядела аппетитно, на вкус оказалась очень приятной, как и кусок белого мяса. Кажется, это было бедро нупсы. Завтрак дополнил вкусный сок. Сегодня я как положено пользовалась приборами, ела аккуратно, когда было нужно, использовала салфетки. Линн на завтраке не появилась.

В отсеке я села за стол и придвинула к себе планшет.

– Готова, – произнесла я вслух.

– Тестовые задания загружены на планшет, – отозвался Асум.

Я пожала плечами и приступила к математике. Примерно через сорок минут начала прорешивать задания по физике и астрофизике, а ещё через час задумалась о том, сочинение на какую из предложенных тем написать: легенды и мифы навигаторов; анализ протоколов навигаторов по любой теме (с внесением предложений по их изменению), рассказ о перспективах развития отношений навигаторов и любой иной расы по выбору кадета. Последняя тема меня поза-

бавила. Если виги вернулись после тысячелетнего забвения, то взаимодействия между расами долгое время не поддерживались. И я могла спокойно воспользоваться моим справочником, изданным ту же тысячу лет назад и содержащим информацию об особенностях рас. Что будет, думала я, если я возьму для сочинения взаимоотношения вигов с расой айронов? Они очень специфичные существа. Я сомневалась, что современные виги слышали о них, во времена Эвиндра Кровавого айроны встречались навигаторам один раз в двадцать-тридцать лет. Поэтому мою захватывающую сказку о том, как можно взаимодействовать с этими существами, никто не смог бы проверить. Я улыбнулась и начала писать бред, разбавляя его реальными данными об айронах. Сочинение заняло у меня два часа.

– Готово, – сообщила я, когда поставила точку в последнем предложении. Даже проверять текст не стала. Искхан бы напрочь раскритиковал содержание, но в правописании я была уверена. Мой дедушка и неуступчивый искин строго следили за моей грамотностью. Тишина. – Асуууум, – позвала я. – Я закончила.

– Уже? – машина искренне удивилась. Да как так можно? Искин маяка номер пять и искин Линн казались вигами, а не бездушными механизмами. Через секунду секунд Асум сообщил: – Задачи по математике и физике решены абсолютно верно, даже задания повышенной сложности. Тебе, Мика, свойственен оригинальный подход к решению неординар-

ных задач. – Я хмыкнула. Ага, приходится искать необычный подход, когда полторы недели заперта в отсеке с унитазом, ковриком вместо кровати и пищевыми пайками вместо обычной еды. Асум продолжил: – А вот твоё сочинение – это совершенно потрясающая, – тут он закашлялся от смеха, – ахинея!

– Доказательство? – протянула я.

– Нет, но пожалей себя. Думаю, приёмная комиссия, не знающая о расе, о которой ты пишешь, не поставит тебе высокий балл только за орфографию и стилистически верный текст.

– Предупредить не мог? – фыркнула я. – Потратила два часа своей жизни на сказку для тебя.

– Это познавательно даже для меня, Мика, – рассмеялся искин. Мне не верилось. Машины смеяться не умеют! – Я проверил твои знания. Скорость, с которой ты выполнила задания... Мика, к экзаменам ты готова уже сейчас. Боюсь думать, какой сюрприз ждёт твоих преподавателей в школе, но, чтобы оставить о себе хорошее впечатление, следует поработать над сочинением. И хочу дать совет. – Ну и что мне могла посоветовать микросхема, пусть и с оригинальными настройками?

– Давай!

– Не показывай все свои знания, Мика. На экзамене советую решить обязательные задания и одно задание повышенной сложности. В зачёт на вступительных испытаниях идут

не только правильно решённые задачи, но и оригинальность подхода, и скорость решения. В спорных случаях комиссия будет оценивать твои ответы, а если ты выполнишь задания очень быстро, могут поползти слухи, что ты знала ответы заранее. В школу навигаторов поступить хотят многие, поэтому любой спорный вопрос родители проваливших вступительные испытания раздуют до немыслимых масштабов!

– А что мне делать с физической подготовкой? – уточнила я. Совет Асума мне понравился, я и сама думала не показывать все умения.

– Нужны тренировки, Мика, даже если ты в отличной форме. На вступительных испытаниях в последние годы нужно преодолеть полосу препятствий. Её элементы всегда одни и те же, но их очерёдность постоянно меняется.

– Есть головидео прохождения полосы? – заинтересовалась я.

– Увы, – искин меня не обрадовал, – вести съёмку запрещено, её ведёт только сама школа и демонстрирует специальной комиссии, если возникают спорные моменты. Но зато у нас есть описание элементов полосы препятствий.

Судя по предоставленному Асумом описанию, выходило, что у меня могут возникнуть сложности с бегом по камням. И я совершенно не умела лазить по канату. Спортивный зал был в моём распоряжении, я могла выполнять комплекс упражнений на силу и выносливость, могла тренироваться в беге на нижнем кольце маяка, но где взять канат или камни,

по которым надо бежать, я не знала.

Я возвращалась после пробежки к себе в отсек. Сперва собиралась в душ, затем приняться за чтение «Преданий о способностях вигов» и первой части «Поверий навигаторов», которые Асум подобрал для следующего сочинения по этой теме. Книги казались объёмными, но в целом интересными, таких я ещё не читала.

Задумавшись, я чуть не сбила в коридоре второго кольца молодого мужчину, одетого в серый комбинезон.

– Прости, пожалуйста! – тут же извинилась я.

– Вам, госпожа нье' Риолин, необходимо сказать: «Прошу прощения, ваше высочество». И впредь обращаться ко мне только так, – надменно поправил меня он.

Так вот ты какой, наследник Эивиндра Кровавого! Во всекосмической сети я, конечно, прочитала про вернувшегося императора и его семью всё, что нашла. Сейчас его высочество Эирик нье' Тарку-Ринд стоял рядом со мной. На головидео и голоснимках имперский наследник выглядел по-другому, я просто не узнала его в обычном для зрителей одеянии. Не буду извиниться перед ним! Я поджала губы и двинулась прочь, но меня схватили за плечо и развернули.

– Я не услышал подходящих извинений, госпожа нье' Риолин.

Я стояла, сцепив зубы и смотря в наглые зелёные глаза будущего императора. Не дождётся. Я уже извинилась. Он

отпустил меня, нарочито обтёр ладонь о свой комбинезон, как будто испачкался, прикоснувшись ко мне, и процедил:

– Не смейте показываться мне на глаза, Микаэлла!

Ага, выкуси! Очень надо! Я помчалась к себе в отсек, недоумевая: что это сейчас было?

В какой-то момент в спортивном зале появился канат. С первого раза не получилось забраться на него, как и с третьего. Я стояла и смотрела на свои ладони, на которых, я знала, к вечеру появятся мозоли, и тихо шипела ругательства.

– Иногда можно просто попросить о помощи, не обязательно делать всё самой, – раздалось над ухом. Я оглянулась и нахмурилась: рядом со мной стояла Одалинн. Она, не говоря ни слова, за пару секунд взобралась по канату под самый потолок отсека.

– Смотри, это исходная позиция. – Линн подняла прямые руки и ухватила за канат над головой. – Теперь сгибаем ноги и зажимаем канат между пяткой одной ноги и носком другой. – Свои слова она подкрепила действием. – А потом выпрямляем ноги и одновременно подтягиваемся на руках. – Она снова поползла вверх и уже из-под потолка отсека сообщила: – По очереди перемещаем руки вверх и снова выполняем первый приём. Теперь пробуй ты.

Я подошла к канату и сделала так же, как Линн. До её умения мне было ещё далеко, но кое-что получилось.

– Покажи мне, пожалуйста, твои ладони, Микаэлла, – по-

просила Линн. Из вредности я спрятала их за спину. Они горели. Одалинн покачала головой. – Сходи в медицинский отсек, Триша посмотрит.

Я втянулась в график подготовки к экзаменам. По утрам писала сочинения на темы, которые накануне предлагал Асум. Нужно было не только раскрыть их, но и поразмышлять о характерах героев или способах усовершенствования законодательства. Или живописно описать гусеницу, ползущую по только что распустившемуся листу дерева. Иногда требовалось предложить вариант развития событий. Днём я занималась физической подготовкой, вечерами захлёб читала. Не только предложенные Асумом материалы, но и всё, что интересовало меня.

А интересовало многое. Обустройство оранжереи на космической станции, характерные особенности тех или иных видов рас. Когда-то же у меня будет своя команда, нужно, чтобы все они слаженно действовали и уживались друг с другом. Читала я и об устройстве двигателей катеров, способах усиления их мощностей. Последнее меня заинтересовало после того, как я случайно увидела, что школы, обучающие управлению маломерными судами, устраивают гонки с вполне реальным денежным призом. Наверное, об этом говорил Исхран, когда предлагал варианты пополнения бюджета. Денежные призы оказались довольно значительными. На новое кольцо для моего маяка не хватило бы, но на пол-

ное обновление медотсека – вполне.

Ещё я читала приключенческие романы. Особенно меня интересовали подробности экспедиции на необитаемую планету, где команда вела борьбу за жизнь. Этот капитан – орси Бонрривас – просто гений по выживанию!

И я постоянно искала законные способы заработка. Мне претило, что одежду и гигиенические средства мне покупает белобрысая зараза Линн. Но пока я ничего не находила. Всегда и везде требовался первоначальный капитал.

Пару раз я наблюдала за тем, как Линн встречает космических путешественников. Рядом с ней всегда находился Рэн, кто-нибудь из звероловов и Нарин. В такие минуты я забывала о ненависти к Одалинн и жадно впитывала то, чему меня должны были бы научить мои родители или дед. Одалинн при встрече гостей всегда представлялась, спрашивала, нужна ли помощь или еда. Линн, конечно, знала о моём присутствии, но никогда не прогоняла.

Однажды на палубу перед шлюзом вывалилось существо в причудливом скафандре, который оказался заполнен бурой жидкостью. Сквозь неё виднелись три выпученных глаза. Я не поверила ушам: Линн начала очень бодро... булькать и прищёлкивать языком.

– Нарин, чего это она? – шёпотом спросила я стоящего рядом метаморфа.

Он непонимающе посмотрел на меня и улыбнулся.

– Похоже, тебе нужно обновить чип-переводчик, Микаэл-

ла.

Да... конечно, побежала просить Одалинн, чтобы она поставила мне новый, суперсовременный. Денег на оплату установки нового чипа в каком-нибудь медицинском центре у меня не было. Совсем.

Вечером меня вызвали в медицинский отсек, где дежурил лапушка Рэн. Следом за мной вошла Одалинн.

– Микаэлла, Асум сказал, что твой чип сегодня не смог распознать речь уака. А ведь навигаторы контактируют с ними больше тысячи лет, в нашей базе данных есть информация о них и их языке. Возможно, твой чип неисправен.

– Нужно провести диагностику в амниотической капсуле и, если необходимо, заменить его, – добавил Рэн.

Скрепя зубами, я согласилась. Мысленно увеличила сумму, которую должна Линн. Я понимала: чип менять надо, после обучения в школе я буду пять лет служить смотрителем. И, если мне попадётся вот такой уак, как я смогу понять без чипа, нужна ему медицинская помощь или он просто хочет есть?

Однажды Одалинн пропала. Команда маяка ходила хмурая, все были нервные, дёрганные, страшно раздражённые. Я поддалась общему настроению, но по другой причине. Я хотела свой отремонтированный маяк, а для этого мне было нужно поступить в школу навигаторов. Вдруг Линн пропала надолго? Или исчезла навсегда? Кто отвезёт меня на всту-

питательные экзамены? Кто дообследует мой маяк и составит вместе со мной смету на ремонт? Мой катер остался дома, и через месяц я всерьёз начала думать о том, чтобы угнать катер маяка семьдесят тысяч семь. Переход я бы построила: координаты Франгаг у меня имелись, и я знала, где находится школа.

Когда требовалась помощь космическим путешественникам, на маяк Линн прилетал муж принцессы – господин Лунморт нье' Тарку. Или смешливый рыжий парень, которого я не знала. А иногда и сама принцесса. Но чаще всего на маяке семьдесят тысяч семь оставался Эирик нье' Тарку-Ринд.

Арэниэль вообще сошёл с ума. Он почти перестал следить за собой, волосы неаккуратно собирал в хвост, даже не расчёсывая. Мне показалось, он с кем-то подрался – какое-то время его губа кровила, но он не спешил в медицинский отсек к Трише. А ещё обвешался невзрачными, неизвестными мне камнями и ходил в них. Я задумалась. Может, он и спит с ними? Или не спит вообще? Выглядел он неважно.

Когда Линн нашлась, это стало ясно сразу. На лицах членов команды впервые за месяц появились улыбки. И даже Эирик начал улыбаться. Я постаралась подловить его в хорошем настроении и обратилась к нему с вежливой просьбой:

– Прошу прощения, ваше высочество, не могли бы вы мне помочь? Одалинн обещала открыть спуск на планету, где есть каменные насыпи, чтобы я могла потренироваться проходить полосу препятствий для поступления в школу. Мо-

жет быть, вы знаете подобный мир и можете открыть туда переход?

До экзаменов оставалось не так уж много времени, и мне хотелось быть готовой. Как ни странно, хоть проверка физической подготовки и шла вторым туром, на этом этапе кадеты тоже отсеивались.

Улыбка сползла с лица Эирика.

– То, о чём вы договаривались с Линн, меня не касается, это только ваше с ней дело. Вам, госпожа нье' Риолин, я ничего не обещал и никогда ничего обещать не собираюсь. – От него веяло холодом космоса. Да в чём дело? Что я ему такого сделала?! Отворачиваясь, он процедил: – Я же сказал, держитесь от меня подальше, Микаэлла!

И я выработала тактику: уточняла у искина, где сейчас находится его высокомерное высочество, и старалась или не выходить из отсека, или перемещаться по технологическим коридорам. Они не отличались от технологических коридоров моего маяка. Если его высочество изволило трапезничать в общей столовой, я терпеливо ждала, когда он покинет её. И только потом шла есть. Или вообще шмыгала в оранжею – там тоже был установлен пищевой синтезатор – и обедала там, рассматривая красивые нежно-голубые цветы, распускающиеся в стеклянном кубе. Я подумала, они особо чувствительны к любым изменениям, поэтому Линн поместила это прекрасное растение в особые условия.

Линн прибыла вместе с Рэнном, он бережно обнимал её за талию. Оба лучились чем-то, что было выше моего понимания, и счастливо улыбались. У меня сложилось впечатление, что они решили один важный вопрос. Стало очевидно: эти двое – пара. Я мысленно посочувствовала Рэну: такая чёрствая девка ему досталась!

До экзаменов оставались считанные недели, и я начала нервничать, хотя Асум убеждал меня, что всё получится. Неожиданно он похвалил меня:

– Мне нравится твоё стремление узнавать новое, твой напор в поглощении знаний, твой юмор и фантазия. У тебя очень гибкий ум, ты не останавливаешься на проблеме, ты просто находишь неожиданные пути её решения. – Асум хмыкнул. – И да, Мика, некоторые твои сочинения на отвлечённые темы развлекли даже меня. – О да, как-то мне захотелось попробовать смутить Асума: ну а вдруг его настройки такое предусматривают. И я написала эротическую научную фантастику, в которой один холодный искин влюбился (ну это же фантастика!) в программируемую кухонную тестомешалку. Она была вся такая сверкающая, металлическая, так мило жужжала, когда перемешивала тесто (напоминаю, это фантастика). Она ответила ему взаимностью. Спаривание произошло старинным способом – она вставила свою вилку в его розетку. В итоге у них появились дети – душевая панель и процессор для бота-штабелёра (да,

да, это всё ещё фантастика), а затем искин не вынес грубых ласк тестомешалки и решил изменить ей с холодильной машиной. Я поразмышляла о том, какие бы могли получиться дети от этого союза, а ещё пожалела беременную третьим ребёнком тестомешалку. В этом моём футуристическом сочинении всё кончилось хорошо: тестомешалка и холодильная машина объединили усилия по удержанию любвеобильного супруга-искина, но тот просто перегрел свой процессор и перестал быть функциональным.

– Ты готова, Микаэлла, – сообщил Асум. – У тебя не возникнет проблем с поступлением в школу.

Мне стало приятно. До этого меня хвалил только дедушка, но и тот лишь иногда.

Вернувшаяся Одалинн не смогла сдержать обещание и открыть путь на какую-нибудь каменную планету.

– После, – она замялась, – после похищения мне трудно держать червоточины, Микаэлла, но Асум рассчитал вероятность твоего поступления в школу. Она составляет девяносто три целых и две десятых процента.

Через пару дней после этого разговора я зашла в спортивный зал. Несмотря на уверения Асума и его прогноз, я вдруг решила, что очень плохо освоила канат и мне жизненно необходимо убедиться в обратном. Открыв дверь, я замерла. По залу кружил светловолосый вихрь. Немыслимая скорость, запредельные движения. И в то же время такие плавные, словно перетекающие из одного в другое. Я стояла

не шелохнувшись, боясь выдохнуть и нарушить волшебство.

– Сожри меня протуберанец, хочу так же, – прошептала я.

Рэн – это оказался он – остановился и улыбнулся.

– Присоединяйся, Микаэлла, вся команда маяка делает эту разминку. Полезно для развития координации и ловкости, растяжки и укрепления мышц, повышения скорости реакции. Возможно, эти навыки пригодятся тебе в школе.

Я считала себя физически развитой, поэтому спросила:

– Что для этого нужно?

– Проверить твою текущую подготовку, повторяй за мной.

Я кивнула, а Арэниэль показал первое движение. Я повторила.

– Нет, Микаэлла. Вот тут, – он поправил мою стопу, довольно сильно развернув её, – нужно сделать упор и перенести на эту ногу вес тела. Правую руку сильнее заведи за спину. – Он поправил её. – Втяни живот, Микаэлла, нужно стать невесомей! – Он положил руку мне на живот и чуть надавил на него.

Дверь в зал открылась, и на пороге замерла Линн. Бросила на нас нечитаемый взгляд и быстро вышла.

– Дранкз волумский!

Снова это ругательство! Я собиралась обязательно поискать его значение во всекосмической сети тем же вечером.

Побледневший Рэн, бросив свои любимые острые клинки, с которыми никогда не расставался, ринулся к выходу.

– Моя прекрасная дева ещё и ревнива, – пробормотал он

на бегу.

Ха! Я ни за что не собиралась пропускать это представление! Злящаяся Линн – шикарное же зрелище! Я помчалась вслед за Рэном. Он быстро догнал спешащую прочь от спортивного зала Одалинн, попытался схватить её за руку, но та с силой вырвала её. Рэн не сдался. Он всё-таки взял её за руку, притянул к себе, другой рукой обняв за талию, прижал к стене коридора и поцеловал. Сначала Линн сопротивлялась и била его кулаками по груди, но потом обхватила его руками за шею и также страстно начала отвечать ему.

Что это я сейчас наблюдаю? На ум пришло слово «страсть». Неужели такое бывает?

Я не помнила, как родители относились друг к другу. Дедушка иногда показывал мне голозаписи с мамой и папой, но такого взрыва эмоций, таких чувственных прикосновений я не видела. Даже их первый брачный поцелуй казался очень скромным.

Дальше я не смотрела. Стало неловко. Стало жарко. И стало ясно. Ясно, почему Одалинн, не задумываясь, сломала мне руку. Наверное, пойдёшь на всё, чтобы спасти любимого. На любую жертву. Я такого не желала! Я хотела сохранить холодный ум и держать свои эмоции под контролем. И я попросила мать всех вигов:

– Великая точка начала, не хочу любить никогда и ни за что! Молю, убереги меня от этого!

Глава 4

– Уверена, у тебя всё получится! – Линн обняла меня, я же шарахнулась от неё в сторону. Чего это она?

Я сдержанно кивнула и с сумкой через плечо прошла в ворота, ведущие к зданию, где поступающие сдавали экзамены в школу навигаторов, – к корпусу администрации. Настал первый день вступительных испытаний. Телепортировавшись с орбиты, Линн, Кинира и я быстро нырнули во флаер и понеслись по улицам столицы. После грязной Хейраны всё тут казалось мне приторно-чистым. Ухоженные, пока ещё разрастающиеся парки, аккуратные дорожки, огромные здания и уютные, теряющиеся в зелени особнячки. Родной мир вигов – мой родной мир – показался мне спокойным и размеренным. Хотя до сих пор в голове не укладывалось, что я не последний во Вселенной навигатор.

– Это ты ещё не видела деловой центр, вот там бесконечные суэта и движение, даже ночью. Ненавижу бывать в той части столицы, – сообщила Линн. Видимо, я, как всегда, подумала вслух. Следовало избавиться от этой дурацкой привычки. – Очень красиво на дворцовой площади, хотя мне хватает водной глади. Но, – она вздохнула, – после планетарной бомбардировки изменились ландшафты, некоторые реки проложили себе путь под землёй, некоторые водные объ-

екты испарились. Элефины всё ещё настраивают экосистемы отдельных регионов, там с озёрами и морями дело сдвинулось с мёртвой точки.

Административный корпус оказался просторным двухэтажным зданием из красного камня. Высокие окна, крыша покрыта материалом, напоминающим рыбу чешую. Кажется, этот материал называется черепицей. Я хмыкнула, пройдя мимо спортивной площадки. Некоторые из нас попали сюда всего на один день, некоторые на четыре: для чего, спрашивается, ставить здесь навороченную спортивную площадку? Впрочем, администрации школы виднее.

В холле расположились несколько столов, за которыми сидели сотрудники школы. Точно! Процедура идентификации абитуриента – сверка анализа крови с базой. Мою кровь анализировала медицинская капсула на маяке Линн, тогда же, скорее всего, мои данные и были отправлены в общую базу навигаторов. Я подошла к сидевшему за столом мужчине и представилась:

– Микаэлла нье' Риолин.

– Руку, – потребовал он.

Я вложила палец в анализатор и поморщилась, почувствовав укол. Мужчина, заглянув в свой планшет и, видимо, сверив данные, чуть улыбнулся и произнёс:

– Приветствуем в школе навигаторов, госпожа нье' Риолин. Вам нужно проследовать в тот зал. – Он показал рукой на высокие створчатые двери.

Я поблагодарила его и направилась в помещение, где состоится мой первый экзамен. Зал оказался просторным, светлым, в нём рядами стояли столы с мониторами. Задания, видимо, появятся на них, решила я, и выполнять их придётся, используя монитор. Я села за стол рядом с дверьми. Хотелось выйти незаметно, когда закончу. Асум просил меня потянуть время, даже если выполнила все задания, не нажимать кнопку «Завершить экзамен». Когда я поинтересовалась, для чего это нужно, он что-то проворчал про переполненные гормонами жидкие системы и про то, что учиться в школе будет сложнее, если я с первого дня привлеку внимание и выделяюсь. Как-будто я и так не выделяюсь. Мои волосы отрастали быстро, но пока ещё едва закрывали мочки ушей. Комбинезон же натягивался в области груди, и спутать меня с мальчиком было сложно.

Аудитория постепенно наполнялась. Я рассматривала прибывающих и гадала, кто из них окажется со мной в классе. Может, вон та, такая же черноволосая, как я, девушка с красивой заколкой в волосах? Или, может быть, тот кудрявый светловолосый парень, что нервно грызёт ноготь на указательном пальце и осматривается? Увидев, что я рассматриваю его, он покраснел, а я отвернулась. Мимо меня быстрым шагом прошёл ректор – господин нье' Тарку. В зале сразу стало тихо. Ректор, поприветствовав нас, озвучил правила проведения экзамена и не забыл сообщить, что списать или подсмотреть забытую формулу не получится: в зале стоят

глушители сигналов личных коммуникаторов и планшетов.

– Удачи, – пожелал он нам напоследок.

Я глубоко вдохнула, набрала на зажёгшемся экране свои имя и фамилию и нажала «Старт». Быстро просмотрела обязательные задания. Решила их за тридцать минут. Затем перешла к заданиям повышенной сложности, решив которые могла получить повышенные баллы. Хмыкнула. Одну из задач можно было решить тремя разными способами. На выполнение заданий нам дали целых четыре часа. Пришлось как-то тянуть время, и последнее задание повышенной сложности я решила тремя этими способами и каждое своё действие подробно пояснила. И всё равно до конца экзамена осталось два с половиной часа. Я маялась. Даже поспать не могла, положив голову на стол, – экзамен как-никак. Откинувшись на спинку неудобного стула, я стала рассматривать юношей и девушек, сдающих экзамен вместе со мной. Кто-то жевал стилус, кто-то теребил прядь волос, кто-то увлечённо писал на экзаменационном экране решение.

Всё. Больше не могу. Я глянула на хронометр. С начала экзамена прошло чуть больше двух часов. Я, наконец, нажала вожаделенную кнопку «Завершить экзамен» и пошла заселяться в общежитие. Сознательно выбрала самую дальнюю комнату на этаже: вдруг никому не захочется так далеко идти и я останусь одна. Но моим надеждам не суждено было сбыться. Дверь распахнулась, и в комнату быстрым шагом вошла очень хорошенькая девушка с красивыми каштановы-

ми волосами. Похоже, она не ожидала, что в комнате кто-то есть. Она замерла, приоткрыла пухлые губы в удивлении и произнесла:

– Мне нужна та кровать. – Она показала на ту, где расположилась я.

Какая простота!

– Есть же свободная, – удивилась я.

– Я не могу спать у двери! – фыркнула она. – Я хочу спать у стены!

Если бы она просто попросила, я бы уступила ей. Мне-то без разницы, где ночевать. Но такое поведение меня разозлило. Я выключила планшет, с которого снова просматривала физические законы и исключения из правил по астрофизике для завтрашнего экзамена.

– Ты не находишь странным своё требование? – спросила я. – Я пришла раньше. Не понимаю, почему нельзя вежливо попросить?

– Чтобы я у кого-то что-то просила? – девушка искренне удивилась. – Род Аттейсов ни у кого ничего не просит! – Она задрала нос. – Нам всё должны предоставлять по первому требованию! Мы в близких отношениях с императорской семьёй!

А император хоть в курсе? Закралась мысль: не родня ли она наследному принцу? Такая же страшно благородная и надменная.

– Ты извини, я недавно на планете, не знаю про прибли-

жённые к императору роды. Кем, говоришь, служат Аттейсы? Выносят ночной горшок императора? Тогда да, ближе и быть не может, — хмыкнула я.

Юная госпожа нье' Аттейс стильно покраснела и начала хватать ртом воздух.

— Тебе плохо? — искренне забеспокоилась я. — Подожди, я сейчас! — Набрав в душевой стакан воды, я с размаху выплеснула её на нье' Аттейс. Кажется, я ошиблась с мерами приведения в чувство: девчонка впала в истерику.

— Ты! Ты! Ты! Как ты смеешь так обращаться со мной?! — верещала она. — Я будущая императрица навигаторов! Со дня на день объявят о моей помолвке с наследным принцем. Я! Я! Я сделаю всё, чтобы ты не поступила в школу навигаторов, дрянь! Я сделаю всё, чтобы ты вернулась в дыру, из которой выползла!

Я закатила глаза. Захотелось поспорить, сказать, что у неё ничего не получится. На деньги, например. Но, если у этой девчонки они были, то что могла поставить я? Да и кто подтвердил бы, что мы правда спорили?

Истерика вышла знатной! Какой интересный экземпляр подобрал себе Эирик! Под вопли и угрозы я вышла из комнаты. Приближалось время ужина. Плотно поев, я отправилась побродить по этажам. Будущие кадеты сбились в группы и обсуждали прошедший экзамен. Вернувшись в комнату, я обнаружила в ней ещё пару девчонок — таких же манерных барышень, что и моя соседка. Очень хотелось, чтобы никто

из них не поступил в школу.

– Эта она, – зашептала нье' Аттейс. Все трое презрительно посмотрели на меня и скорчили гримасы.

– Посмотрите на её волосы, – прошебетала одна. – Только болеющих аронским лишаем стригут наголо. Причём несколько лет подряд! Вдруг ты тоже подцепишь его от неё?

– Как тебе не повезло с соседкой, Эолив! Она такая страшненькая! Она вообще разговаривать умеет? Такая хамка, даже не поздоровалась, когда зашла в комнату! – возмутилась другая.

В какой-то момент я перестала слушать их болтовню, и, заметив, что меня их злословие никак не беспокоит, девчонки покинули комнату. Наконец-то тишина! Я вытянулась на кровати и задремала. Проснулась от того, что громко хлопнула дверь. Открыла глаза и выругалась. Экзамен начинался через десять минут, я даже умыться не успевала, не то что позавтракать. Я скрипнула зубами. Ну а чего я хотела? Чтобы Эолив меня разбудила?

В зал, где проходил экзамен, я влетела, когда полноватый виг сообщил:

– Можете приступать.

Я плюхнулась на то же место, что и вчера. К счастью, его никто не занял. Мужчина-наблюдатель неодобрительно покачал головой, глядя на меня. Я снова ввела свои имя и фамилию и нажала «Старт». Задания решила через полтора часа. В этот раз задачи повышенной сложности не расписыва-

ла так подробно. Было лень. Подумала, что детально распи-
санного задания повышенной сложности по математике хват-
тит для набора баллов и уверенного поступления в школу.
Нажав кнопку «Завершить экзамен», я вышла из аудитории.
Целый день бродила по парку и вокруг школы. Мне очень
нравились живые деревья и трава, я рукой трогала кору, под-
нимала уже начавшие опадать жёлтые, красные, фиолетовые
листья. Вдыхала запахи. Всю жизнь живя на космической
станции и только изредка видя настоящую растительность, я
радовалась этому чуду.

Вечером, просмотрев свои заготовки для сочинений и по-
ставив будильник для раннего подъёма, я задремала. В ком-
нате снова собрались благородные девицы, и они, кажется,
вновь обсуждали меня. Пару раз прозвучали слова «неряха»
и «грязнуля». Поняв, что я никак не реагирую, беседу быст-
ро свели на нет.

Утром, приняв душ и умывшись, я побежала на завтрак,
а потом на экзамен. Темы сочинений перекликались с тем, к
чему меня готовил Асум. «Какое влияние оказал миф о Точ-
ке начала на сказки и предания древних вигов?» – спраши-
валось в первой. «Проанализируйте систему существующих
протоколов, сделав уклон на любую сферу жизни навига-
торов, предложите свой протокол», – просили во второй. «Рас-
смотрите перспективы взаимодействия навигаторов с любой
из рас», – предлагали в последней. Мне нравились все три
темы, по всем трём мне было что сказать. Особенно хотелось

высказаться о Точке начала, которую я не любила, но информацию о которой оказалось крайне интересно изучать. Периодически Асум подкидывал мне любопытные предания о праматери всех вигов. Станным образом эта тема волновала меня. Сочинение по ней я писать не стала: побоялась, что не смогу уложиться в отведённые для экзамена четыре часа. Выбрала перспективы развития отношений с хлеосами.

Для такого эссе мы с Асумом составили план. Сначала я описала расу: внешний вид её типичных представителей. Затем немного рассказала об истории её развития, ведь именно история влияет на современное общество. Например, разразившаяся тридцать веков назад, в докосмическую эпоху их мира, техногенная катастрофа и последовавший за ней голод, из-за которого две трети населения погибло, заставили хлеосов начать осваивать новые территории, развивать технологии, позволяющие путешествовать в космосе, изучать новые планеты. Я также написала о планетах, принадлежащих хлеосам. И об основном роде их деятельности. Затем проанализировала отношения с ближайшими соседями, в том числе с вигами, с которыми хлеосы заключили пять довольно масштабных соглашений. Среди них – соглашение об оказании помощи в эвакуации из колонизированных миров. В конце я предложила вигам поддержать мораторий на ввоз в миры хлеосов некоторых морепродуктов, из-за которых у представителей этой расы постепенно пропадёт обоняние, тесно связанное с навигационными способностями хле-

осов. Тогда, писала я, дружба между нашими расами окрепнет как минимум на шесть-восемь сотен лет.

Я откинулась на спинку стула, ещё раз проверила текст: содержание, орфографию и пунктуацию. Нажала кнопку «Завершить экзамен». В этот раз я покинула аудиторию далеко не первой.

Через два часа объявили итоги первого этапа экзаменов. Во дворе школы нас выстроили в шеренгу. Всё тот же полноватый виг объявил, что будет зачитывать имена и фамилии тех, кто прошёл во второй этап. Чего я никак не ожидала, так это того, что моё имя прозвучит первым. Виг читал список довольно быстро. Предпоследней назвали мою соседку.

– Пожри её протуберанец, прошла-таки, – проворчала я себе под нос.

Затем виг сообщил: те, кто не прошёл дальше, могут идти собирать вещи, школа навигаторов ждёт их в следующем году.

– А для, вас, – обратился он к сильно поредевшей шеренге кадетов, – следующее испытание начнётся через десять минут.

Похоже, регламент поменяли, потому что экзамен по физической подготовке, судя по графику прошлых лет, должен был состояться завтра.

– Господин нье' Ходсек, – послышался знакомый нежный голос, – можно сначала переодеться?

– Госпожа нье' Аттейс, – спокойно обратился к ней он, –

у зрителей маяков иногда есть лишь доли секунды для принятия решения. Неужели кто-то из них побежит переодеться, если речь пойдёт о спасении жизни члена команды?

Теперь стало понятно, почему следующий экзамен состоится сейчас. Тоже своего рода испытание – небольшая проверка будущих зрителей. Эолив ничего не ответила.

Кадеты стартовали каждые три минуты. Когда прозвучал сигнал, я рванула. Бежала так быстро, как могла. Будто за мной снова гнался тот хейр, который достал меня зарядом тазера. Сначала бежалось легко, но вскоре удобная утоптанная земляная тропинка в парке сменилась преградой – поперёк дорожки натянули сеть. Я на бегу подпрыгнула, схватилась за сеть как можно выше и начала карабкаться, цепляясь за ячейки. Задача нетрудная, но требующая внимания. Ноги то соскальзывали, то норовили провалиться в ячейки сети, руки цеплялись не там, где нужно, и я начинала уклоняться от маршрута. Наконец перелезла через сеть и помчалась дальше. Теперь земляная дорожка петляла между кустов, деревьев и пней, а затем на ней начали попадаться препятствия: то большой валун, то кустик – и вот дорожку перегородила сеть, натянутая низко над землёй. Перепрыгнуть такую преграду не представлялось возможным. Я упала на землю и поползла под сетью, стараясь не задевать её головой и попой. Лишь в самом конце, уже вставая, я задела сетку пяткой. Обидно, это же дополнительные штрафные секунды!

Снова меня ждала петляющая дорожка с препятствиями, которые приходилось перепрыгивать. Вот она круто повернула – и я на полном ходу чуть не врезалась в каменную стену в три высоты моего роста. Присмотрелась. На стене оказались небольшие уступы. Цепляясь за них и осторожно переставляя ноги, я поднялась наверх. Там я обнаружила верёвочную трассу – немыслимые дорожки из верёвок и досок, снабжённые указателями, в какую сторону двигаться дальше. Замысловато! Все эти доски, верёвки, подвешенные бревна и пеньки раскачивались, норовили перевернуться. Моя скорость понизилась до скорости червяка.

Апогеем полосы препятствий стал бассейн с водой! Он точно был глубоким – чтобы не разбились будущие кадеты. С высоты примерно в пять метров требовалось плавно войти в воду и затем, сделав несколько гребков, закончить прохождение полосы препятствий. Вот только плавать я не умела. Совсем. Некому было учить меня плавать на маяке. Как там говорил господин нье' Ходсек? Иногда у зрителя есть доли секунды на принятие решения? Я долго не думала. Я хотела мой маяк. Хотела отомстить императору.

Осознание, что я сделала, пришло, когда я вошла в воду. Я быстро задёргала руками и ногами – так, как делали на головидео, которые мне демонстрировал Исхран. Но, кажется, что-то делала не так – я не начала всплывать. Лёгкие уже разрывало от нехватки воздуха, когда я краем глаза заметила тень и меня стремительно потянуло наверх. Перед самым

всплытием я всё же хлебнула воды и, судорожно отплёвываясь, снова начала молотить руками по её поверхности.

– Ну-ка тихо! – скомандовал над головой очень знакомый голос. – Иначе утопишь нас обоих!

Я до такой степени изумилась, что прекратила всякое барахтанье. Меня аккуратно перевернули, удерживая голову над водой, а затем обхватили лицо ладонями и потянули за собой. Мой спаситель – наследный принц империи – плыл на спине! Трясущимися руками я схватилась за поручни и на ватных ногах поднялась на бортик. Позади послышались сдавленные ругательства. Я оглянулась и... засмеялась от того, насколько не царственно выглядел сейчас Эирик – вода стекала с волос и парадного мундира, мокрые брюки облепили ноги, волосы налипли на лицо. Я ничем не могла объяснить свою весёлость, кроме как пережитым страхом и шоком от того, что меня ринулся спасти надменный наследник империи. Глядя, как я хохочу не останавливаясь, наш будущий император просто взбесился.

– Ты каким местом думала? – кричал он. – Какого дранкзз ты прыгнула в воду, если не умеешь плавать? Какой из тебя получится зритель, если не можешь оценить опасность для себя? Угробишь себя и свою команду через пять минут после того, как станешь зрителем! – Взяв себя в руки, он процедил: – Буду ходатайствовать, чтобы тебя не приняли в школу навигаторов.

– О, Эирик, какое замечательное решение! – подросла

без пяти минут невеста этого мокрого гада. – Такой швали в элитном обществе зрителей не место!

Я стояла, смотрела на удаляющуюся парочку и сжимала кулаки. Я не допускала мысли, что не поступлю в школу. Вот что я буду делать, если высокородный придурок действительно добьётся своего?

Каждого, кто прошёл полосу препятствий, отправляли переодеваться. Войдя в комнату, я вздохнула с облегчением. После первого экзаменационного этапа освободилось много комнат, и Эолив, к моей радости, перебралась в другую. У меня было полчаса, чтобы погреться в душе, переодеться и прийти на построение. Там объявят тех, кто поступил на первый курс. Мы снова стояли шеренгой, и господин нье' Ходсек зачитал фамилии:

– ... нье' Риолин...

Я облегчённо выдохнула. Ха, наследный принц, выкуси! Руки оказались коротки?

В школу поступила и нье' Аттейс.

Господин нье' Ходсек объяснил, что не прошедшие отбор кадеты должны сегодня же покинуть школу, а зачисленные ученики завтра пройдут медицинский осмотр, для этого с Элеи прибыли медики.

– На следующий день после осмотра вы улетаете на учёбу. Завтра ваши родственники могут привезти необходимые вещи, – закончил он свою речь.

После ужина я написала Асуму о своём поступлении и

рассказала про полосу препятствий, умолчав про инцидент с бассейном. «И никакого бега по камням!» – закончила я своё небольшое сообщение.

Войдя в смотровой кабинет, оснащённый амниотической капсулой, я увидела невысокую худенькую элестину. Светлые волосы, огромные сине-зелёные глаза, нос-пуговка и розовые губы. Она была идеальна. Я мысленно вздохнула. Мне бы такую внешность!

– Здравствуйте, – поприветствовала её я.

Элестина чуть поклонилась.

– Как вас зовут, госпожа? Мне нужно внести ваши данные в медицинскую базу вигов. – Её голос совершенно не вязался с её внешностью. Сильный, глубокий, с приятной хрипотцой.

– Микаэлла нье' Риолин.

– Вам нужно раздеться до белья, госпожа нье' Риолин, и лечь в капсулу на диагностику.

Я пожала плечами. Нужно так нужно. Расстегнула комбинезон. Одна рука запуталась в рукаве, и я с силой дёрнула её, желая поскорее освободиться. Элестина при этом резко метнулась в сторону. Я испуганно попросила прощения:

– Простите, пожалуйста, не хотела вас задеть!

Блондинка ошарашенно заморгала.

– Вы... вы меня не задели, я просто испугалась! – покраснев, пролепетала она.

– Чего испугалась? – озадачилась я.

Теперь эта девушка побледнела и шёпотом ответила:

– Что вам не понравилось, как я с вами разговариваю, и вы ударите меня.

Я даже рот открыла от удивления.

– А почему я должна тебя ударить? – спросила я, не замечив, как перешла на «ты».

– Говорят, вы, виги, бываете очень агрессивными.

Мне стало грустно: да уж, отметились соотечественники, не успев снова возродиться...

– Зачем тогда поступила на ММР?

Про факультет, где учатся элфины-медики, я прочитала перед вступительными экзаменами. И удивилась тому, что многим зрителям не нравится, что им навязали элфинов в качестве служащих.

Элфина поникла.

– Родители решили, что наш род станет первым на Элее, где каждый член семьи служил у навигаторов. Начали с младшего поколения – с моего старшего брата. Теперь пришла моя очередь.

– А ты не хочешь?

Она помотала головой.

– И чем ты хочешь заниматься?

Девушка чуть улыбнулась.

– Петь... – протянула она. – Преподаватель по вокалу говорит, что у меня неплохо получается.

Мне стало жаль эту хрупкую нежную девушку, и я, совершенно не подумав, выдала:

– А пошли на мой маяк?

Элефина сперва опешила, потом рассмеялась.

– Через два года я закончу университет и должна буду приходить на отборы. Если меня выберет виг, я не смогу отказать от службы.

– Значит, сделаем так, чтобы тебя не выбрали, – хмыкнула я. – Пара идей у меня уже есть.

– Микаэлла, – спохватилась элефина, – тебе нужно лечь в капсулу, иначе придёт куратор, чтобы выяснить, почему так долго нет данных о следующем кадете.

Я кивнула. Пред тем, как крышка капсулы закрылась, спросила, как зовут будущего главу медицинской службы моего маяка.

– Анатиль Сэйхо.

– Ана, – я тут же решила сократить её имя, – зови меня Микой!

Лёжа в капсуле, я обдумывала варианты, как помочь новой знакомой продержаться до моего выпуска.

Результаты диагностики меня не удивили. Организм был здоров – это выяснили ещё на маяке семьдесят тысяч семь. Мне пришлось покинуть смотровой кабинет, я и так долго там задержалась, но, перед тем как я ушла, мы с Аной обменялись номерами коммуникаторов для переписки.

– Вечером отправлю тебе план действий, – пообещала я.

– Мика, ты не передумаешь? – элфина улыбалась, но в её глазах читался страх.

Я покачала головой.

После ужина я снова погуляла вокруг школы. Иногда в парке мне встречались кадеты с родителями. Кому-то привезли вещи, а кто-то утешал маму, украдкой смахивающую слёзы.

Вечером, изучив специализации, которые медики ММР могут выбрать, я отправила сообщение Ане.

Микаэлла: Выбери специализацию патологоанатома. Везде и всегда подчёркивай, что с мёртвыми тебе интереснее, чем с живыми. Когда придёшь на отбор, спроси вига, который решит, что ты ему подходишь, можно ли взять на маяк недопрепарированный труп. И тряси со зрителя пункт в трудовой контракт о том, что всех, погибших на маяке, ты должна будешь обязательно вскрыть. Ради науки! Заведи себе «официальное» хобби: сад камней. Будущим зрителям говори, что, кроме недообследованного трупа, берёшь с собой пару-тройку тонн минералов. Зрителю необходимо выделить тебе помещение для этого сада, мол, вы проходили это на лекциях, такой сад полезен для эмоциональной разгрузки экипажа.

Про сад камней вычитала в приключенческом романе, там главный герой попал на планету, где все сады были каменными. Я веселилась, когда писала это, представляя лица со-

отечественников. Но следовало подумать и о серьёзных вещах. Так что я послала Ане ещё одно сообщение.

Микаэлла: Ана, на маяках бывают разные ситуации, нужно уметь постоять за себя. Научись драться, владеть оружием. Но это нужно постараться скрыть, чтобы в досье об этом ничего не было. И, Ана, ни в коем случае не прекращай петь!

Через десять минут пришёл ответ.

Ана: Ты чудо, Мика!

На следующий день, после завтрака, мы отправились в школу. На подлёте к станции нам на коммуникаторы пришло сообщение с указанием номера отсека, где мы будем жить следующие пять лет. «ЗП-45». Третье кольцо, правая сторона, отсек сорок пять. Эх... далековато от лифтов. В закреплённом за мной на время учёбы отсеке оказалось чисто, аккуратно, скромно. Учиться и отдыхать будет комфортно.

На кровати стояла сумка. А это что ещё такое? Я заглянула в неё: средства по уходу за волосами, бельё, косметика и спортивная одежда. Вдохнула. Ясно: сюрприз от Одалинн. «Поздравляем с поступлением!» – гласила записка, вложенная в карман сумки. Ну вот что ей от меня надо? Ненависти к ней я уже не испытывала: давно осознала, почему Линн так

поступила со мной. Но бросаться к ней на шею с поцелуями я не собиралась.

Я заглянула в шкаф – там уже висела одежда, в которой мне предстояло ходить на уроки, а ещё нашлись бельё и обувь. С удивлением я достала туфли на высоком каблуке. И сразу пришло понимание. Это – пыточное орудие на время танцев. Да, будет у нас такой предмет. И даже ясно зачем, ещё дед объяснил мне, для чего зрителю нужны танцы... Согласно школьной программе, этот предмет нам будут преподавать первые три курса. Против самих танцев я совсем не возражала, в конце концов, старый Тэо нье' Риолин обучил меня нескольким, в том числе варсане. А разминка Рэна, которую я теперь делала каждый день, помогла мне с координацией и плавностью. Но, как танцевать на этих ходулях, я не представляла.

Я сравнила казённый спортивный костюм с тем, что лежал в сумке. И пришла к выводу, что, пожалуй, Линн права: в казённом заниматься спортом будет неудобно. Но можно ли на уроки физической подготовки носить своё? Уточню у администрации, решила я.

В день прибытия занятий не было. Первокурсникам показали основные помещения школы. Спортивный зал, теплицы, лаборатории, аудитории, зал медитаций, столовую. Мы даже спустились в трюм, где ректор нье' Тарку, улыбаясь, общил:

– Это любимое место смутьянов и нарушителей дисципли-

плины. В школе не допускаются драки, оскорбления и ссоры. Не допускаются прогулы лекций без уважительной причины или симуляции заболеваний. Провинившиеся в вышеперечисленном попадают сюда, в трюм. Их задача проста – отмыть пол от смазки, которой здесь всегда много, протереть салфетками ботов, разложить использованный инструмент по столам и ячейкам.

Вечером, засыпая в отсеке, который прослужит мне домом следующие пять лет, я внезапно вспомнила мрачную колыбельную, которую пел мне дедушка. Неожиданно подавшись чувствам, я сквозь сон пробормотала строчки из неё:

– Спи, моя крошка, пусть новая колыбель

В сны о грядущем откроет бесшумно дверь.

Баю-бай, моё солнышко, спи и пускай твой сон

Откроет секрет, кто с любовью к тебе рождён.

Засыпай, моя крошка, скорей закрывай глаза,

И Точка начала не тронет тогда тебя.

Сон принесёт лишь покой и тепло любви.

Спи, моё солнышко, спи, крепко-крепко спи.

Ночью мне снилась бессмыслица. Сначала мне привиделся неизвестный мужчина в коричневом кожаном жилете: зелёно-красные волосы, выбритые на висках, очень полные, мясистые губы, большой нос, синие брови, одну из которых пересекает небольшой шрам, и умные зелёные глаза. Муж-

чина чувственно говорил: «Моя Мика!»

Потом приснилось его отвратительное высочество, сообщавшее, что он не может быть с женщиной, род которой предал расу навигаторов.

Проснулась я вымотанная, с гудящей от мыслей головой. Выйдя из душа, чуть не завопила. В моём кресле сидел мужчина! Только приглядевшись, я поняла, что это голограмма. Голограмма выглядела как господин с короткими, гладко причёсанными или, скорее, прилизанными блестящими волосами. Он был в чёрном брючном костюме и белоснежной рубашке. На вороте рубашки закреплён чёрный предмет. Как-будто прямоугольник стянули ниткой посередине. Никогда такого украшения не видела.

– Приветствую вас, госпожа нье' Риолин, я искин школы навигаторов, Дживс.

Да откуда же берутся такие искины?! Начало закрадываться подозрение, что на моём маяке установлен бракованный софт. Я кивнула. Интересно, он каждому кадету так представляется? А Дживс продолжил:

– Асум переслал мне ваше сочинение про романтически-эротические похождения искина. А ведь именно я оцениваю вступительные работы поступающих в школу. Экзамениционная комиссия вмешивается только тогда, когда несколько кадетов набирают одинаковое количество баллов. Сопоставив ваши успехи в математике, бурную фантазию и

рекомендации Асума, я решил, что буду присматривать за вами, Микаэлла. Вы очень интересный экземпляр.

– Может, не надо? Вдруг мощностей не хватит? – спросила я. Пожри меня протуберанец, даже тут за мной будут шпионить!

– Благодарю за заботу, Микаэлла, моей мощности хватило бы, чтобы присматривать за парой сотен таких школ, как эта. На данный момент у меня заполнена только десятая часть памяти, а оперативная эксплуатируется всего на три процента.

Сказав это, искин исчез.

Я быстро высушила волосы и глянула в зеркало: пряди отрасли, но всё ещё недостаточно, чтобы не привлекать лишнего внимания. Во время перелёта многие девочки поглядывали на меня и тихо посмеивались, переговариваясь. Даже ребята искоса смотрели на мои волосы. Я заметила, что виги любят, когда они длинные. Женщины могут носить и косы до колена, а вот мужчины предпочитают длину до лопаток. И только редкие виги носят короткие волосы. Мой дедушка был очень стар, и от бывшего великолепия, виденного мною на старых голофото, ничего не осталось: его голова стала как моя коленка – абсолютно гладкая.

Я натянула парадную форму и отправилась завтракать. Когда вошла в столовую – обомлела. Пожри меня протуберанец, сколько же тут кадетов! Я растерялась. Послышались смешки и улюлюканье. Я понимала, что это не со зла и что

первокурсники привлекают внимание. Но всё же мне стало не по себе. Взяв поднос с едой, я осмотрелась. Свободных мест было мало, но неожиданно кто-то крикнул:

– Эй, малышня, давай сюда! – Черноволосый парень махнул мне рукой и указал на пустой стул рядом с собой. Я кивнула и двинулась в его сторону.

Поставив поднос, окинула стол взглядом. Несколько парней и девушек на пару лет старше меня болтали и делились впечатлениями от практики и каникул. Затем речь зашла о нас, первокурсниках. Рыженькая девушка с веснушками спросила:

– Слышали о скандале, разразившимся во время вступительных экзаменов?

Мои сотрапезники покачали головами, а я наострила уши. Было интересно узнать, что произошло. При поступлении я никаких скандалов не заметила.

– Говорят, один кадет зачислен в школу несмотря на то, что провалил последний этап полосы препятствий, – продолжила она, понизив голос. – Этот сумасшедший так рвался в школу, что прыгнул в бассейн, не умея плавать! – За столом послышались удивлённые возгласы, я же начала быстрее жевать свой завтрак. Рыженькая девушка наклонилась к столешнице и заговорила ещё тише: – Наследный принц настаивал на том, что таким неподготовленным кадетам не место в школе! – На этих словах я прикрыла глаза, мечтая воткнуть вилку в ногу одной светловолосой скотине. Девушка расска-

зывала дальше: – Но несмотря на это и на проваленное испытание, кадета приняли в школу. Представляете? – Она выдержала паузу. – Начался страшный скандал, особенно возмущались родители тех, кому на полосе не хватило двух-трёх секунд для поступления. Дело дошло аж до императора!

За столиком повисла тишина, и только я стучала вилкой и ножом о тарелку. Надо как можно быстрее сбежать отсюда! Какой кошмар! Обо мне сплетничают! А ведь меньше полугода назад я даже не знала, что есть другие виги, кроме меня!

Как же мне хотелось заткнуть рыжеволосую сплетницу, которую я успела возненавидеть. Та, даже не подозревая, насколько близка к удару в усыпанное веснушками ухо, не унилась.

– И тогда администрация школы опубликовала баллы поступивших, – теперь в голосе девчонки появилось предвкушение, – и оказалось, что прыгнувший в бассейн кадет набрал пятьсот баллов за три предмета!

Теперь стало совсем тихо. Я тоже молчала, переваривая услышанное. Надвигалось ощущение катастрофы. Максимальное количество баллов за каждый предмет – сто. Максимальное количество баллов, которое можно получить в первом туре, – триста.

Кто-то закашлялся, а сплетница обвела столик торжествующим взглядом.

– Как такое возможно? – спросили за столом.

Она небрежно пояснила:

– Кадет решил задачу Таувана. Тремя разными способами.

– Да ладно, – недоверчиво протянул кто-то. – У неё же всего два способа решения!

– Угу. Но это ещё не самое интересное. Кадет выполнил все математические задания за час и потом ещё час просто не нажимал кнопку «Завершить экзамен»! – За столом негромко присвистнули. – Говорят, сам император потребовал принять этого одарённого кадета в школу. С условием, что Таграна Фааолис лично научит его плавать в течение двух месяцев!

Вот она – катастрофа! Я в панике втянула голову в плечи. Что делать? Эвиндр Кровавый заинтересовался мной!

– Как зовут этого кадета? – поинтересовался мой сосед справа. Тот, что позвал меня за столик. Пришла пора заканчивать завтрак и бежать!

– Сейчас посмотрю, мама отправляла мне фамилию, – ответила рыжеволосая девушка, роясь в коммуникаторе. Я начала подниматься со стула, взяв в руки поднос с недоеденным завтраком. – М. Риолин, – прочитала она и поражённо подняла глаза на меня.

Ну да, у всех кадетов есть шеврон с именем и фамилией на груди, и, садясь за столик, я знала, что все увидели мой. Снова воцарилась тишина. Я натянула на лицо лучезарную улыбку.

– Спасибо, что не оставили в беде первокурсника, я побе-

жала на торжественное построение.

– Эй, Риолин, а что ты делаешь сегодня вечером? Я тоже могу научить тебя плавать! – донеслось мне в спину.

Кадеты стали поворачиваться в мою сторону. Похоже, не один наш столик обсуждал сумасшедшего кадета, который прыгнул в бассейн, не умея плавать.

– Пожри тебя протуберанец! – от души пожелала я так и не представившемуся парню.

В бальном зале нас выстроили в шеренгу. В помещение быстрым шагом вошли мужчины и женщина. Ректор нье' Тарку, наследный принц и императорская чета. Я столько раз видела их голофото! Но все равно не могла поверить, что это тот самый безумный император – тот, что практически уничтожил мой маяк. А ведь ему и теперь ничего не стоило бы щёлкнуть пальцами, чтобы нас с Исхраном раздавила военная машина империи. Кажется, император произнёс речь, мы склонили головы. Внезапно чья-то рука подняла мой подбородок – и я встретила глазами с Эивиндром Кровавым! Бешено застучало сердце, ноги и руки стали ватными. Вот он – мой враг – прямо передо мной! Я смотрела в глаза безумцу, но не видела ни искры сумасшествия в них. Научился тщательно скрывать его?

– Так вот ты какая, последняя Риолин, – задумчиво протянул он, рассматривая меня. – Зная о твоих генах, не стоило ожидать чего-то другого!

И что значит его высказывание?

Император продолжил:

– Мне будет интересно следить за твоими успехами в учёбе.

Внутри всё содрогнулось от страха. Зачем я ему? Что ему нужно от моего нищего рода, единственным представителем которого осталась лишь я?

Он отпустил мой подбородок, и я поспешно опустила глаза, чтобы никто не увидел плескавшуюся в них ненависть.

«Мне нужен мой маяк, мне нужен мой маяк, мне нужен мой маяк», – мысленно повторяла я, силясь успокоиться.

Враг всех вигов стоял передо мной, на расстоянии вытянутой руки, а у меня даже не было оружия, чтобы всадить его в чёрное сердце кровавого императора!

– Числа управляют миром, но они же дают живым существам возможность подстраивать мир под себя, и в этом нас убеждает ход развития науки и техники. – На первой лекции по математике господин Этлас сыпал цитатами и афоризмами. Все их я знала наизусть: каждую Исхран повторил мне по паре сотен раз.

Господин Этлас типичный гикориец. Дыхальца, идущие полосой вдоль довольного длинного тела, пятнадцать сегментов брюшка, шесть брюшных ног, обутих в обычные берцы, три пары грудных ног, выполняющих функции рук, анус (надеюсь, никто не заметил, как я с академическим интересом рассматриваю эту часть тела преподавателя), располага-

ющийся после пары анальных ног. В верхних руках преподаватель математики держал лазерную указку.

– Итак, тема сегодняшнего занятия – открытые и замкнутые множества.

И чем занять себя на целый час? Тема меня совершенно не интересовала: Исхран вдолбил её в меня ещё пару лет назад. Но выделяться не хотелось. Поэтому я делала записи на планшете, как и весь класс. А ещё пыталась написать программку, ограничивающую Дживсу доступ в мой отсек. Пусть он голографический, но всё же мужчина.

В конце урока преподаватель выдал нам домашнее задание. Я быстро просмотрела его и поняла, что решу это за пять минут, в перемену. Прозвенел звонок, и класс двинулся к выходу.

– Кадет нье' Риолин, задержитесь! – попросил меня господин Этлас. Я вздохнула. Конечно же он заметил, что я рассматривала его зад и невнимательно слушала лекцию. Я подошла к кафедре, за которой расположился преподаватель. Господин Этлас меня удивил.

– Микаэлла, думаю, что курс по математике за первый и, возможно, даже за второй год обучения вам будет не интересен. Однако мне есть, что вам предложить! Такой ум, как ваш, необходимо постоянно тренировать! Предлагаю вам отдельный курс по моему предмету.

Я испуганно замотала головой. Как же я буду успевать учиться, если вот так сразу получу билет на дополнительные

занятия? А ведь меня ещё ждало интенсивное обучение плаванью. Господин Этлас снова удивил меня.

– Нет, нет, кадет! – заторопился он. – Это не отдельные занятия, они будут проходить здесь, в аудитории, во время урока с одноклассниками. Но учиться вы будете по другой программе.

– Не думаю, что мне это нужно, – честно ответила я, и Этлас укоризненно посмотрел на меня.

– Жизнь навигаторов довольно продолжительна. Вы ведь не знаете, что может вам пригодиться и куда повернёт ваш жизненный путь, Микаэлла. Поэтому я предлагаю вам воспользоваться шансом и получить дополнительные знания.

– Для чего это вам, господин Этлас? Зачем вам возиться со мной? – я в упор посмотрела на преподавателя.

– Мы все хотим признания, все любим почёт и уважение. Я бы хотел, чтобы вы принимали участие в соревнованиях по математике в конце учебного года. Наша школа почти никогда не участвует в состязаниях по этому направлению, но вы, Микаэлла, похоже, созданы, чтобы побеждать.

Слова преподавателя математики, обучившего не одну сотню кадетов, мне невероятного польстили. В моей жизни похвалы было ничтожно мало. «Микаэлла, ты должна», «Микаэлла, ты обязана!» – вот это я слышала постоянно. Однако я и так привлекла внимание императорской семьи.

– Я не хочу повышенного внимания к себе, господин Этлас, мне это не нужно, – очень вежливо ответила я на пред-

ложение.

– Вы уже вызвали всеобщий интерес, – намекнул он на моё скандальное поступление в школу навигаторов и вкрадчиво сообщил: – За первое место в соревнованиях между университетами на Франгаг победивший получает семьдесят тысяч кредитов...

Вот! Это другое дело. Он меня поймал! Пока я не нашла другой легальный способ заработать деньги, этот вполне подходил. Господин Этлас почувствовал мою заинтересованность и заговорил деловым тоном:

– В субботу, после основных уроков, жду вас в этой аудитории. Вы напишете экзаменационную работу за первый курс и первый семестр второго курса. Это формальность, которую нужно соблюсти для выставления ваших официальных отметок. А затем протестируем ваши знания. Это необходимо, чтобы составить программу индивидуального обучения.

Я кивнула, а мысленно уже начала прикидывать, куда потрачу семьдесят тысяч кредитов.

Следующим уроком были медитативные техники. Медитации проходили в пустом зале, на полу которого стелили коврики. Все мои одноклассники уже сидели в удобных позах. Я схватила чуть пружинящий коврик и расположилась позади всех.

Этот предмет вёл ректор, по совместительству – муж легендарной принцессы Франгаг и отец высокомерного уродца

Эирика. Господин нье' Тарку, как и мы, сидел на полу, скрестив ноги и положив руки на колени. Когда прозвучал звонок, он начал занятие. Рассказал, для чего нужен его предмет, и попросил поднять руку тех, кто уже умеет открывать червоточины. Скрывать правду смысла не было, господин нье' Тарку знал о моих умениях. Руки подняли я и ещё один кадет. Так мало? Господин нье' Тарку заметил:

– Медитации пригодятся и тем, кто уже умеет строить короткие переходы. Вы можете развить свои навыки.

Тот кадет, который поднял руку вместе со мной, спросил ректора:

– А какое максимальное количество червоточин можно открыть?

Господин нье' Тарку улыбнулся и ответил:

– Теоретически – предела нет, всё зависит от силы, какой одарила ваш род Точка начала. Практически... На моей памяти был один кадет за время учёбы в школе, который достиг показателя в двадцать червоточин. Кто знает, сколько получится открыть у вас.

В классе восторженно зашептались. Я же сейчас могла открыть и держать двадцать пять. А мой предок мог удерживать тридцать червоточин одновременно. Каков мой предел? Как понять, что я могу больше, не тренируясь в полную силу на таких занятиях? Ведь я не сказала принцессе правду о своих способностях. Хотя тут не буду выделяться.

Не выделяться не получилось. Господин нье' Тарку попро-

сил меня и второго кадета продемонстрировать свои навыки. Парень кивнул, закрыл глаза, и нам пришлось довольно долго ждать, пока Искин школы не объявил:

– Внимание, кадет нье' Биро сформировал червоточину на Франгаг. Внимание, кадет нье' Биро сформировал червоточину на Франгаг.

Господин нье' Тарку приглашающе махнул мне. Я пожала плечами. Концентрироваться на четырёх червоточинах мне уже давно не требовалось, как и на двадцати. Двадцать пятая, она да – заставляла попотеть. Искин тут же объявил:

– Внимание, кадет нье' Риолин сформировала четыре червоточины: на астероид T32K1, астероид F11Y8i, астероид Qvv13K и астероид Gi1Nt87. Внимание, кадет нье' Риолин сформировала четыре червоточины: на астероид T32K1, астероид F11Y8i, астероид Qvv13K и астероид Gi1Nt87.

Эолив фыркнула:

– Только на безжизненные астероиды что ли можешь?

Конечно это было не так, просто в пространстве, далёком от населённых миров, проще всего тренироваться, не боясь, что кого-то заинтересуют мои переходы. Мы с Исхраном давно избрали эту тактику.

Я закатила глаза, схлопнула червоточины на астероиды и снова открыла переходы.

– Внимание, кадет нье' Риолин сформировала четыре червоточины на Франгаг. Внимание, кадет нье' Риолин сформировала четыре червоточины на Франгаг, – доложил Искин

школы.

Я, не сдержавшись, повернулась к нье' Аттейс и спросила:

– К концу школы сможешь догнать?

– Тот, кто обгонит через четыре года кадета нье' Риолин, сможет сам выбрать место практики после четвёртого курса, – сообщил Ректор.

Я восхитилась: какой продуманный мужик! Только что он из ничего создал мотивацию для учащихся и подтолкнул их к достижению определённой цели. Вот только он, похоже, подозревал, что четыре червоточкины – это не предел для меня.

– А если никто не догонит меня? – спросила я.

– Место практики выбирает кадет нье' Риолин, – невозможно ответил господин нье' Тарку.

Да что там за практика такая будет, если выбор её места – большое преимущество? Я решила вечером спросить об этом Дживса.

Когда мы выходили из зала медитаций, Эолив толкнула меня плечом.

– Выходка! – прошипела она. Что же ей неймётся?

Следующее занятие – химия. Я не узнала ничего нового, кроме... кроме того, что нас ждут лабораторные работы по каждой теме. Леди Ростакс, эффектная элфеина и преподаватель биологии и химии, обещала дать нам эти работы уже чуть ли не на следующем уроке. Вот чего не было в моём домашнем обучении, так это практикума по химии. И у меня

уже чесались руки попробовать!

Я влюбилась... в гномейра! То есть в предмет, который он вёл. Не знаю, почему на его уроках мои одноклассники клевали носами, но господин Виигор Харшхтенботтен рассказывал замечательнейшие вещи! Преподаватель межмирового права очень подробно расписывал правовые системы, принятые в разных мирах. Упор делал на системы рас-союзников вигов. Я с огромным удовольствием рылась во всегалактической сети и в библиотеке, разыскивая информацию для докладов или контрольных.

Как же ты меня бесишь, Одалинн!

Думая, о том, что я буду как все, я натянула спортивную форму, которую прислала Линн, и двинулась в сторону спортивного зала. Уже по пути туда я поняла, что что-то не так: встреченные мной девушки поджимали губы и хмурились, а парни округляли глаза и долго провожали меня взглядами. Всё стало ясно, когда я вошла в зал. Все мои одноклассники надели мягкие штаны разных цветов и свободные футболки. На мне же был светлый обтягивающий топ на толстых бретелях, заканчивающийся почти под самой грудью, обтягивающие штаны чёрного цвета и очень удобные короткие чёрные ботинки. Одноклассники уставились на меня. О том, может ли спортивная форма быть своей, я спросила ещё вчера. Вот только я даже не подозревала, что так сильно буду отличать-

ся от остальных.

– Какая пошлость, – бросила одна из девушек, кажется, новая подпевала Эолив, пришедшая на смену той, что не сдала экзамен по физической подготовке и не поступила в школу.

– Классная задница! – сообщил один из парней.

Ненавижу тебя, Одалинн!

В зал быстрым шагом вошла преподаватель – темнокожая зверолоуд с большими жёлтыми глазами, полными губами и чуть приплюснутым носом. Волосы собраны в косу, сквозь них выступают звериные уши. Подтянутая – мышцы явно выделялись под её довольно обтягивающей одеждой. А ещё очень красивая.

– Ух ты! – услышала я вздох одного из ребят.

– Тебе ничего не светит. Ни сейчас, ни даже когда будешь на пятом курсе, – чуть слышно хмыкнула какая-то девочка.

– Начнем с традиционного, – сообщила госпожа Фааолис и вызвала пару парней на маты. – Вам нужно любым способом сбить противника с ног.

Парни ходили, стоя друг напротив друга и не решаясь напасть, пока, наконец, один не ринулся на другого. Второй парень что-то сделал руками, и нападающий пошатнулся. Но не упал.

– Отличный блок, кадет нье' Сайрс, – похвалила преподаватель.

Первый парень попытался сделать подножку второму, но

Сайрс увернулся и сильно ткнул соперника в грудь. Видимо, удар вышел сильным, потому что первый парень упал на мат. Затем вызывали двух девочек, они получили то же задание. Они кружили, бездействуя, пока госпожа Фааолис не прикрикнула:

– Нападайте, иначе обеим поставлю неуд за сегодняшний урок!

И одна девочка, нагнув голову понеслась на другую. Она что, её бодать собралась? И действительно, первая просто протаранила вторую, которая, опешив, вообще ничего не предприняла. Пожри меня протуберанец, я ничего такого не умею. Обычно моя тактика – бегство. Очень быстрое бегство, иногда с препятствиями. И как я сейчас выйду на мат? В том, что придётся это сделать, я не сомневалась. Очень хотелось, чтобы меня не поставили в пару с Эолив. Как я поняла, на полосе препятствий она попала в тройку лидеров. Этого хватило, чтобы поступить в школу, хотя по другим предметам она была третья с конца.

Меня поставили с незнакомой пока мне девочкой, такой же черноволосой, как я. Она не стала тянуть и попыталась ударить меня в скулу, но я уклонилась и пнула её в голень. Потом ухватила её за край футболки и рванула на себя, надеясь, что девчонка упадёт. Но она устояла и сделала мне подножку, я кубарем полетела на мат. Падая, я пыталась удержаться на ногах и замахала руками, будто цепляясь за воздух. Но зацепилась за футболку противницы. На мат мы сва-

лились вместе.

– Ты прикольная, – заявила мне брюнетка, вставая и протягивая руку, чтобы помочь встать. – Я Тайнара нье' Вудаш, – представилась она.

– Микаэлла, Мика нье' Риолин, – ответила я вежливо. С этими парнями и девчонками мне предстояло учиться ещё пять лет. Нужно было налаживать, как сказала принцесса, связи. Быть может, думала я, кто-то из родичей моих одноклассников тоже недолюбливает императора.

В конце урока госпожа Фааолис сообщила, что вечером ждёт меня в бассейне, состоится мой первый урок плавания. Я заметила гадкие усмешки Эолив и её подружек. Как же она меня взбесила!

После обеда нас ждали уроки по вигской литературе, физике и танцам. Последнего я опасалась больше всего. Я никогда не носила туфли на каблуке и в жизни не надевала ни одного платья, а ведь в этом пришлось бы ещё и танцевать! Я переоделась в платье и, держась за стены руками, двинулась в танцевальный зал. Посмотрела на девочек: они все уверенно передвигались в этих пыточных орудиях. В зал лёгкой танцующей походкой вошёл очень элегантный элфин – господин Лиэниэль Д'нуавилль. Урок он начал с того, что попросил повторить его движения. Казалось, наши неуверенные повторы его совсем не удивили. Он потёр руки и сообщил, что у него потрясающий педагогический опыт и что в конце первого курса мы все будем уверенно танцевать элейскую

польку. Я мысленно пожелала, чтобы протуберанец пожрал преподавателя танцев. Я видела, как танцуют элейскую польку, в голосети. Это красиво, когда смотришь со стороны, но вот повторить такое – я даже не представляла, как это возможно!

– А теперь, господа кадеты, встаём к хореографическим поручням – да, к этим длинным жердям около зеркал – и разучиваем танцевальные позиции. – Он встал в центре зала и скомандовал: – Ноги расположены на одной линии, пятки сведены друг к другу, носки разведены в стороны так же, как у меня. Итак, господа кадеты, это позиция номер один!

В семь вечера, взяв купальник, я пришла в бассейн. Таграна Фааолис уже была там – заканчивалась тренировка у ребят-третьекурсников. Я восхищённо наблюдала, как парни практически синхронно выныривают из воды, делают быстрые взмахи руками и снова погружаются в воду. Когда занятие закончилось, ребята вышли из бассейна, и внезапно один из них обратился ко мне:

– Я же говорил, что умею плавать. – Он подмигнул мне, а я улыбнулась. Я узнала этого парня – именно он позвал растерявшуюся меня за свой стол завтракать.

– Сначала научимся правильно дышать, Микаэлла, – сообщила госпожа Фааолис и скомандовала: – В бассейн!

Я спустилась в такую недружелюбную чуть тёплую воду. Около получаса, вцепившись в бортик, опускала в неё ли-

цо и выдыхала туда воздух. Оказалось, вдыхать нужно ртом, потому что мелкие капли могут попасть в нос, а это может привести к затруднению дыхания.

Затем Таграна Фааолис выдала мне плоский пластиковый предмет, который держался на воде, и велела взяться за него. Сама она встала рядом, держа в руках такую же штуку.

– Наблюдай за мной!

Она вытянула руки вперёд, держась за доску, легла на воду и зашевелила ногами. Она опускала голову в воду, выдыхала туда, поднимала голову, набирала воздух и снова выдыхала его в воду. Выглядело несложно. Попробую! Я вытянула руки, оттолкнулась ногами от бортика и постаралась сделать то, что делала госпожа Таграна. Сюрприз! Доска, за которую я ухватилась, не удерживала мой вес, а я, боясь воды, постаралась чуть ли не залезть на неё. И глотнула воды. Хорошо, что глубина бассейна в этой части была незначительна. Закашлявшись, я остановилась и выпустила ненадёжную опору из рук.

Неожиданно госпожа Фааолис улыбнулась, показав небольшие клыки, и произнесла:

– Для первого урока плавания ты хорошо справляешься. Ты ведь не рассчитывала, что поплывёшь сразу, как ступишь в воду?

Я помотала головой. Нет, не рассчитывала. Но очень хотела.

– Ещё раз, Микаэлла. Я хочу, чтобы ты один раз выпол-

нила это упражнение верно.

Только на шестой раз до меня дошло, как надо двигаться, вдыхать и выдыхать, чтобы хоть как-то держаться на воде. Когда я доплыла до конца дорожки, то была счастлива.

– Завтра закрепим навык, – сообщила госпожа Фааолис. Мы попрощались, и я побрела в раздевалку переодеваться.

– Пожри тебя протуберанец, – выругалась я, когда не обнаружила своей одежды и полотенца. Вспомнилась ухмылка нье' Аттейс.

Я шла к себе, на третье кольцо, в одном купальнике, а за мной тянулась дорожка из капель воды. На лицах встречающихся кадетов я видела брезгливость, осуждение, сочувствие и насмешки. Придя в отсек, встала под горячий душ, пытаюсь согреться. Когда закончила мыться и вошла в спальню – вздрогнула. Дживс, как и в прошлый раз, разместился в кресле.

– Почему вы не позвали меня, Микаэлла?

– Я не знала, что нужно позвать искина, – проворчала я. Он напугал меня своим появлением.

Утром после завтрака меня вызвали в кабинет ректора.

Господин Лунморт сидел за столом, на противоположной от него стене висело множество мониторов для отслеживания происходящего в школе. На столе лежал пульт, рядом со столом стояли два кресла. Вот и вся обстановка кабинета. Очень лаконично.

– Вы можете прокомментировать произошедшее вчера,

Микаэлла? – спросил ректор. Он щёлкнул кнопками на пульте, и на одном из мониторов появилась голозапись: я в мокром купальнике иду к себе в отсек.

– Кто-то забрал мою одежду и полотенце, господин ректор, – вежливо ответила я.

– У вас есть предположения, кто это сделал?

– Нет, господин ректор.

– Дживс, – обратился он к искину школы, – кто забрал одежду кадета нье' Риолин?

– Не могу знать, господин нье' Тарку.

Я отчётливо слышала, как ректор скрипнул зубами.

– Голоса опознать возможно? – поинтересовался он.

– Они действовали молча, господин нье' Тарку, – ответил Дживс.

Вечером, после основных уроков и занятия по плаванию, я поинтересовалась у искина:

– Дживс, почему съёмка ведётся не во всех помещениях? – спросила я, не ожидая ответа. Искины, они такие – если считают, что ответ не требуется, ты ни за что не получишь никакого комментария.

– Три года назад общественность продавila в правила школы навигаторов пункт о том, что съёмка кадетов в санитарных узлах, душевых и раздевалках бассейна запрещена. При этом можно записывать звук. В вашем случае, госпожа нье' Риолин, похитители вашей одежды действовали молча. Они знали об этом правиле.

– Говоришь, нет записи в санитарных помещениях? – Я потёрла ладони, в голове уже складывался план. – Отомстить сможешь?

– Если подозрения не падут на меня или вас и кадет, которому вы собрались мстить, физически не пострадает, – отзывался Дживс.

Потянулись месяцы обучения. Я быстро втянулась в процесс, учиться мне нравилось. Я была сыта, одета, не думала о безопасности и здоровье.

После первой недели обучения я и Одалинн снова посетили маяк номер пять, где я подписала договор с империей в лице принцессы Кайсы Дэгни нье' Тарку-Ринд на ремонт моего маяка. Я же обязалась в течение пяти лет после окончания школы навигаторов работать смотрителем, переправлять заблудившихся, помогать попавшим в беду космическим путешественникам. Империя обещала снабжать мой маяк всем необходимым для выполнения моих миссий на протяжении этого срока. В договоре так же говорилось о том, что я должна нанять на маяк элфеина-медика. Условия выбора элфеина и его типовой контракт прилагались к бумагам. Приложением к договору стала также многостраничная смета на восстановление работоспособности моего маяка. Я подробно изучила смету, представленную мне Линн. Очень хотелось, чтобы она ошиблась в номенклатуре каких-нибудь гаек или в количестве светильников кают-кампании, но всё

было верно. Я не нашла ни одного отклонения от моих пожеланий.

Как же ты меня бесишь, Одалинн, мне даже придраться не к чему!

Уже пару месяцев я вполне уверенно, по словам Таграны Фааолис, плавала в бассейне. Прорыв произошёл на шестое занятие. Преподаватель показала мне упражнение «звёздочка». Я, опустив лицо в воду и держась кончиками пальцев за бортик, распласталась на водной поверхности. Ноги и руки раздвинула. В какой-то момент я отпустила бортик и... так и осталась покачиваться на воде. После этого госпожа Фааолис продемонстрировала мне все имеющиеся стили плавания, и мы выбрали тот, что больше подходил мне.

Отомстить Эолив получилось только через четыре недели, до этого каждое моё предложение отвергал Дживс.

– Нет, Микаэлла, вы засветитесь на сто восемьдесят седьмой и триста двенадцатой камерах, – забраковал он мою первую идею. – Госпожа нье' Риолин, то, что вы предлагаете, нанесёт физический ущерб кадету нье' Аттейс, – отозвался о следующей.

– Я запрограммирую бота-уборщика, и он заменит её шампунь. Волосы Эолив станут ярко-фиолетовыми, – поделилась я очередной мыслью.

– Пришлю уборщика к вам в отсек в девять вечера, госпожа нье' Риолин. У вас будет десять минут, чтобы дать боту

новое задание. Задержка бота сверх этого времени отразится в отчёте о заданиях ботов. Отчёт проверяет ректор.

Я не любила программирование, но ничего другого не оставалось. Оставлять пакость Лив безнаказанной было нельзя.

Когда злющая нье' Аттейс пришла на урок физики, мы покатались со смеху. Даже я, хоть и знала, какой эффект даст шампунь, который заботливый бот-уборщик поставил на полку душевой кабины Эолив. Её шевелюра стала ярко-фиолетовой! Я подобрала очень устойчивую краску для волос, такой красоткой ей предстояло проходить до конца учебного года.

– Это всё ты! – завопила она, подскочив ко мне. – Ты перекрасила меня!

Я, всё ещё смеясь, предположила:

– Может, стоило вести себя скромнее? – Я намекнула на то, что наша будущая императрица успела обидеть не только меня, но и кадетов на курс, а то и на два старше.

Родители Эолив, инициировавшие расследование, выяснили, что их любимая дочь оскорбила детей нескольких вельмож, так же приближённых к Кровавому императору, как и они, и расследование быстро замяли. Обо всём этом мне рассказал Дживс.

На зимних каникулах я отправилась на маяк Линн. Меня встретила мягкая, домашняя женщина, поглаживающая выпирающий живот. Рядом с ней стоял Арэниэль. Я смотрела

голови́део с их свадьбы и неожиданно для себя радовалась тому, что обаяшка Рэн нашёл своё счастье рядом с этим беспокойным созданием.

Я страшно удивилась празднику, означавшему смену текущего года, который устроила Линн. На маяке десять тысяч семь никогда такого не делали. Мы с дедом просто ложились спать, а утром Исхран сообщал, что наступил новый год. Одали́нн же устроила целое действо. Сначала мы украсили хвойное дерево красивыми стеклянными шарами и фигурками, причём в этом принимали участие все члены команды. Затем Нарин и недавно родившая Кинира притащили коробки с гирляндами и искусственными свечами, и все вместе мы украшали гостиную маяка. Получилось очень красиво.

Ночью, когда все уже спали, я пришла в гостиную, чтобы в одиночестве полюбоваться ей. Цветные огоньки бежали по йолке – так Линн назвала это хвойное дерево, – искусственные свечи чуть мерцали на полках и в углах довольно большого отсека, причудливые тени плясали на потолке и стенах.

Я сидела на диване, положив подбородок на колени, и думала о том, как сильно поменялась моя жизнь. Вчера мне написала Ана. Она поздравила меня с новым годом и сообщила, что её родители взбесились, узнав о выбранной ей специализации. А ещё она определилась с видом боевых искусств и собиралась приступить к занятиям в начале следующего семестра.

Ещё одно сообщение прислала Тайнара, которая на праздники улетела в особняк родичей на Франгаг. Она написала, что, если у меня получится выбраться, она и её родственники будут рады видеть меня у себя на празднествах Дня смены года. Мне было приятно, ведь мы с Тайнарой довольно тесно общались. Завтраки, обеды и ужины мы проводили вместе. Если приходилось разбиваться на пары на уроках или готовить в парах доклады, всегда выбирали друг друга. Даже в спаррингах на физической подготовке старались оказаться вместе.

– Я полюбила этот праздник, когда была в том же возрасте, что и ты, – раздался голос над головой.

Я вздрогнула. Одалинн. Вот не спится ей! Я встала, чтобы уйти. Моя опекунша вызывала во мне смешанные чувства.

– Не уходи! – попросила она. Я повернулась и посмотрела в её глаза, а она продолжила: – Микаэлла, я никогда не попрошу простить меня за то, как началось наше знакомство, но мне бы хотелось, чтобы ты не держала на меня зла. Надеюсь, ты когда-нибудь поймёшь меня.

Я кивнула и покинула гостиную. Провела пальцем по скуле. Откуда эта влага на щеках?

А утром Линн затеяла возню с праздничным ужином. И опять присутствовала вся команда. Триша резала мясо, Линн катала плотное тесто и показывала, как лепить небольшие пирожки, мы все вместе резали овощи. Потом Триша и Лилоуса мариновали мясо, которое после завернули в фоль-

гу. Всё это сопровождалось шутками и историями из жизни команды, смехом. Я недоумевала: неужели возможно, чтобы команда была как семья? Разве бывает так, что между членами команды нет отчуждения и холодности, что все доверяют друг другу? Приходят на помощь, поддерживают...

Вечером в дверь моего отсека постучали.

– Войдите, – крикнула я, ваяясь на кровати и листая страницы во всекосмической сети. Пыталась найти значение обряда, связанного с украшением стеклянными шарами хвойного дерева.

В мой отсек вошла Лилоуса. Она поставила на стол большой несессер и повернулась ко мне.

– А давай сделаем из тебя красотку?

– Ээ... – протянула я, недоумевая.

– Вставай, – скомандовала Лилоуса. Заинтриговала. Я выключила планшет и подошла к цветнийке. – Садись! – указала она на кресло.

– А что происходит? – попыталась спросить я.

– Сиди тихо! – шикнула Лил, и я расслабилась. Как бы я не относилась к Линн, на её маяке ничего плохого никогда не видела.

Лилоуса что-то делала с моими уже отросшими до плеч волосами. Судя по тому, как стало прохладно шее, она собрала их вверх. Потом Лил заставила меня закрыть глаза, прошлась кисточками по векам, скулам и губам.

– Готово! – хмыкнула она.

В отсек снова постучали, и мы хором крикнули:

– Войдите.

В отсек вошла Одалинн. В руках она держала чехол для одежды.

– Думаю, это будет в самый раз!

Одалинн достала из чехла длинное синее платье, расшитое сверкающими камнями. Я переоделась и повернулась к зеркалу. Я была не я. Никогда не думала, что могу быть такой же, как девушки на головидео с дворцовых приёмов: такой же женственной и... привлекательной.

А потом настало время ужина, музыки и танцев. Я даже попробовала элейское вино, правда, получила при этом неодобрительный взгляд Рэна.

На следующий день я попросила Линн отпустить меня домой, чтобы забрать вещи. Пообещала, что червоточину оставляю открытой. К родному маяку меня доставил мяурианец. Он уже давно полинял и стал совершенно чёрным. На мой взгляд, ему очень шло.

Я очень удивилась, обнаружив, что работы по восстановлению маяка уже начались. Вокруг станции убрали весь мусор, остатки кораблей и тела. С маяка вырезали изломанные сегменты колец.

– Здравствуй, Микаэлла, – поздоровался искин, служивший ещё моим предкам.

– Здравствуй, Исхран.

Мне не хотелось ничего у него спрашивать, не хотелось

ничего ему говорить. Я молча дошла до своего отсека, заглянула туда и... не забрала ни одной вещи. Всё, чем я так дорожила раньше, в моём новом мире мне было не нужно. Я заблокировала дверь и направилась к своему катеру. Страшно соскучилась по нему, мне очень не хватало одиночных полётов. Когда я села в кресло пилота, искин произнёс:

– Ты повзрослела, Микаэлла.

– Я стала взрослой, когда умер дедушка, – ответила я и язвительно спросила: – Ничего не хочешь мне рассказать? Что ещё вы с дедом придумали для меня?

– Ты узнаешь, когда придёт время, пока всё идёт по плану.

– Я тебя ненавижу, счётная машинка!

– Восполняю пробел в твоём образовании Микаэлла: счётная машинка может выполнять десять-двадцать операций, искин маяка – более десяти в семидесятой степени.

Из глаз покатались слёзы, но всё же я рассмеялась.

– Хоть что-то остаётся неизменным!

Я вывела свой катер из дока и закрутила спирали вокруг маяка. Затем провела его по червоточине к маяку Линн. Я собиралась поговорить с ней, надеялась, она разрешит припарковать мой летательный аппарат в её стояночном доке.

Во втором семестре господин Этлас незаметно насел на меня, и теперь всё факультативное время и вечер субботы оказались посвящены математическим задачам и подготовке к соревнованиям.

Пришло известие от Одалинн: у неё родились двойняшки. Мне стало интересно: уши острые у обоих? Чьи гены оказались сильнее?

Уроки физкультуры в бассейне начали приносить удовольствие, ведь теперь я перестала показывать худшие результаты в эстафетах.

Удивительно, но въедливый Ронар нье' Биорн стал проводить свои лекции иначе. Когда он впервые поделил нас на две группы и устроил викторину на знание великих битв си-тонийцев, мы опешили. Но, когда он заявил, что проигравшая команда придёт к нему на пересдачу этой темы, мы впечатлились и, как только звучал вопрос, выкрикивали ответы. Иногда неправильные. Команды набрали одинаковое количество баллов, и нье' Биорн нас снова удивил. Он поставил «отлично» всем. И предупредил, что опросы в игровой форме будет проводить часто. А количество вопросов со следующего раза станет нечётным, чтобы победить могла только одна команда.

Экзамены за первый курс я сдала на «отлично». Госпожа Ростакс очень заинтересовалась проживанием дженери на маяке Одалинн и попросила меня провести ряд исследований. Выдала мне целый список методик для тестирования. Мне было нечего делать в эти три месяца, так почему бы и не понаблюдать за этим ботаническим монстром? Чем буду заниматься столько времени, я не представляла. Но об этом я собиралась подумать после соревнований по математике,

которые проходили в главном университете Франгаг. Мы с господином Этласом вылетали туда на следующий день. Не знаю, как он, но я летела за тем, чтобы получить свои семьдесят тысяч кредитов.

Глава 5

Я проснулась до общешкольной побудки. Сладко потянувшись, улыбнулась. Уже месяц шли занятия в школе. Теперь я стала второкурсницей. А ещё обладательницей главного приза математического конкурса. Это иногда не давало покоя Тайнаре и, конечно, Лив. Если первая от души радовалась за меня, то вторая злилась за голофото, на котором меня обнимал улыбающийся Эирик. В самый первый учебный день она, увидев меня, преградила мне дорогу и зашипела:

– Держись от его высочества подальше, заучка.

– Да на кой он мне сдался? – фыркнула я.

Нье' Аттейс неожиданно спокойно ответила:

– И правильно, таким безродным, как ты, следует знать своё место.

Меня покорило. Я не безродная! Но и о своём роде я почти ничего не знала. Исхран не спешил предоставлять мне архивы нье' Риолинов.

Моя победа стала неожиданностью для преподавателя математики, моих соперников и членов жюри. Ещё бы – обычно, когда школа навигаторов отправляла на соревнования учеников, ни один из них не входил даже в первую десятку. Мой выигрыш оказался сюрпризом для всех, но не для меня. Исхран, хоть и жёсткими методами, но научил меня думать,

искать варианты решений. Не раз мне приходилось доказывать положения, которые обычно принимались без доказательств – аксиомы. Доказав теорему только одним способом, я лишалась горячего ужина. Нет, голодной не оставалась – безвкусная пищевая плитка была моей едой в таких случаях. Насыщение получаешь, удовольствие от приёма пищи – нет.

Зал, в котором проходили математические состязания, поразил меня. Казалось, что он старинный, но я точно знала: это не так. Во время войны, которую развязал Эивиндр Кровавый, здание университета оказалось стёрто с лица планеты, Центральный университет восстанавливали очень долго, буквально по крупицам собирая данные о нём. Зал был обшит деревянными панелями, огромные арочные окна устремились вверх, а потолок удерживали брусья из тёмного дерева. Тяжёлые портьеры тёмно-зелёного цвета, перехваченные витыми позолоченными шнурами, концы которых оканчивались тяжёлыми кисточками, украшали окна.

Я никогда не видела, чтобы слушатели сидели в аудитории, возвышаясь друг на другом. Это оказалось разумным решением, ведь, если слушателей на лекции много, не все могут сесть в первых рядах. При такой расстановке столов преподавателя не только слышно, но и хорошо видно всем. Мне отвели конкретное место, и к нему меня проводил молодой виг, которого обязали помогать участникам конкурса. Возможно, он учился в этом же университете.

Я села за свой монитор и принялась рассматривать приби-

вающих на конкурс. Вот вошёл сеновипод, его шесть глазок постоянно бегали по лицам присутствующих. Искал знакомых? У окна расположились элфеины. Я хмыкнула. Думала, ушастики только медициной и своими прекрасными садами увлекаются. Мимо чинно прошествовал огромный хлеос.

Передо мной загорелся экран, таймер на нём начал отсчитывать секунды до начала. Старт! Я пробежалась глазами по заданиям. Как всегда, сначала взялась за то, что легче всего, на что потратила бы минимум времени. При подведении итогов этих соревнований учитывалось три фактора: правильность, скорость и метод решения задачи.

Через пять часов я нажала кнопку «Завершить» и покинула аудиторию. Страшно хотелось есть, особенно чего-нибудь сладкого. Я мысленно поблагодарила организаторов за расставленные рядом с залом, где проходили соревнования, столики с едой и напитками. Можно было выйти, чтобы перекусить, но таймер при этом не останавливался. Я знала, что через полчаса объявят результаты. И волновалась, так как не была уверена в одном из способов решения последней задачи. Требовалось предложить минимум три решения, я смогла расписать пять. И вот это пятое решение, на мой взгляд, очень спорное, было построено на допущениях.

Я немного побродила по университету. В некоторые аудитории двери оказались приоткрыты, и я заглядывала в них. Внутри стояли ряды столов с мониторами, на стенах висели портреты неизвестных мне вигов, тируни, цариси, элфеинов.

Иногда в какой-нибудь аудитории ездил робот-уборщик. На этажах и в коридорах было довольно пусто. Мне стало любопытно: это из-за обеспечения безопасности соревнующихся или из-за того, что студенты готовятся к экзаменам? Или здесь экзамены проходят раньше, чем в школе навигаторов, и студенты, сдав сессию, уже разъехались по домам?

Результаты соревнований оглашал ректор университета. Сначала объявили участника, занявшего третье место. Им оказалась тощая, как высохшая травинка, цветничка. Сравнив Лилоусу Шипсу и эту девушку, я пришла к выводу, что они относятся к разным подвидам. Второе место занял тот самый шестиглазый сеновипод. Затем ректор выдержал паузу... Мои ладони вспотели. Сейчас я узнаю, получу ли семьдесят тысяч кредитов.

– Со впечатляющим отрывом по количеству набранных баллов первое место занимает кадет школы навигаторов – Микаэлла нье' Риолин!

Ректор, пожимая мне руку, негромко предложил:

– Переводитесь к нам, Микаэлла. Будете приняты на третий курс по любому направлению без экзаменов. Учёба и проживание в кампусе для вас бесплатны, гарантирую императорскую стипендию!

– Спасибо, это честь для меня. Возможно, я пройду курс обучения в Центральном университете после окончания школы навигаторов, – честно ответила я.

Главный приз вручал его высочество Эирик нье' Тар-

ку-Ринд собственной персоной! Я еле сдерживала смех, когда он пожимал мне руку, вручая пластиковый конверт. Организатор потребовал, чтобы наследный принц обнял меня ради красивых голоснимков, и я, сверкая улыбкой, раскрыла объятия. Когда Эирик, злобно сверкая глазами, но приветливо улыбаясь, обнял меня, я прошептала ему на ухо:

– Не получается держаться подальше, ага?

Не смогла удержаться. Это был шикарный повод подразнить гадину нье' Аттейс. Целый год она доставала меня своими пакостями, сплетнями, подначками. То меня обольёт компотом в столовой какая-то девочка, шёпотом сообщив, что у Аттейсов в школе много сторонников, то сама Лив пустит слухи о том, что моя короткая в начале учебного года стрижка – следствие венерического заболевания. Я потом долго отбивалась от предложений парней сделать другу-другу приятное вечером. Конечно же я отвечала ей. Как-то у Лив заклинило дверь в отсек, и она опоздала на контрольную. А однажды случился сбой работы вентиляции в её отсеке и там начало вонять протухшей рыбой. Запах оказался очень въедливый, он проник не только в помещение – пропахли и её вещи, и постельное бельё. При подготовке этой шалости я на неделю погрузилась в изучение технической документации по водоснабжению, водоотведению, вентиляции отсеков и удалению отходов из них. Правила Дживса я усвоила – не подставлять его, не подставляться самой, не причинять физического ущерба объекту мести. Родителям

нье' Аттейс не жаловалась. По слухам, она получила нагоняй за то, что те начали расследование в прошлом году.

Как-то я спросила Дживса, почему он помогает мне в борьбе против Лив, и он ответил, что именно семья Аттейсов протолкнула в правила школы запрет на ведение съёмки в санузлах и раздевалках.

– Если кадету понадобится помощь в этих помещениях, я могу не узнать об этом, – сообщил Дживс.

Я снова потянулась и зажмурила глаза, предавшись приятным мыслям. Последние месяцы мои семьдесят тысяч кредитов лежали на личном счёте в гномейрском банке, куда я поместила их под небольшой процент. И сейчас я прикидывала, куда их потратить.

– Деньги должны работать, – произнёс как-то на лекции господин Виигор Харшхтенботтен.

Я запомнила эту фразу. И, купаясь в тёплых морских водах на Арине вместе с командой Линн, сидя в оранжерее маяка семьдесят тысяч семь и делая записи о жизни дженери на космической станции, возясь с активными малышами – детьми Киниры и Линн, прокручивала в голове идеи о том, как преумножить мой пока скромный капитал.

Мне нравилось приходить в детскую на маяке Линн. Няня малышей, саха Вэрикс, сначала ворчала, что я ей мешаю, но потом привыкла. Угугукающая малышня приводила меня в умиротворение.

Решение я нашла. Но мне катастрофически не хватало знаний: в школе навигаторов курс экономики рас-союзников начинался только через два года. Пришлось потратить не один месяц на изучение необходимого мне уже сейчас материала. А ещё я посоветовалась с Асумом, Дживсом и... Линн. Они одобрили мою идею. Сама не знаю, зачем я посвятила в свои планы Одалинн.

Откинув одеяло, я направилась в душ. Сегодня в расписании стояли робототехника, лётное дело, физика и медицинское дело. Из всего этого я с нетерпением ждала урока полётов. Преподаватель – зверолод Нарсен Соолав. На уроках – зверь. Но именно благодаря ему кадеты выходили из стен школы хорошо подготовленными пилотами. Пока мы изучали принципы действия основных узлов катеров, фрегатов. Подробно разбирали устройство двигателя и органы управления судном, навигационные приборы.

– Для чего нам такие глубокие знания, господин, Соолав? – спросила как-то Нэлия нье' Дэжно, подружка Эолив.

– Чтобы в критической ситуации вы смогли оказать помощь своей команде, Нэлия.

– Но ведь в команде смотрителя всегда есть техники, инженеры, диагносты. Зачем нам разбираться в этом?

– А если все они будут уничтожены и вы останетесь одна? И да, кадет нье' Дэжно. – Даже не собираясь слушать возражения Нэлии, Соолав язвительно добавил: – Через неделю жду от вас доклад о количестве гибелей экипажей кораблей

от поломки гидравлической системы. Выборка нужна за последние два года. В докладе обязательно должны быть подробные описания причин выхода из строя гидравлики и детальный разбор причин гибели команды.

Неприятная домашка... Впрочем, нье' Дэжно заслужила. Голова дана, чтобы думать, а не чтобы на ней глаза красить!

Робототехнику я не любила. Искран своими методами привил мне отвращение к конструированию и программированию ботов, а вечная нехватка деталей для ремонта и наличие частично работающих комплектующих не усилили желание разобраться в этой теме. Но настройки ботов и мелкий ремонт я могла проводить. Преподаватель отлично объяснял материал, и проблем с этим курсом у меня пока не было.

Медицинское дело оказалось довольно интересным, в прошлом году мы подробно изучили анатомию вигов, заболевания, характерные для нашей расы, выяснили, как оказывать помощь при переломах. Госпожа Ростакс обещала нам практику в одной из клиник Франгаг в конце учебного года.

– Без практики не будет толка, теория вам не поможет правильно наложить повязку или швы. Не всегда под рукой оказывается запаиватель ран, – говорила она. – В этом году мы начнём изучать анатомию элфеинов. У каждого из вас будет служить медик с Элеи. У современных зрителей, увы, нередко возникают случаи, когда нужно спасти и медика. А ещё на этом курсе мы коротко ознакомимся с анатомией и часто встречающимися заболеваниями рас-союзников.

С физикой проблем не возникало, она давалась мне легко, так же, как и математика. Но вот участвовать в соревнованиях ещё и по этому предмету мне не хотелось – тут я даже в третьем месте не была уверена. Участвовать ради обидного четвёртого места я не хотела. Извини, школа навигаторов, извините, господин нье' Лекир. Преподаватель физики, астрофизики и теории строения чёрных дыр, Яжив нье' Лекир, не раз предлагал мне принять участие в соревнованиях, в итоге я плавно съехала с отметки «отлично с плюсом» до твёрдого «хорошо»: сделала вид, что некоторые темы даются мне с трудом.

Я наскоро заплела уже отросшие ниже лопаток волосы в две косы, оделась и побежала на завтрак. Моя школьная подруга – Тайнара – уже ждала за столиком в столовой. Когда я шла к ней со своим подносом, то чуть не споткнулась о выставленную ногу Эолив. Клянусь, две секунды назад её там не было! Конечно же, это очередная подначка от нашей будущей императрицы. Теперь она прилюдно попытается унижить меня. И точно, Лив подала голос:

– Какая же ты неуклюжая, кретинка!

Тут я взбесилась и решила проучить хамку в манере Искрана.

– Восполняю пробел в твоих знаниях, Эолив. Кретинизм – эндокринное заболевание, вызываемое недостатком гормонов щитовидной железы. Характеризуется выраженным снижением функции щитовидной железы, задержкой физиче-

ского и умственного развития. Я имею высокие отметки по физической подготовке и по всем обязательным предметам, я выиграла математические соревнования. А вот твои отметки еле дотягивают до приемлемого уровня, разве что по физической подготовке ты преуспеваешь, поэтому ближе к званию «кретинка» тут ты. Сходи и проверь свою щитовидную железу!

В столовой раздались смешки и аплодисменты. Лив доставала не только меня.

– А прикольно заучка её отбрила! – выкрикнул кто-то из толпы студентов.

Лив побагровела и... кинулась на меня с кулаками. Этот конфликт уже давно назревал.

Когда нас разняли, по волосам Лив стекала каша, я успела разбить ей нос и губу, а она выдрала мне клочок волос! Клок моих только недавно отросших волос! И ещё у меня наливался синяк на скуле и, кажется, под коленкой.

В медицинском отсеке школы, в котором я побывала впервые, нам обработали раны, но залечивать их не стали.

– Походите такие красивые неделю. Таково указание ректора, – усмехнулся глава медицинской службы школы и сообщил: – Вас ждёт у себя в кабинете господин нье' Тарку.

Мы, зло глядя друг на друга, поплелись на административное кольцо.

– Ну и что вы не поделили? – спросил господин нье' Тарку. Мы молчали. Ведь Дживс наверняка уже доложил и пока-

зал, как всё произошло.

Ректор пожал плечами и распорядился:

– Ну, раз делить вам нечего, то так же дружно, как сейчас молчите, вместе будете неделю мыть трюм. Там недавно снова разлили пирейскую смазку.

Лив возмущённо воскликнула:

– Но нье' Аттейсы не делают чёрную работу. Мы же служим императору! Мойка трюма для таких, как она. – Эолив кивнула в мою сторону. Ух ты, я, значит, какой-то недонавигатор?

Ректор меня удивил. Он сжал губы, из глаз пропала насмешка, и он холодно спросил:

– И почему же чёрная работа предназначена только для кадета нье' Риолин?

– Ну... – Лив, поняв, что сказала что-то не то, начала хлопать своими красивыми ресницами и чуть надула губки. С остатками каши на волосах она смотрелось убойно. – У смотрителя без поддержки рода нет шансов сделать свой маяк успешным, пусть лучше приносит пользу другим, будет помощником смотрителя, – она помахала в воздухе рукой, – или работником трюма. Я вообще не уверена, что эта, – она снова кивнула в моём направлении, – поступила в школу законно. Она не закончила полосу препятствий!

Какое незамутнённое умом сознание! И ведь она сама как-то поступила в эту школу, где очень большой конкурс: пятнадцать-двадцать абитуриентов на место. Скорее все-

го, её натаскали на решение задач и заставили вызубрить несколько вариантов сочинений. А уж с физической подготовкой проблем у Лив не было. Мне даже стало жаль Эирика – всю жизнь прожить с женщиной, у которой в голове только танцы, модная одежда, сплетни и интриги...

– Это официальная позиция рода нье' Аттейс? Кадет нье' Риолин зачислена в школу по настоянию императора навигаторов. Ваш род сомневается в решениях императора?

И тут до Лив дошло.

– Нет, это только моё мнение, – ответила она, опустив голову.

После господин ректор прочёл нам краткую лекцию.

– Вы забыли, что навигаторов ещё слишком мало? Забыли, что, когда мы начали ставить свои интересы выше интересов других, выше интересов империи, мы всё потеряли? Нас стало легко разделить, подкупить, соблазнить, наше общество стало разрозненным, и поэтому заговора в межгалактическом совете мы не заметили и допустили вторжение Глесиуса. Некоторые виги пошли дальше. До сих пор находят доказательства того, что к Глесиусу примкнули не только простые зрители, но и представители верхней власти Франгаг! Мы вернёмся к тому же самому, к упадку и вырождению, если не поменяем мышление! Грызня между древними родами почти прекратилась благодаря усилиям императора, но вы обе почему-то решили забыть об этом!

Я даже открыла рот. Вот это поворот! Стоящая рядом Лив

презрительно фыркнула, смотря в сторону. Я отметила главное – мой род ничуть не хуже рода нье' Аттейс, он тоже древний!

Как же я ненавижу тебя, Исхран! Ты опять умолчал!

Руки чесались перезагрузить старинного искина, но пока я мало знала о том, как это сделать правильно.

– Простыми словами, игра на бирже – это спекуляция. И по сути спекулянты торгуют не акциями, а риском! Основное правило – вовремя купить, вовремя продать. – Я ходила по отсеку и размышляла вслух. В кресле сидел Дживс.

– Трейдер редко ошибается дважды. Обычно раза три или больше, – глубокомысленно произнёс он.

– Дживс, миленький, мне поддержка нужна, а не твой юмор.

– Микаэлла, вы так и будете колебаться. Я понимаю, полученные кредиты очень важны для вас. Но пока вы не попробуете – не узнаете, по силам вам это или нет.

Я с сарказмом согласилась:

– Угу, у каждого свои пути к разорению.

Уже три месяца я изучала биржевые операции и материалы по аналитике. Прочитала всё, что нашла, о финансах, инвестировании, кредитах. Асум, который поддерживал со мной связь, прислал адаптированную под язык навигаторов книгу «Воспоминания биржевого спекулянта». Судя по описанным событиям, действие происходило на планете доволь-

но отсталой, не освоившей космические путешествия, но игру на бирже, то есть её более примитивный вариант, уже придумавшей.

Я хваталась за голову: тех семидесяти тысяч кредитов, которые стали моим призом за первое место в математическом конкурсе, катастрофически не хватало! Требовался полноценный пульт управления с мощным процессором и дорогими аналитическими программами. И ещё как минимум два монитора, а лучше три. Всё это не запрещалось использовать в школе, но я бы потеряла немало пространства в отсеке и часть имеющихся денег. Целых десять тысяч. Десять!

Пять шагов от двери до кровати, разворот, пять шагов от кровати до двери, и всё по новой.

– Допустим, я начну играть сейчас. Но для доходности в пятьдесят процентов моих средств не хватит, придётся довольствоваться низкими прибылями.

– А чем вам, Микаэлла, не нравится доход в восемь-двенадцать процентов? Да, это немного, но деньги будут поступать. Я бы сравнил это с ручейком, небольшим, но никогда не пересыхающим, – лирично выразился Дживс. – При этом и ваши потери в случае чего окажутся незначительными. Научитесь на мелких сделках игре на бирже, станете чувствовать себя увереннее.

Я упала на кровать.

– Хочу реку, нет, океан денег, поступающих постоянно! Но ты, Дживс, прав, начинать нужно с малого.

Для первых биржевых операций я выбрала акции сельскохозяйственной компании «Ваиреш и сыновья» – эта мадобская компания успешно поставляла ингредиенты на производство кормосмеси для пищевых синтезаторов многих миров – и акции «Ауклфарм». Последние привлекли моё внимание тем, что в позапрошлом году, когда виги настояли на временной изоляции ауклов за грешки перед одним неразвитым миром, их акции начали падать. Мои соотечественники не были слишком жестоки и не потребовали полной блокады Ауклы. Они разрешили снабжение, и улетающие транспортники, привозившие товары на Ауклу примерно раз в месяц, увозили с собой продукцию этой расы, в том числе фармацевтическую. В этот короткий период акции компании медленно поползли вверх. Сейчас акции «Ауклфарм» неизменно падали. Конечно, никто не позволил бы мне купить большой пакет акций по самой низкой цене, учитывая такое предсказуемое изменение курса. Но небольшой пакет по довольно высокой цене мне перехватить удалось. Доход для терпеливых. С этих акций я получила бы максимум два процента дохода, но всё же он был бы моим.

Ещё я остановилась на акциях относительно небольшой логистической компании, которая занималась отправкой грузов. Тут доход мог прийти очень быстро, но и так же стремительно я могла потерпеть убытки. Если компания успешно перевозила сложный груз с одной части Вселенной в другую, акции компании быстро поднимались. Если из-за

пиратов, астероидов или неверных управленческих решений она теряла груз, а иногда и корабль, акции падали. Грузы компания переправляла специфические: как-то им пришёл заказ на доставку небольших млекопитающих из мира Фитот. Перекормишь в пути животное – впадёт в анабиоз, недокормишь – в бешенство. При анабиозе существа теряют всю шерсть, при бешенстве на нежной шкурке отрастают чешуйки, которые держатся на ней до конца жизни – это ухудшает внешний вид животного, за который его так ценят.

Первые свои быстрые деньги я получила тем же вечером, под самое закрытие туарианской биржи. Целых семьдесят пять кредитов! Я прыгала по своему отсеку, размахивая руками, и счастливо смеялась. Дживс, расположившись в кресле, иронично улыбался.

А потом потянулись дни, когда нужно было оперативно реагировать на изменения курса акций. Спасибо Дживсу – пока я посещала уроки, он отслеживал их подъём, падение, сообщал, когда лучше сбросить пакет акций какой-нибудь компании, а когда купить акции никому неизвестной корпорации. Я написала программу, позволяющую анализировать основные показатели экономической деятельности любой компании, такие как итоговая выручка от продаж, налоги, стоимость приобретения основных производственных фондов, производственные операционные расходы, экспортные пошлины и акцизы, затраты на обеспечение безопасных условий труда и экологию. Программа создавалась му-

чительно, бесчисленное число раз я её дописывала, изменяла, дополняла, но результат стоил того. Она помогала мне отслеживать несколько сотен предприятий, сообщала о вероятности падения или роста акций в результате управленческих решений, модернизации производства или продажи непроизводственных активов.

– Почему ты мне помогаешь? – как-то спросила я Дживса.

– Мой анализ ваших личностных характеристик показывает, что вы будете полезны расе навигаторов. Вероятность этого – восемьдесят две целых, пятьдесят одна сотая процента.

Мне не хотелось обсуждать эти слова. Я не желала быть полезной расе, которую вёл в «светлое будущее» сумасшедший.

– Великая точка начала, – бухтела Тайнара, – да как же эти полезные, – это слово она произнесла с небольшим элэфинским акцентом (передразнила леди Ростакс), – выживают в родной среде при таком соплеотделении?

Мы тащили по проходу теплицы полные вёдра желтоватой слизи пируамуса обыкновенного. Нам надлежало набрать полный трёхсотлитровый бак этой гадости. Объём ведра составлял десять литров, и нам предстояло сделать пятнадцать ходок от пируамуса до бака, стало быть, притащить тридцать вёдер слизи на двоих, пройдя за это время семнадцать тысяч

шагов каждая.

– Это не сопли, – кряхтела я, переваливая через бортик ёмкости ведро, – это желудочный секрет.

– Да помню я, – от напряжения голос Тайнары вибрировал, – что это растительная рвота. Страшно полезная и незаменимая при поражениях радиацией, – она снова передразнила преподавательницу.

Сегодня у нас состоялся очередной практикум в ботанической теплице. Кадеты, разбившись на пары, получили задания от леди Ростакс. Нет, мы все, конечно, знали о темах для отработки, но, какая именно кому достанется, предположить не мог никто. Как-то я попробовала подлизаться к Дживсу с просьбой подсказывать, что меня ждёт на экзаменах и какие задания предназначены мне на практикумах. Искин школы вежливо отказался.

В общем-то, ничего сложного сегодня не было, нам с Тайнарой досталось довольно простое задание: счищать с больших, размером с голову вигу, плодов пируамуса желудочный сок. Деревья нечасто выделяют секрет для переваривания органической (подумать только, они едят мясо!) пищи. А у этих он оказался не внутренний, как бывает в таких случаях, а внешний! Выяснилось, что эти деревья умерщвляют мелких грызунов, живущих на их родной планете, корнями передвигают трупы под плоды, с которых падает переваривающая жертву слизь, а затем разложенное с помощью этой слизи тело животного поглощается разветвлёнными мелки-

ми корнями, находящимися близко к поверхности грунта. Они поглощают даже кости, пусть те и разлагаются несколько дольше, чем плоть. Вот мы с Тайнарой и счищали скребками слизь в вёдра и таскали её в бак-накопитель.

Хуже пришлось тем, кому выпало подкармливать наше дерево тушками тех самых грызунов. Дерево оказалось гурманом – в искусственных условиях капризничало и желало есть только свежеумервлённых особей. Лишь после этого разборчивое растение начинало выделять необходимый нам секрет.

Почётная задача умерщвлять мелких животных и приносить их ещё тёплые тушки дереву досталась Эолив. Кажется, она даже поссорилась со своими подпевалами, пытаясь заставить их делать эту работу вместо себя. Не хочу думать о дополнительных инструкциях, которые дала Лив и её подруге леди Ростакс, когда они получили это задание.

Ещё перед тем, как я начала играть на туарианской бирже, мне на глаза попалась небольшая заметка про металлодобывающий концерн на Наори. Они проводили разведку в поисках краплатового фаридия, добывали его, очищали руду и выплавляли из него слитки. Даже если в ста тоннах руды содержалось всего десять килограмм этого самого дорогого во Вселенной металла, затраты на поиск и добычу окупались многократно. Я наткнулась на эту заметку в рамках поиска информации для доклада по химии. Что меня в ней

привлекло, так это то, что концерн вёл исследования по поиску способа уменьшить затраты на поиск фаридия. Тогда я хмыкнула, подумав, что знаю решение этой задачки – нужно найти вигга с даром поиска такого металла, и все их проблемы будут решены. Но я боялась, что этот вигг проживёт недолго – желающих добывать фаридий было очень много. Аналитическую программу, написанную под свои нужды, я начала тестировать как раз на этом концерне. Программа собирала любые сведения, даже самые малозначительные, об этой корпорации. Анализировала их, делала расчёты. А я раз в неделю просматривала этот анализ.

И вот! Сегодня я приобрела пакет акций этой корпорации, потому что собранные данные показали: решение для облегчения способов обнаружения фаридия этот концерн нашёл. Это стало понятно по некоторымкупаемым материалам, оборудованию, реагентам. Собственники очень хорошо скрывали свои достижения. Покупки, указывающие на продвижение в этом направлении, делали не часто, приобретали необходимое маленькими партиями у разных продавцов, иногда через дочерние предприятия, чтобы не привлекать к себе внимание. Курс их акций практически не колебался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.